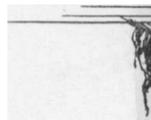
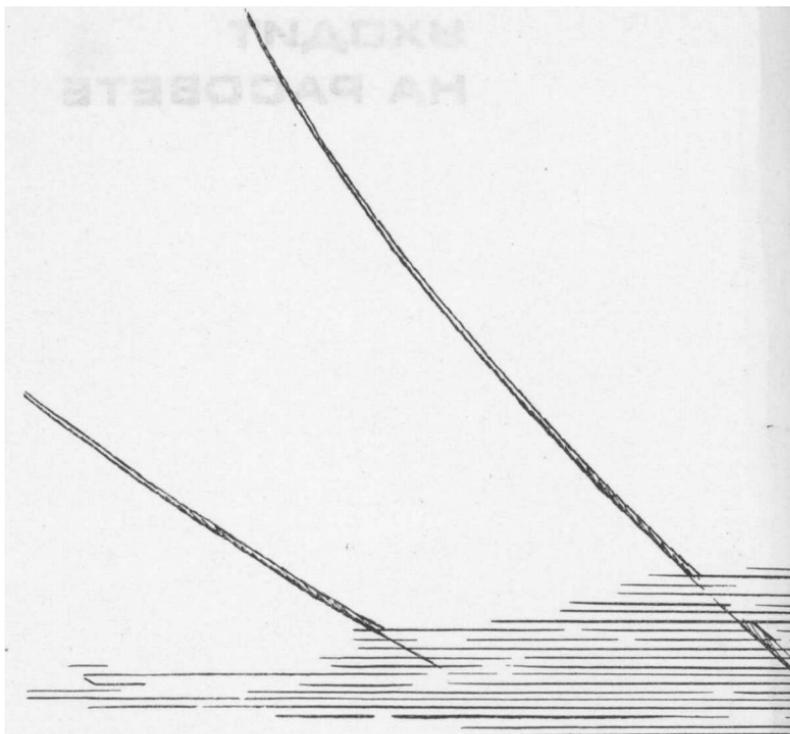

ОЛЕГ
ГЛУШКИН „АНТЕЙ“
УХОДИТ
НА РАССВЕТЕ

Олег Глушкин

..АНТЕЙ"
УХОДИТ
НА РАССВЕТЕ

Калининградское
книжное
издательство 1979

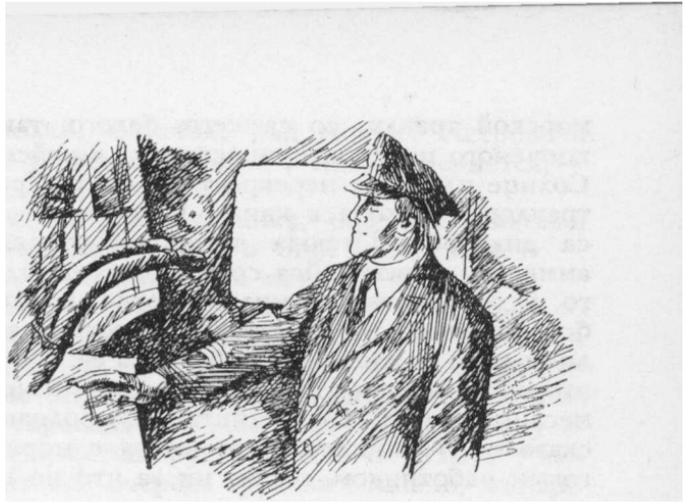
..АНТЕЙ”
УХОДИТ
НА РАССВЕТЕ

*Повести
Рассказ*

«Антей» уходит на рассвете» — книга повестей и рассказов о самоотверженном труде рыбаков и судоремонтников. Герои ее — и капитан-директор большой плавбазы Токарев, решающий проблемы перестройки промысла, и капитан рыболовного траулера Москалев, волей случая оказавшийся на берегу, и Тимчук, матрос, только начинающий свой путь, и молодой докмейстер, постигающий азы производства, — объединены стремлением жить честно, активно утверждая высокие нравственные принципы, за внешней их сдержанностью таятся напряженные чувства.

Становление характеров героев, тесное взаимодействие в достижении поставленных целей зримо отражено автором, который не раз выходил в далекие рейсы на борту рыбопромысловых судов.

Глушкин О. Б.
Г55 «Антей» уходит на рассвете: Повести и рассказы.— Калининград: Кн. изд-во, 1979. — 248 с.

«АНТЕЙ»
УХОДИТ
НА РАССВЕТЕ

Стоял август, и город тонул в зелени. По утрам красный кирпич зданий и черепичные крыши в солнечном освещении казались только что созданными. В эти утренние часы потоки пешеходов заполняли дороги. Антон Петрович Москалев тоже спешил на работу. Он шел к порту по тропе мимо обмелевшего озера, сворачивал за кооперативным домом и пересекал шоссе около большой желтой цистерны с пивом, которую моряки называли «буренушкой». Здесь начинался порт, начинался с утренней кружки пива, с рассказов о штормах и ожидании транспортов, о счастливых фрахтах и везучих рейсах, об удачливых капитанах; с общей 5

морской травли; со свежего, белого, тающего в жире копченого палтуса, припасенного в рейсе для корешей. Солнце плыло за перекрестием мачт. Протяжно гудели траулеры у входа в канал. Разносились звонкие голоса дикторов. Отсюда в город врвался запах рыбы, аммиака, слежавшейся соли, водорослей. От всего этого у Москалева щемило в горле, и какая-то сладкая боль поднималась изнутри, захлестывала, и лишь усилием воли можно было отбросить ее, притвориться, что это не волнует и что все в порядке. Если бы несколько месяцев назад ему, капитану рыболовного траулера, сказали, что придется расстаться с морем, стать береговым работником, он бы ни за что не поверил.

В это утро Москалев заметил у «буренушки» чернобородого боцмана с «Антея» и понял — его траулер вернулся в порт. Замелькали знакомые лица. Со всех сторон протянули кружки и, наверное, чтобы успокоить его, не обидеть, отдать ему должное, наперебой начали говорить, как плохо теперь без него, какой был «черный» рейс, как рыба уходила буквально из-под носа, как чуть не утонул корабельный кот Санчо, любимец судна, и о том, что потеряли вибратор эхолота во второй половине рейса, так что искать рыбу было нечем и приходилось, как слепым, идти в кильватер соседу.

— Ладно, стоп, — сказал Антон Петрович, — знаю, никто больше вас не брал в этом районе.

— Разве мы с вами столько бы взяли! Мы бы еще два раза по столько рванули! — возразил штурман Венья Волохов, рыжий до красноты и весь блестящий, как надраенная корабельная медяшка.

Москалев помнил его еще матросом, любопытным и слишком уж колготным, снующим по палубе, как
6 вихрь.

— Да, помолчи, балабол, дай Антона Петровича послушать, как у него тут, когда к нам возвратится, — перебил Волохова боцман.

— Затяжная якорная стоянка, боцман, — ответил Москалев, посмотрел на часы и стал извиняться.

Его отпустили неохотно, но поняли — служба.

Боцман, не желавший вот так сразу расстаться со своим капитаном, пошел проводить его до проходной порта. Шли молча, и, чем ближе подходили к проходной, тем больше становилось людей, спешащих к большим воротам, украшенным плакатом, на котором уса-тый рыбак в зюйдвестке крутил колесо штурвала. У ворот порта скопилась очередь грузовых машин, женщины с цветами стояли в сторонке около конторы, а слева на площадке для личных машин — впритык друг к другу — жались «Жигули» всевозможных расцветок.

Боцман все время порывался что-то сказать, но решил начать разговор только у самого входа.

— Мы вот, Антон Петрович, думаем всей командой за вас написать. Вчера в партком ходили.

— Что написать? — спросил Москалев.

— Ну, чтобы на «Антей» вас возвратили.

— Излишне, боцман. Не надо этого делать. Каждый человек должен сам отвечать за свои сбои.

Москалева удивляла суетливость конторской работы, он понимал, что он лишний здесь в дипломной группе порта, сегодня, после встречи с «антеевцами», ему было особенно не по себе. Начальник группы Ефимов начал день с поиска нужной бумаги. В эти поиски включились все инспектора, и, захлестнутый общей сумятицей, Антон Петрович тоже рылся в многочисленных папках, и пальцы у него становились серыми от пыли. Через час выяснилось, что бумага лежит на столе у Ефимова. Все успокоились.

Было душно. Днем конторские комнаты накалились и напоминали каюты на судне в тропиках. Женщины снимали все, что можно было снять, и оставались в легких полупрозрачных халатах, Ефимов ежеминутно Ытырал пот со лба большим клетчатым платком, а потом ушел к начальству. Когда он ушел, в отделе началось шушуканье, анекдоты, разговоры по телефону, и никто уже не искал бумажек. Этот шорох, разговоры и безмятежность изредка нарушали посетители. Они входили робко, здоровались почтительно и останавливались у двери, теребя в руках форменные фуражки. При их появлении все смолкали и принимались резво писать что-нибудь или листать папки, и никто не поднимал голову от стола, а вошедший краснел, смущался и осторожно, почти шепотом, говорил:

— Скажите, пожалуйста, к кому обратиться?

И так как ближе всех к двери сидела инспектор Лямина, то отвечала волей-неволей она. Царственно повернув голову, одной рукой поправляя черные пряди, другой продолжая листать папку, говорила посетителю, как провинившемуся ученику:

— Вы грамотны. Надо читать объявления. Ясно написано: прием с трех.

— Извините, — терялся посетитель и пятился к двери. — Извините, пожалуйста, я приду позже.

Можно было подумать, что все, кто приходил сюда, были робкие, застенчивые люди, с детства воспитанные в послушании и страхе, тихони, ходившие по земле на цыпочках. Антону Петровичу хотелось встать из-за стола, взять оробевшего посетителя за руку, провести его вдоль стеллажей в свой угол, сказать что-нибудь ободряющее и мигом выдать нужную бумагу. Но, к сожалению, он не знал, где лежат бланки, какой номер надо поставить на них, что написать. Ему еще не доверяли такие дела и лишь иногда, когда в бумагах

8 шла речь о непонятных лоциях или рыбах, обращались

к нему, чтобы он разъяснил, что значит то или иное слово. Но когда он пытался что-нибудь узнать, вникнуть в порядок работы, проявить самостоятельность, его быстро и ловко пресекали или отвечали двусмысленно и витиевато, мол, все равно это не для тебя, посидишь у нас месячишко, уладишь дела и опять на мостик, а это наш хлеб, наш порядок и здесь только запутаешься и других запутаешь. А дело ведь было нехитрое: выписать вовремя диплом, квалификационное свидетельство, оформить все это, сверить с плавательным цензом. И Москалев, конечно, не хуже других понимал необходимость этой работы, и в то же время было ясно, что капитанские его знания, его опыт применения здесь не найдут.

Незаметным и неслышным был в отделе только инспектор Семен Савельевич, он молча, не переставая, писал бумаги, заполнял толстые тетрадки, что-то подсчитывал и прерывал свою работу лишь затем, чтобы выкурить в коридоре очередную сигарету.

Поначалу он встретил Москалева настороженно и очень как-то обидно объяснил Москалеву цель его устройства в отдел:

— Это вы хорошо придумали, именно здесь, смею уверить, прямой путь для восстановления ваших капитанских прав — все в руках начальства.

— Простите, Семен Савельевич, но у меня нет подобных целей, — прервал его Москалев.

Семен Савельевич смутился, и после этого разговора они долго присматривались друг к другу, прежде чем поняли, что первое впечатление у каждого было ошибочным.

Москалев добиваться для себя каких-либо исключительных льгот не умел. Было серьезное нарушение — надо нести ответ. С капитана за любое происшествие на судне особый спрос, а тут посадка на мель. Сам ведь не захотел работать в общей куче судов, увел 9

траулер к банкам... взяли рыбу крупную, трал тонн на сорок — и успокоились. Как потом выяснилось, дрейф даже не был отмечен на карте молодым штурманом — вот и снесло на банку.

На берегу, в управлении, начальник отдела кадров сказал:

— Вам лучше уйти самому.

...Два месяца отпуска прошли как во сне: несколько часов полета делали доступными города, не менее интересные, чем далекие заграничные порты, поездка на юг, впервые со всей семьей, остановившееся беззаботное время.

Все это было столь прекрасно, что он, Москалев, даже благодарил судьбу, но, когда береговая жизнь стала ежедневной реальностью, понял, что привычный ход событий разрушен раз и навсегда и в тридцать восемь лет начинается совсем новая, незнакомая ему жизнь.

И вот теперь — порт, дипломная группа. Оклад его оказался до смешного маленьким, равным окладу жены, преподавательницы истории в младших классах, но она нисколько не удивилась, когда он принес первую получку.

— Чего ты хочешь сразу, Антон? На берегу все живут так. Правда, тебе придется отказаться от некоторых твоих привычек.

— Например? — не понял Антон Петрович.

— Например, от поездок на работу в такси.

Но таксисты ведь сами останавливали машину, завидев его (он до сих пор не сменил фуражку с крабом на шляпу). И половина таксистов так или иначе знала, что он капитан; некоторые из них раньше плавали с ним, а другие помнили его молодым, когда он приходил с рейса и мотался по городу с друзьями, на весь день фрахтуя машину. И к тому же ноги, отвыкшие от 10 ходьбы, быстро уставали и начинали ныть, как у рев-

матика. Пешком ходить сначала он не любил. Потом привык — хорошая утренняя разминка при сидячей работе необходима.

Ефимов появился в отделе после обеда и сразу принялся подписывать заготовленные бумаги и распоряжения. Работа была привычной, и выполнял он ее почти автоматически.

Когда жаловались на затяжки с выдачей справок или нежелание вовремя оформить судовые документы, Ефимов возмущался:

— Сейчас модно стало обвинять в бюрократизме! Думают, если пришли с моря, заработали кучу денег — значит, герои! Спешите заказывать оркестры! Ошибка, молодые люди, закон обязателен для всех и нарушать его никому не дано!

Женщины в отделе дружно соглашались с ним, особенно Лямина, и лишь новый работник, капитан Москалев, последнее время пытался во всем дать свои советы и высказывал недоумение.

С приходом Москалева и Семен Савельевич начал вмешиваться в дела, бурчать и порой совершенно выходил из повиновения.

Ефимов был близорук и, когда волновался, обычно снимал пенсне и протирал стекла большим клетчатým платком. Без пенсне он уже не видел лиц и успокаивался. Но напряженный взгляд Москалева чувствовал даже без пенсне. Ефимов понимал, что напрасно согласился принять Москалева в свою группу и что теперь надо или как-то осторожно «приручить» его или просто-напросто избавиться.

Каждое дело Москалев старался выполнить сразу, а если не было работы — не уходил, а продолжал, как и сегодня, сидеть за столом прямо, не прогибая спины, и требовательно смотреть в глаза. «Дам-ка я ему расчертить отчетные формы, — решил Ефимов, — и полез-

но, и скучать не будет, и не будет у него времени возмущаться и лезть в разговоры, когда его не спрашивают».

Ефимов поднялся и не спеша прошел к стеллажам, где хранились дела, сжатые красными картонными папками. Он еще решал, с какой формы начать, когда дверь отдела резко распахнулась. Ефимов спиной почувствовал необычность посетителя и замер с легкой улыбкой на лице. Потом повернулся и заспешил к дверям, где стоял, оглядывая отдел, низенький, почти квадратный человек с бородкой.

— День добрый, Евграф Васильевич, — приветствовал его Ефимов.

Москалев не сразу узнал в вошедшем начальника порта. Они встречались в Клайпеде десять лет назад — Евграф Васильевич, тогда еще молодой и юркий, работал в погрузрайоне. Москалев пришел в Клайпеду на «Муссоне» с полными трюмами рыбы, выгрузка затягивалась. Антон Петрович умел прижать портовиков, он добился причала. И в эту затянувшуюся сдачу стивидорам досталось от него на орехи.

Многие видели начальника порта впервые, а с тех пор, как он поставил у себя в кабинете селектор, даже начальники отделов стали реже бывать у него. Когда раздавался резкий звонок — это значило: Евграф Васильевич выходил на прямую связь с Ефимовым, при этом голос его, усиленный динамиком, был властным и не терпящим возражений. Звонок этот раздавался редко и всегда становился событием и темой разговоров на целый день.

— До меня дошли жалобы, — пророкотал Евграф Васильевич, обращаясь не столько к Ефимову, сколько ко всем сидящим в отделе, — волокиту здесь развели!

— Не может быть, Евграф Васильевич! Работаем, как отлаженный механизм, любое дело, любые данные
12 всегда под рукой, — начал скороговоркой Ефимов.

— Даже так! А вчера до ночи стоял готовый к промыслу траулер! Судно задержали из-за бумажки! Вы все должны понимать, что мы для флота, а не флот для нас!

— Евграф Васильевич, это все понимают, — поспешил согласиться Ефимов, — мы всегда идем навстречу флотским товарищам, мы делаем все, что зависит от нас!

Начальник порта посмотрел поочередно на каждого из сидящих в отделе, взгляд его не предвещал ничего хорошего.

— И вы здесь, капитан? — Он заметил и, видимо, вспомнил Москалева и, не ожидая ответа, добавил, уже обращаясь только к Антону Петровичу, — Впрочем, мне говорили о вас. Временно решили отсидеться.

— Считаю, что временно, — спокойно ответил Москалев, — много у вас здесь излишней суеты.

— Очень верно, Евграф Васильевич, Москалев здесь человек временный, ему трудно вникнуть, — вмешался в разговор Ефимов.

Евграф Васильевич повернулся к Ефимову, приподнял плечо, как боксер, и посмотрел так, что Ефимов сразу понял, что лучше было ему промолчать.

— Я даю вам неделю для налаживания четкой работы! Неделю! Уразумейте этот срок, молодой человек!

После его ухода в отделе долго стояла мертвая тишина, только было слышно, как за окном тренькают краны и скрипят стропы, сдавливая короба с замороженной рыбой. Потом говорили все сразу, к Москалеву никто не обращался. И Лямина сказала:

— Странно, что люди, сами не знающие смысла, только пришедшие, не вникшие в работу, вот так поставят под сомнение работу целого коллектива!

— Траулер стоял из-за нашей проволоочки, — сказал Москалев.

— Ах, вот как! — повернулся к нему Ефимов. — Теперь ясно, откуда у начальства информация. Наконец-то вы показали свое лицо! Опорочили коллектив! — крикнул он Москалеву. — Привыкли все делать по-своему! А как же — капитан! — И, не получив ответа, Продолжал уже более спокойно. — Так вот, если на судне с капитана спросить некому, то у нас другие порядки! И вы в такой же степени отвечаете за работу, как и остальные. Я знаю, из капитанов работников на берегу никогда не получалось!

— Спокойно, — сказал Москалев, — не надо нервничать! — И все услышали, что голос у него не для конторского помещения. — На судне я этого не терпел! И вас бы на своем траулере не держал! Здесь оставаться я не намерен!

Москалев уже не мог сидеть в одной комнате с Ефимовым. В коридоре, заставленном шкапами, он остановился, присел на стул, выкинутый из отдела за ненадобностью, и закурил.

Вечером, когда десятилетний сын, досмотрев очередную серию польского фильма про танкистов и собаку, заснул, Москалев еще долго сидел на кухне и уже жалел, что рассказал жене о том, что произошло в отделе. Обычно в морские дела он ее не посвящал и старался в письмах любой самый трудный рейс выдать за веселую прогулку. А тут вот рядом все время, все на виду. Да и нет уверенности ни в чем. Нервы сдают, что ли? Надо еще привыкнуть к тому, что встречи между рейсами должна заменить размеренная жизнь рядом, столь же опасная для любви, как и долгая разлука.

Пятнадцать лет они прожили вместе, из этих пятнадцати лет, если разобраться и сложить дни стоянок и отпусков, едва ли наберешь четыре года. Она уже, 14 наверное, свыклась с этим и притерпелась.

Москалев понимал, что ей завидовали в школе, по-други, соседи, все, кто думал, что женой капитана быть легко, что можно не заботиться о деньгах, покупать в валютном магазине любые вещи, жить в комнатах, увешанных коврами. И, конечно, они не представляли, что значат долгие месяцы разлуки. И хотя время, вырванное от моря, было особенным и в эти дни стоянок в портах Москалев старался все время быть вместе с женой — сколько для этого приходилось ей ждать! Да и в порту, в дни прихода, большинство жен сразу уезжали домой со своими мужьями на заранее заказанных такси к домашнему ужину, к радости встречи, которую полностью можно ощутить только, если остался вдвоем. Он не мог уйти первым, Маргарита сидела в его каюте, а он продолжал работу. Санинспектора, пожарники, ремонтники, многочисленные комиссии управлений со всех сторон наступали на него, требовали, не понимая того, что человек не успел даже ступить на пирс и почувствовать под ногами землю. Москалев в день прихода выматывался настолько, что не было сил даже идти домой. И в первую ночь они оставались на судне, а утром каюта опять наполнялась людьми, теперь уже говорили о выгрузке рыбы, спорили за место у причала, просили отпуска. И только вечером Москалев вырывался наконец домой. Но как бы там ни было, это были чудесные дни: музыка в доме, поездки в Таллин, веселые компании друзей-капитанов, шумное застолье. Она все время говорила, что каждый приход для нее — праздник, мечтала о том времени, когда он, Москалев, будет все время на берегу. И вот теперь сбылась ее мечта, и сегодня, когда Маргарита почувствовала, что он не сможет больше работать в порту, она испугалась, сказала, что надо перетерпеть, втянуться в ритм береговой жизни и не расстраиваться по пустякам.

Ковры смягчали голоса, причудливые раковины поглощали звуки, пыхтел никелированный чайник, и ветер раздувал паруса учебного судна «Товарищ» на картине, вставленной в золоченую рамку.

— Рита, милая ты моя, — сказал Москалев, — у каждого свое. Они считают, что я случайный человек на берегу, и по-своему правы. Обещаю тебе — я буду корректным!

Ночью Москалеву приснилось, как на барке «Товарищ» они попали в шторм, как опускали паруса и судно отыгрывалось на волне, а Ефимов бессмысленно метался на ботдеке, и вдруг — отчаянный крик боцмана: «Человек за бортом!»

Москалев проснулся от этого крика, прошел на кухню, достал из холодильника бутылку пива. Уличный фонарь, мерно вздрагивающий напротив окна, освещал стол, остывший чайник и большую перламутровую раковину, приспособленную под пепельницу.

Он понимал, что каждый должен делать свое настоящее дело. Он привык к той безмерной ответственности и постоянной напряженности, которые возлагает на человека капитанская должность. Шторма, туманы, тягучие дни прологов, бессонные вахты — прожить и выдержать все это стоило ради прихода в порт с полными трюмами, ради тех взглядов матросов, которые поверили тебе, ведь ты — капитан, а это значит, взял на себя большее бремя забот экипажа, значит, ты оправдал доверие людей твоего траулера. Он привык к океанскому простору, где круг горизонта постоянно открыт твоему взгляду, где солнце выплывает прямо из воды, первоизданым своим сиянием заполняя морскую равнину, а по ночам крупные звезды ритмично вздрагивают и перемещаются, потому что палуба траулера не бывает неподвижной.

Как и все опытные капитаны, Москалев очень точно 16 не предощущал приближение того или иного события,

и в море он всегда принимал единственно верное решение. Он мог перейти в другой район промысла из квадратов, где рыба, казалось, сама лезла в сети, лишь потому, что чуть раньше других чувствовал, что здесь, в удачливом районе, суда берут последние тралы, он точно улавливал момент, когда надо сменить донный трал на пелагический, когда начать его выбирать, чтобы не помять рыбу, и в каком месте отдать трал снова, чтобы не упустить косяк.

Это было не какое-то сверхъестественное чувство, а просто знание обстановки, многолетние наблюдения за капризами морских течений, за местами, где они сталкиваются и разворачиваются, местами, которые так любят рыбные косяки; это был постоянный учет температуры на глубине и очень чуткая реакция всего организма на любое изменение погоды.

Почти десять лет на «Антее», он и траулер — стали неразделимы: где бы ни работали — на севере в шуге, среди льдов, в ревущих антарктических широтах, у рифовых банок, — «Антей» всегда выручал своего капитана. И надо было случиться этой посадке на мель в штилевом районе, где, казалось, и опасности никакой не предвидится! Туго набитый рыбой трал, рыба в бункерах, на палубе. Ночью можно было не тралить, запас огромный. Москалев впервые за последнюю суматошную неделю промысла решил отдохнуть. Проснулся он от грохота, было впечатление, что лавина камней обрушилась на металл судовой обшивки. Дали задний ход, но было уже поздно. Потом при разборе аварии во всех объяснительных и штурманы, и механики честно писали о своей вине. Ни одного упрека капитану...

Здесь, на берегу, была совсем иная жизнь, здесь другие отношения. На судне человеку трудно скрывать свое я, так или иначе он раскроется для экипажа, здесь же отработал

день — и ладно. Москалев понимал, что в дипломной группе вполне обойдутся без него, заполнять бумаги сможет любой другой человек, а если почерк каллиграфический, а не такой неразборчивый, как у Москалева, так это еще и лучше. Живут люди на берегу, большинство, Рита права — надо просто найти свое место. Есть же управление тралового флота, работают там капитаны, во всяком случае — это не в порту, там живое дело, они связаны с флотом, командуют промыслом...

В воскресенье Москалев с женой отправился на вокзал — это стало традицией проводить выходной день на побережье. Похолодало, чувствовалось приближение осени.

Они ехали в пустом вагоне. Желто-красная листва мелькала в окнах, рваные хмурые облака заволакивали горизонт. Они бродили по набережной, наблюдая, как накатываются волны на песок и высокие сосны клонятся под ветром. Вдали, почти у самого горизонта, выступал в море мыс, поросший низкорослыми соснами, на нем высилась башенка маяка. Волны все ближе подступали к обрывистому берегу, обнажая корни деревьев, и песок пляжа темнел от воды. Немногочисленные отдыхающие из санатория бродили по дощатому настилу и сверху смотрели на буйство воды и ветра. Иногда шальная волна подступала совсем близко и вода билась под досками, врываясь в щели. Сидящие на скамейках поджимали ноги, смахивали соленые брызги с лица ладонью.

Антон Петрович спускался к морю, стоял подолгу на линии прибоя, вода лизала его башмаки.

— Пойдем, смотри, все ноги мокрые. — Маргарита Ивановна тянула его наверх.

Они поднимались по крутой дощатой лестнице, над 18 которой смыкались кроны деревьев. Москалев шел лег-

ко, он молодец от этих встреч с морем, становился веселым, как курсант мореходки в увольнительной.

Он был таким, когда они встретились с Ритой на паруснике «Товарищ». Пионервожатая привела свой отряд на знаменитый парусник, мальчишки разбежались по судну — исчезли за полотнами парусов, скрылись в коридорах, в рубке. Она сама запуталась в снастях, растерялась.

— Курсант Москалев, — приказал вахтенный штурман, — помогите вожатой! Что же вы к палубе приросли, курсант Москалев?

Ей было тогда восемнадцать лет, русые, отливающие янтарным блеском волосы, зеленая спортивная куртка, уже тогда она носила очки, скорее для солидности, из-за стекол очков смотрели на курсанта широко открытые глаза.

— Ох, — сказала она, — Эдик залез на мачту!

Москалев доставил Эдика вниз, держа под рукой, как сверток. Потом они поднимались по узким трапам, собирая отряд. Загорелые ноги вожатой быстро перебирали ступени.

Вечером они долго бродили по набережной. Солнце спускалось в залив, и закат красной полосой опоясывал бухту. Было хорошо ощущать близость друг друга легким касанием плеч и вдруг открывать, как красиво все вокруг: порт, буксиры, гладь вечернего залива, заброшенный парк за старинной полуразвалившейся кирхой.

В парке они обнаружили пустующий деревянный домик. Запах яблок, разбросанных по полу, окна без стекол, деревянная табуретка.

— Помнишь тот домик, и как мы все время боялись, что придет сторож? — спросила Маргарита Ивановна, когда они поднялись наверх и проходили мимо маленьких, почти игрушечных дач.

— Странно, — сказал Москалев, — и я тоже сейчас вспомнил об этом.

— Давай построим здесь дачу.

— Похожую на тот домик?

— Да. И отсюда хорошо видно море.

Он понимал, что Маргарита Ивановна лелеет мысль — строительством дачи отвлечь его хотя бы на время. Он забудется, у него будет какая-то цель. Но Москалев строить дачу категорически отказывался. Раньше она пыталась уговорить его уехать отсюда. Подолгу простаивала перед застекленной витриной у городского рынка в толпе кутающихся в шали старушек. Доска пестрела объявлениями, казалось, весь город собрался куда-то переселиться, и люди других городов хотели занять места уехавших и предлагали отдельные с удобствами, с подвалами, с сараями, с садиком и огородом, говорили в толпе о каких-то тройных обменах, о сдаче углов и коттеджах с гаражом.

Когда живешь на одном месте, в одном городе, то кажется, что и все вокруг вот так же живут оседло, а сейчас, решив уехать, Маргарита Ивановна вдруг открыла, что большинство окружающих ее людей или заняты обменом, или мечтают о нем.

Москалева раздражали появившиеся в доме тонкие книжечки в зеленой обложке — «Бюллетени по обмену».

— Ты почему, Рита, стала выписывать эту ерунду?

— Понимаешь, — сказала она, — мне надоело в этом городе, дожди, сырость. Сеня часто болеет, здесь не бывает ни настоящего лета, ни настоящей зимы.

— Нормальный мягкий климат. — Москалев сбил в стопку тонкие книжки и сунул в ящик буфета.

— Ты не замечаешь этого, ты вечно в своих морях.

Поживешь на берегу и прочувствуешь, что такое ежедневная слякоть.

Он подумал, что действительно не видел за все время, какая зима в городе, зимой он обычно в рейсе и томится от палящего солнца и духоты тропиков. Времена года не имеют для него никакого значения.

Но уехать отсюда, куда? Только если в город у моря. Что делать ему в далеких городах, в зеленых чистых городах с маленькой речкой? Ловить пескарей на удочку?

— Я думаю, Рита, это пустая затея!

— Представь: школа на окраине города, во дворе яблоневый сад, спортивная площадка, прямо у школы — река, ты будешь преподавать физику или математику, я — историю. Нет, не физику, ты будешь учить их географии — океаны, материки! Здорово, правда?

— Я и двух слов связать не могу, — сказал он. — Такая история с географией...

Из окон здания, где размещалось управление тралового флота, были видны площадь, цветы у памятника, маляры, спующие у фасада гостиницы, и длинный ряд блестящих на солнце машин на стоянке, среди которых «Волга» начальника с сиденьями, покрытыми красными коврами. Такие же красные ковры лежали в кабинете начальника управления, в кабинете, напоминающем большой зал для игры в мяч. Карты на стенах, утыканые флажками, означали местонахождение траулеров в промысловых районах океана. В этом кабинете Москалев был зачислен в службу главного капитана тралфлота.

Заявление его было сразу подписано и передано секретарю. Начальник управления подошел к окну, раздвинул желтые шторы и сказал:

— Помните, какой был промысел на севере! А теперь и здесь нет никаких гарантий.

Он выглядел много старше Москалева, хотя они были одногодки, заканчивали вместе училище. Моска- 21

лев пытался вспомнить, как зовут начальника, и не мог. Было что-то связанное с практикой, какая-то самоволка, нелепое переодевание в гражданскую одежду, вспоминалось, как прыгали на пирс с высокого борта. Начальник управления не помнил, видимо, и этого, он нервно ходил по кабинету и продолжал:

— Я знаю, вы опытный капитан. Место ваше, конечно, на промысле! Но здесь, в службе главного капитана, тоже нужны люди, знающие промысел. И если так сложилось, что вы попали на берег, то не надо просто отсиживаться. Вы полны промыслом, вы чувствуете его дыхание! Евграф Васильевич настоятельно рекомендовал вас.

Нервными тонкими пальцами начальник постукивал по кромке стола.

Теперь Москалев окончательно вспомнил его, когда-то он был комсоргом курса. И еще вспомнилась стройка под Лугой, где они были в одной бригаде.

Они еще долго говорили о делах промысла, рассматривали карту промысловых районов. Москалев, узнав, что на банке Южной перестали работать еще зимой, удивился и вспомнил, как там брали стабильные уловы.

— Интересный район, но рискованный, — сказал начальник, — очень трудно с транспортами, возмешь рыбу и с ней застрянешь. Если только договориться о сдаче продукции там, на месте. Вот бы вы мне этот вопрос и раскусили подробно! — А когда Москалев ушел, он долго смотрел сводки и попросил принести прогнозы на октябрь.

Антон Петрович чувствовал себя здесь много увереннее, чем в порту, кругом были свои, знакомые штурманы, механики. Правда, ему было трудно разобраться в том, чем заняты столько людей, заполнивших многочисленные кабинеты, бегающих по коридору, суетя-

22 щихся, но он решил ни во что особо не влезать, четко

выполнять приказы и ждать, когда тучи рассеются над его головой и управление позовет его, чтобы принять траулер и вывести судно на промысел.

Иногда действительно работы было невпроворот, это было в дни пачкообразного прихода и отхода траулеров. Главный капитан носился вдоль причалов на своем «Москвиче», пытаясь навести порядок, инспектора не знали покоя, и Москалев в этой общей веренице тоже бегал, тоже что-то выяснял, доставал справки, ругался с ремонтниками.

Осень стояла теплая и сухая, город, казалось, был весь желто-красным, мальчишки собирали коричневые полированные кругляшки каштанов. В садах опадали яблоки — в этом году их уродилось столько, что от них просто некуда было деться, и даже Маргарита Ивановна, зараженная общим энтузиазмом, принялась готовить яблочное вино и компоты и, накупив соковыжималок и закаток, по вечерам приучала Москалева к домашним работам.

Переход Москалева в управление флота обрадовал ее, и, судя по его рассказам, она понимала, что именно на этой работе он сможет найти себя — все-таки связан с флотом, можно и не рваться в море, работают же там капитаны, не он один.

Сын Москалева Сеня постепенно привыкал к отцу, сближение их шло медленно, хотя Москалеву порой казалось, что его постоянное присутствие в доме не только не радует парня, а даже тяготит каждодневной опекой. Сын вступал в тот возраст, когда человек начинает обретать самостоятельность и старается не допускать родителей в свой мальчишеский мир, а мнение своих одноклассников ставит много выше суждений отца.

Он уже не был тем плачущим существом, которое 23

легко успокоить диковинным подарком, и если раньше были короткие встречи в промежутках между рейсами и эти встречи приносили радость обоим: отец мог ощутить под грубой рукой легкий пух его волос, поцеловать нежную тонкую руку, а сын мог похвастать перед ребятами тем, что привез отец из чужих портов, — то теперь ежедневное общение требовало других отношений. Резкие замечания отца воспринимались сыном как-то обостренно и делали его замкнутым.

— С детьми надо иметь терпение, — сказала Рита, — иногда это очень жестокий народ, они не любят приказов, с ними надо говорить на равных.

Сын повторял Москалева не только ершистым характером, но и внешне был точным слепком своего родителя. Пристальность прямо всматривающихся глаз, такая же резкая походка, такая же настырность во всем. Первая стычка произошла из-за парикмахерской, сын ни в какую не хотел расставаться с большими вихрами, волосы курчавились, как у девочки. Москалев не понимал современную моду и был твердо убежден, что в десятилетнем возрасте это совершенно ни к чему. Его школьные годы совпали с войной, и тогда была единственная мода — «под ноль». Если вспоминать класс, то первое, что появлялось перед глазами, — круглые стриженные головы и торчащие уши. Было другое, военное, детство, и оно не шло ни в какое сравнение с теперешним.

Дня начала войны Москалев не помнил, казалось, в детстве она шла все время. Их городок был слишком близок к границе, и тишина, по ночам опускающаяся на крыши домов, была призрачна и обманчива. Внезапный свет ракеты разрывал ночное небо, где-то в полях мелькали огоньки костров, или вдруг стены дома начинали мелко вздрагивать и лязг гусениц наполнял комнаты. Днем на улицах дымили походные кухни — кур-
24 гусые закопченные бочки на двух колесах. Черные лос-

нящиеся кони лежали у заборов, танки с опущенными стволами прятались в зелени садов.

Во дворах рыли ямы, расчищали погребя, в подвалы носили койки и скамейки, а прямо посередине их двора вырыли большую яму и забили сваи. Появилось новое слово — бомбоубежище. Через город потянулись беженцы. Незнакомые люди жадно ели суп на кухне у Москалевых, мылись во дворе, и взгляд у них был испуганный, тусклый. Отец казался тогда Антону великаном — он был ростом выше всех на их улице.

А потом была длинная дорога через всю страну, отец остался в заградительном батальоне, и мать одна, маленькая и беззащитная, сидела в углу вагона и плакала по ночам. Тогда Антон понял, что в ответе за нее, хотя было ему всего восемь лет. И когда где-то за Саратовом мать заболела, и по вагону прошел шепот — тиф, и женщины пытались высадить ее из вагона, он встал на их пути. И они поняли, что спорить с ним не стоит. С тех пор он почувствовал себя взрослым, и это чувство не исчезло, а еще больше укрепилось в холодном уральском городке, куда их эвакуировали. Там же, на Урале, был тот страшный день, когда бумага о смерти отца окончательно подкосила мать. Она казалась ему совсем старенькой, а ведь была моложе его сегодняшнего на целых десять лет.

Весной сорок четвертого, когда Москалевы вернулись с Урала в родной разрушенный город, уцелевших зданий в городе не было, и сосед-железнодорожник приволок на тракторе списанный пульмановский вагон. Колеса вагона оставили на поселковой дороге две глуповатые колеи. Обшитый досками, он превратился в уютный домик, где разместились сразу три семьи. Летом построили сарай, вокруг зазеленели вишневые деревья, а осенью около вокзала открылась первая в городе школа. Он был тогда тайно влюблен в дочку соседей, она училась в девятом классе и напоминала красавицу 25

из сказки. Он, как зачарованный, подглядывал за ней, когда она стирала белье, и вечером, уже лежа в постели, прислушивался к каждому шороху за перегородкой и жадно ловил каждое ее слово. Ему тогда было столько же лет, сколько сейчас сыну. Может, быть, это судьба послала переход на берег. Жизнь — здесь на берегу! Не заметил, как вырос сын, не заметишь, как состарится жена. Сыну нужен отец, надо, чтобы он не стал неженкой. Было бы здорово взять его через пару лет юнгой в рейс, показать настоящую мужскую жизнь, научить его этой жизни.

А пока они готовили сына в школу, искали ему учебники для четвертого класса, купили новый ранец, костюм. Были и другие заботы: надо было закупать на зиму картошку, надо было стыковать полы — все это было новым для Антона Петровича, и каждый день открывал другие проблемы. Но даже эта новизна и занятость на работе и дома не могли утомить, закружить его настолько, чтобы он забыл стон переборок и дни больших уловов, когда спать приходилось по два-три часа в сутки. Здесь, на берегу, ложились вовремя, а если не высыпались, мучились от этого, прислушивались к головной боли. Ему было странно, когда жаловались на бессонницу, — ведь этому надо радоваться, раз не спишь, значит, урвал у жизни еще несколько часов, можешь работать в это время или просто думать или читать. В доме было полно книг, и он только теперь понял, как много не успел прочесть.

По ночам часто лежал с открытыми глазами и смотрел на отблески света, мелькавшие на подволоке, — мысленно он всегда называл потолок подволоком. Он вспоминал корабли, на которых плавал. И они являлись ему в минуты перехода от бодрствования ко сну. В тишине комнаты каждый выплывал медленно из темноты, и каждый был красив по-своему: величественный барк «Товарищ», черный СРТ «Кашалот», как

пробка ныряющий в волнах; транспортник «Муссон» — заграничный гость, с каютами под ореховое дерево и пустующим баром; ходкий узконосый китобоец «Смирный» с запахом пороха; голубой «Орион», валкий «Полесск» и, наконец, «Антей» — легко послушный движению руля, пропахший рыбой белоснежный траулер.

...Служба главного капитана считалась основным отделом, здесь начиналось выдвижение штурманов на капитанские мостики и вершился разбор аварий. Многочисленные инспектора службы проверяли приходящие и отходящие суда, взбирались по трапам следом за таможенниками. Если судно выходило из порта не вовремя, в первую очередь спрашивали инспектора, иногда его вызывали даже к начальнику управления.

Однажды после разговора у начальника товарищ Москалев по работе, инспектор Дарвин, смахнул бумаги со стола и отчетливо сказал:

— К чертовой бабушке, чтобы я больше работал в конторе! Нашли крайнего. Я — капитан дальнего плавания, а не мальчик для сечения! Завтра же пишу рапорт.

— Не кипятись, — прервал его главный капитан, сдвинув к переносице густые брови. — Рвешься в море, батенька мой, — не держу. Сам ведь хотел побыть на берегу! Только учти — здесь тоже надо иметь выдержку, как и на капитанском мостике. Если мы разбежимся отсюда, что будет?

Москалев понимал, что Дарвин никуда не уйдет из конторы, он уже прижился здесь, рыбу ловить не умел никогда, а вот бумажки писал складно. Так же складно, как когда-то на промысле выступал на совете капитанов. Москалеву же каждая очередная бумажка давалась с трудом, и даже главный капитан понял, что заставлять Москалева писать приказы бесполезно и

давно махнул на него рукой. А однажды, не увидев Москалева в кабинете, буркнул своему помощнику:

— Легче зайца научить играть на барабане, чем этого...

Здесь он заметил Москалева и стушевался. Москалев достал сигареты и вышел в коридор.

Можно было бы напомнить главному капитану пятьдесят восьмой год и промысел у Фарер, те скалы, на которые он посадил «Орск», и то, как «Кашалот» подошел на расстояние выброски, несмотря на риск разделить его участь. Но зачем было выставлять сейчас прошлое, прикрываться им, каждый имеет свою память. Тем более, что главный капитан был настоящим главным — он знал назубок все уставы и наставления, он умел подбирать людей и умел отправлять траулеры на промысел.

Первый выговор в приказе Москалев получил за задержку выхода на промысел траулера «Цефей». Москалев не подписал добро на отход потому, что на судно не завезли огнетушители. Но на утреннем совещании начальник отдела снабжения уверил всех, что огнетушители завезли ночью, и говорил он так искренне, так смотрел на всех чистыми голубыми глазами, так удивлялся, что, не будь Москалев этой ночью в порту, он тоже поверил бы его словам.

И когда вышел приказ по базе, Москалев весь день не знал, куда деться, ему казалось, что в управлении все разглядывают его. Дарвин потрепал по плечу и сказал:

— Чудак, кто не работает, тот не ошибается. Если сосчитать, сколько я выговоров получил, — торбу, а мне от них ни жарко, ни холодно. Премии не режут — вот и дело! Плюнь на все! Поехали сегодня за город, ма-

28 шина у меня на ходу, в багажнике кое-что есть!

Дарвин жил легко и весело, все у него превращалось в шутку.

Жизнь Москалева в конторе слилась в поток однообразных дней. Казалось, все забыли, что он капитан, и если раньше, когда он приходил из рейса, начальники отделов тянули его к себе нарасхват, то сейчас, чтобы согласовать какую-нибудь никчемную бумажку, приходилось ждать очереди, переминаясь с ноги на ногу перед столами, за которыми сидели, не обращая на него внимания, что-то писали, говорили по телефонам.

Он несколько раз пытался поговорить с главным капитаном о выходе в море, но всякий раз этот грузный, вечно занятой человек, страдающий астмой и ревматизмом, пыхтящий, как паровоз, трубил, вытянув губы:

— Батенька мой, ну что вы, разве плохо на берегу? Я тоже когда-то рвался на промысел, а что я имею: ревматизм, семьи нет. Никто, Антон Петрович, дело ваше поднимать не будет, нарушение было серьезное. Забудьте море!

«Антей» опять пришел с промысла. Он вернулся в конце сентября, когда шли не переставая дожди, а ветер врвался в город с залива — гнул деревья и грохотал по крышам.

В парке, около дома Москалева, не выдержал ветра старый каштан, и мальчишки, довольные этим происшествием, превратили поваленное дерево в боевой корабль. Глядя на них из окна, Москалев думал о невозвратности времени и о том, как хорошо начать бы все вновь — прятаться в листве поваленного дерева, поступить в мореходку, пережить первую вахту у деревянного штурвала, отполированного десятками ладоней, и впервые отдать трал.

В субботу ветер стих. Москалев разбудил сына рано, чтобы успеть на первый автобус, уходящий на косу. Коса была самым излюбленным местом грибников. Узкая полоса, разделяющая море и залив, вмещала в себя столько разнообразных деревьев, сколько вряд ли встретишь даже в ботаническом саду, а грибы здесь, казалось, просто выращивают.

За окнами стояла еще густая тьма. Антон Петрович и Сеня наскоро поели, и в автобусе, убаюканные тряской, разом заснули. Проснулись они, когда автобус ехал по косе и в редяющем тумане по обе стороны от дороги, почти вплотную к ней, мелькали березки. Чем дальше ехали, тем становилось светлее, таял молочный туман, и скупое осеннее солнце прошивало его дымку первыми лучами. Асфальтовая дорога, светлая, как утренняя река, разрезала лес на две половины: та, что у залива, была низкая и болотистая, а в морской половине от постоянных ветров с запада все деревья в лесу были наклонены к дороге.

Москалевы вышли у рыбацкого поселка и двинулись по шуршащей ломкой траве в сторону молодого ельника. Осенний лес сразу окружил их красно-желтыми листьями, грибными запахами и прозрачными нитями паутины. Они шли по узкой тропинке, пробираясь через колючий кустарник, жухлые листья шуршали под ногами. Навстречу выплывали деревья, вспыхивала яркой желтизной бузина, и стелилась над полянами дымка тумана.

Гладкие головки маслят, как кухтыли из воды, выглядывали из сухого голубоватого мха. Маслята были крепкие, лоснящиеся и совсем молодые.

— Настоящая республика Маслятия! — восхитился Сеня.

Азарт гнал грибников все дальше, лес закружил, они пробирались сквозь низкорослый ельник, быстрым 30 шагом проходили просеки, опускались в овраги. Через

несколько часов так устали, что, не сговариваясь, улеглись на первой же сухой поляне, и Москалев, лежа на спине, смотрел на ясное осеннее небо с легкими перистыми облаками, на вершины сосен и впервые здесь на берегу почувствовал полную ясность всего — радующую гармоничность мира, света и разумность всего происходящего. Покой этих мест откидывал ежедневные сомнения и раздумья. Сколько раз именно такой осенний лес видится в далеком рейсе, когда вспомнишь землю, но и в мечтах не представляешь, как это все прекрасно на самом деле. Сын отдохнул быстро и бежал по шуршащей листве, вокруг стрекотали встревоженные лесные пичуги, прыгала с сосны на сосну беспокойная белка. Москалев достал из сумки еду, густо посолил свежие зеленые огурцы, открыл банку шпрот.

Потом они долго бродили вдоль придорожной канавы, засыпанной палыми листьями, и так увлеклись, что не сразу заметили, как вышли к дюнам. Песок скрипел под ногами, идти становилось все труднее. Сеня остался далеко позади. Горы желтого песка спускались полого вниз туда, где неумолчно волновалось Балтийское море — спокойное и светлое, с барашками пологих волн и криками чаек. Вдали два суденышка крутились у вешек, отмечавших места ставных неводов, и Москалев всматривался в них, стараясь определить, когда они начнут выборку сетей.

— Папа, папа!

Он не сразу откликнулся и, когда повернулся, встретился со взглядом сына. Сеня смотрел на него как-то по-взрослому, и Москалев понял, что сын — самый главный его союзник.

А утром, в понедельник, Москалев поднимался по трапу на «Антей» впервые как инспектор, который должен дать оценку работе штурманов в рейсе. Траулер, заслоненный огромным транспортом, прижался 31

к причалу в самом дальнем углу порта, и первое, что поразило Москалева, это обшивка, помятая так, что видны были места шпангоутов, как ребра у исхудавшей лошади. Надвинув на глаза форменную фуражку, он медленно поднялся по трапу, мимо бородатого вахтенного в тулупе, вдоль тралов, приготовленных к сдаче, по знакомым ступенькам прошел вверх к рубке, в каюту капитана.

Капитан, совсем молодой, стройный, с черными бакенбардами, встал из-за стола. Москалев сел на свое любимое место на диване у карты, вдохнул привычный запах своей каюты и прикрыл глаза.

— Вот судовые журналы, — сказал капитан «Антея», — акты водолазного осмотра, отчеты, регистрационные документы. Что вам будет еще угодно, скажите.

Москалев перелистал журналы, в коротких записях между строк ему отчетливо виделся рейс: все вахты, удачи и проловы, сдача грузов, перебежки из квадрата в квадрат в поисках рыбы, заходы, — и все-таки он не нашел того, что явно должно быть зафиксировано, и не одной скупой строчкой, а кипой объяснительных.

— Где вы так помяли обшивку? — спросил он, оторвавшись от бумаг, и посмотрел на юношу, полудремавшего за столом.

Этот юноша был капитаном, и года не давали повода для скидки; если ему доверили траулер, значит, он прошел свой путь к мостику.

— Обшивку? Видимо, это раньше, до меня, я ведь первый рейс на нем.

— Поднимите журналы прошлых рейсов. — Москалев старался говорить мягко, спокойно.

«Нельзя быть слишком строгим, — сказал он сам себе, — в тебе просто говорит обида, борт память может любой, ты же знаешь, какие бывают швартовки

— Пойдите, — сказал капитан «Антея», — не надо журналов, был навал на «Кронштадтскую славу».

— Пишите объяснительную.

Он ни разу не повысил голос, но все время ему казалось, что он излишне придирается, что капитан еще молод, и что надо смягчить все, и что вряд ли здесь есть чья-то вина. Иногда даже в полный штиль приходит одиночная волна, океанская зыбь, и это так неожиданно. Ты спокойно стоишь у кранцев базы, и вдруг твой траулер подбрасывает вверх вровень с рубкой, а потом вниз и бьет по борту базы, как баскетбольный мяч по щиту.

Москалев ушел с судна, не заходя в другие каюты, на его пути к трапу не встретился никто из старой команды. Он нес в портфеле беду для «Антея» — бумажки, которые смажут успех рейса, пятном падут не только на этого холеного юношу с бакенбардами, но и на боцмана, и на старпома Евстигнеевича, может быть, на Веню Волохова, если была его вахта, и вообще на штурманскую службу. Москалев поймал себя на желании разжать пальцы — портфель пойдет на дно сразу, захватить багром его не успеют, а если и успеют, маслянистая вода превратит бумажки в ничто, и кому охота разбираться, был навал или нет. Судоремонтники вырежут помятые места, где надо, заварят, прогреют горелками, постучат кувалдами. Потом покрасят так, что и следа не останется от вмятины.

— Понятно, — сказал главный капитан, прочитав акт осмотра «Антея», — значит, усматриваете вину капитана?

Москалев стоял у окна и смотрел на безлюдную площадь, вниз, туда, где дождь пузырил лужи.

— Не слишком ли у вас обостренное отношение к «Антею», Антон Петрович?

— Можете послать другого инспектора, — повысил голос Москалев.

— Не горячитесь, — сказал главный капитан, — я думаю, вы просто пересмотрите отношение к «Антею», для нас все суда «Антей». Согласны?

Главный капитан взял со стола акт осмотра, приподнял его двумя пальцами и опустил в приоткрытый ящик стола.

Был день получки, и после работы жена просила зайти за ней в школу, она давно собиралась купить Москалеву костюм.

В просторных коридорах гулкого здания с высокими потолками Москалева окружил шум, беготня, резкие крики, смех — казалось, он попал совсем в другой мир, не знающий ни минуты покоя и находящийся в постоянном и беспорядочном движении. Но прозвонил звонок, и мигом все стихло, а из учительской медленной походкой двинулись преподаватели с кипами тетрадей под мышкой, с портфелями, глобусами и указками. Он дождался, когда они пройдут каждый в свой класс, и зашел в учительскую.

Маргарита сказала, чтобы он немного подождал, и продолжала что-то говорить пацану лет четырнадцати. Он был на добрую голову выше ее и стоял сбывчившись, красный и взъерошенный.

— Представляешь, он уже курит, — сказала Маргарита, когда они спускались по лестнице. — Вот современные дети — растут они быстро, а ума нисколько.

— Ты знаешь, я в его годы тоже покуривал, — сказал Москалев.

— Но ты ведь уже и работал в эти годы, — возразила она, взяла его под руку и спросила: — Ну, чего такой мрачный?

Он не стал рассказывать об «Антее» и отшутился:

— Что ты, Рита, я сегодня самый развеселый из береговых капитанов!

На улице они внезапно попали под дождь. Он шел полосами, как будто мыл улицу, специально поливая ее, как поливают палубу во время большой корабельной приборки. Москалевы едва успели добежать до магазина, когда дождь превратился в сплошной ливень.

Они долго выбирали подходящий костюм, жена заставила примерять несколько пиджаков подряд, и каждый почему-либо не устраивал ее. Москалев был безразличен к одежде. В море у него был старый коричневый свитер и кожанка, на берегу было достаточно форменной куртки.

— Рита, милая, может быть, хватит. Давай возьмем этот коричневый, и дело с концом!

— Ну что ты, Антон, ведь он тебе узок, смотри ты в нем как скованный.

Он посмотрел в зеркало и в толпе у прилавка увидел знакомое сморщенное лицо Семена Савельевича. Тот тоже заметил Антона Петровича и пробирался к нему. Москалев, обрадованный избавлением от примерок, заговорил первым. После обычных вопросов-ответов, знакомства с женой Семен Савельевич сказал, что давно хотел повидать его и что очень рад встрече.

— Дождь. В другое время я сюда не ходок, — заметил Семен Савельевич.

— Да я тоже, — сказал Москалев.

— Самое главное, что я хочу сказать: пришли бу маги из инспекции по тому вашему случаю на промысле, — сказал Семен Савельевич.

— Вот это приятная новость, — обрадовался Москалев. — И что в них?

— Я не видел, но, по-моему, все в порядке! Только как бы Ефимов не подпортил вам, он не сможет простить выговора — вы ведь знаете, он тогда получил

строгача! Если Ефимов будет тянуть с оформлением, я вам позвоню.

Семен Савельевич записал телефон Москалева в старую, потрепанную книжечку и на предложение пойти отметить встречу сказал:

— Как-нибудь в другой раз. Я приду вас провожать, когда пойдете в рейс, и не стоит благодарностей, мы работали вместе недолго, но поверьте, для меня это было очень важно.

Они распрощались, и Москалев подошел к жене:

— Рита, давай оставим эти покупки!

— Почему?

— У меня хорошие новости — пришли документы из инспекции!

— Какой милый старик, этот Семен Савельевич, что-то в нем есть такое глубоко интеллигентное! — сказала Рита и спросила: — Ты доволен? — Вопрос был излишним. Она видела, как переменилось его лицо, как весь он преобразился, как будто помолодел лет на десять. Неужели все решилось так скоро и он опять исчезнет, уйдет в свои моря, неужели? Может быть, этот милый Семен Савельевич ошибся, он ведь не читал, что там написано, в этих бумагах.

«Нет, зачем я так, — сказала сама себе Маргарита, — пусть будет все нормально, только не так сразу, не так скоро».

На следующий день Москалев решил пойти к начальнику управления. Нужно было все ускорить, но прежде надо было побывать на «Анtee». Он хотел поехать туда вместе с главным капитаном, который был уверен, что помятые борта померещились Москалеву и навал — фикция, потому что в службе эксплуатации подтвердили, что «Антей» и «Кронштадтская слава» 36 не могли встретиться в океане.

Но в этот день прямо с утра Москалева экстренно послали в командировку, в главк.

Ночь в купейном вагоне, сон под стук колес с перерывами на остановках, утром настоящий черный кофе с рюмкой коньяка в одном из уютных кафе, небольшой переход по узким каменным улицам — и вот уже здание главка, как огромная плавбаза на якоре. Антон Петрович быстро разыскал нужного человека, передал письмо, и ему разумно заметили, что такое письмо можно было не везти специальным курьером, а отправить почтой.

Молодой парень — видимо, начальник отдела — звонко засмеялся и сказал:

— Двадцатый век, есть телефон, но как они его не любят! Им подавай голубиную почту!

Вдруг он замолчал и встал из-за стола. Антон Петрович оглянулся и увидел, как вошли в отдел человек десять капитанов и впереди них, выпятив живот, седой круглолицый человек. Антон Петрович не сразу узнал в нем заместителя начальника главка, бывшего старпома с «Полесска». Тот первый заметил капитана и подошел к нему. Иван Емельянович говорил беспрерывно, не давая вставить ни одного слова:

— Давай-ка, Антон Петрович, с нами! Сейчас будем держать промысловый совет. Зал занят конференцией, а здесь кабинет наиболее просторный. И никуда я тебя не отпускаю. Нам твоё мнение — первейшее: как скажешь, так и сделаем.

На промысловом совете решалась судьба траулеров сложного промыслового района, где сейчас они дрейфовали носом на волну, ожидая разрешения на уход. И Иван Емельянович говорил о промысловой выдержке и о начальниках отделов, которые ее не имеют и не смыслят ничего в тактике лова. Он предлагал не только оставить суда в прежнем районе, но и подготовить новую группу кошелькистов.

— Вот спросите у Антона Петровича, как мы там ловили, только трал трещал! — сказал Иван Емельянович.

— Ловили, — подтвердил Антон Петрович, — но это было десять лет назад, а сейчас не та рыбалка, и кошелькистам там делать нечего.

— Ты хочешь сказать, таким кошелькистам, какие стоят в Центральной Атлантике и кормят акул объедками судового камбуза, — сказал Иван Емельянович, — а я говорю о настоящих кошелькистах, таких, как ты! Надо шире посмотреть на промысел, надо смелее расставлять флот!

Иван Емельянович не отпускал от себя Москалева до самого отхода поезда. В коттедже, на окраине города, в его кабинете, похожем на капитанскую каюту, они просидели несколько часов за бутылкой коньяка.

Стеллажи в кабинете были заполнены лодочными причудливыми кораллами, распятыми омарами и крабами, а на самом верху, под пластиковым колпаком, стояла изящная модель траулера. Стены, отделанные раскладками, как на судне, небольшой бар в углу, компас, судовые часы — все это показывало, что хозяин дома не намерен расставаться с морем, и если ушел, то временно, и, когда понадобится, можно будет подогнать кран, застропить дом и установить на палубе любого судна вместо рубки.

— А почему тебе, Антон Петрович, не перейти в главк, — предложил Иван Емельянович. — Мне здесь очень нужны люди, знающие флот. Мы с тобой свое отплавали, пусть теперь молодежь себя покажет. Возьмешь в руки службу мореплавания, знаешь, как развернемся! Обмен квартиры беру на себя, а?

— Я в роли инспектора себя чувствую неуютно, а 38 здесь... не в своих санях, — ответил Антон Петрович.

— Не надо приbedняться. Командовать ты умеешь. Помнишь на «Полеоске», когда пришли в порт, как ты меня продраил за швартовку, до сих пор стоит в ушах твой набат. Ну не смущайся, я не злопамятный!

— Чего смущаться, — возразил Москалев, — давно это было, и за дело. Когда человека за дело наказывают — это только на пользу. В море такой порядок, а вот на берегу у вас — тут не поймешь.

— Это ты просто не вошел в колею! Я тоже первый год так, — все мне казалось неправильным. Все думал, неверным курсом иду! Но я не был таким ершистым. Считаю, заново жить учился. А ты? Представляю, как в службе шумишь! Здесь вот, даже на промсовете против меня пошел. Так нельзя дорогой, я и обидеться мог, если бы не знал тебя! Но, доложу тебе, сказали бы: выбирай себе капитана — только тебя выбрал бы. Другого не надо!

Сидели в уютном кабинете два друга, были они оба капитаны, удачливые, легкие на подъем, знающие, что такое настоящая морская выдержка, и готовые всегда, в любую минуту сменить курс, если потребуется помочь друг другу. И Москалев как-то успокоился и обрел прежнюю уверенность в себе.

— Хочешь супер из новостроя, лучший траулер — будет твой, — предложил Иван Емельянович.

— Нет, хочу я на свой «Антей», — возразил Москалев, — привык я уже к нему, знаешь, вот пришел он сейчас в порт, бока помяты, капитан молодой... да что там говорить.

— Нет, — сказал Иван Емельянович твердо, вдруг уже другим тоном, — нет, «Антей» уже не нужен тебе, ты получишь новый траулер, большой скоростной траулер, ясно? А капитан, говоришь, молодой, так ты ему помоги, научи, это наша задача — учить молодых капитанов.

На работу Москалев пошел прямо с вокзала, не заходя домой. Он решил сегодня же пойти к начальнику управления и настойчиво просить назначения на судно: пусть пошевелят Ефимова и оформляют как можно быстрее.

В службе все шло обычным чередом: главный капитан с утра сидел у начальника, Дарвин мыл во дворе свою машину, картограф читал свежую газету, комнату еще не успели наполнить дымом, и колесо рабочего дня только начинало раскрутку. Служба продолжала свою работу, флот на промысле делал свою. Антон Петрович еще острее почувствовал: здесь ему не место, каждый в жизни должен делать то, на что способен.

Кончилось диспетчерское совещание. Зазвонили телефоны, отдел наполнился людьми, и через час, когда главный капитан распределил всем работу, расставил штурманов, переговорил с представителями портнадзора, он, наконец, заметил Москалева.

— А, вернулся. Ну, рассказывай, что там успел накуролесить?

— Накуролесить? Не понимаю,— сказал Антон Петрович.

— Не понимаешь... — повторил главный капитан и потер подбородок. — Ну-ну... Не ожидал я от тебя. Так оговорить капитана «Антея», и кому — Ивану Емельяновичу, написти черт знает что про управление, про службу, которая кормит!

— Что за чушь! — сказал Москалев.

— Хватит с меня! — Главный капитан встал из-за стола, и голос его повысился до крика.

Антон Петрович вышел в коридор, прошел вдоль ряда белых дверей с табличками, мимо кассы, у которой толпились рыбаки с очередного пришедшего траулера, мимо огромного красного стенда с показателями 40 вылова, мимо спорящих около службы эксплуатации

штурманов. С ним здоровались — он машинально кивал, кто-то протянул руку — он машинально пожал ее.

Уже на лестнице, когда Антон Петрович спустился по последнему пролету, его догнал Дарвин.

— Эй, — крикнул он, — психованный какой-то! Да постои же!

— Отстань! — Москалев ускорил шаг.

— Да подожди. — Дарвин уже шел рядом, поддерживая Москалева за локоть. — Обиделся, что ли, на шефа? Шеф тут ни при чем.

— Какое мне дело? Я здесь больше не работник! — зло сказал Москалев.

— Да пойми ты, он из-за тебя вчера получил такой нагоняй! Тебя специально послали в главк, чтобы ты на «Антее» не шумел. Ведь капитан «Антея» — ученик Ивана Емельяновича, он его, считай, из матросов штурманом сделал! Сколько помню, они всегда вместе ходили.

Москалев отстранил Дарвина и резко вошел в отдел. Главный капитан старался не смотреть в сторону Москалева. Антон Петрович подошел к нему вплотную.

— Значит, решили прикрывать аварии! — почти выкрикнул он. — За моей спиной вам это не удастся! Учтите!

— Не надо нервничать. — Главный капитан встал, лицо его налилось краской.

— Если я здесь лишний — нечего отсылать меня в командировку, — сказал Москалев, — документы уже пришли, оформляйте в рейс!

— К сожалению, звонил Ефимов, окончательных результатов разбора нет. И вы все время вредите себе, — сказал главный капитан и отвернулся от Москалева.

Антон Петрович всю следующую неделю с трудом заставлял себя приходить на службу. По вечерам он поздно не ложился спать. Чтобы не мешать жене и 41

сыну, уходил на кухню, пил чай, читал подряд все, что попадало под руку, — от газет до старых лоций, которые знал почти наизусть: скользил глазами по тексту, скорее проверяя память, чем получая какую-либо новую информацию. И курил так, что пачки ему не хватало на вечер. Вставал он рано, когда жена и сын еще спали, брился, грел завтрак и спешил в темноту — теперь уже поздно светало, — спешил для того, чтобы попасть в кабинет, где ни с кем не хотелось разговаривать и где надо было сразу с утра искать повод для поездки в порт, чтобы пройтись по судам и узнать последние новости промысла.

Капитана «Антея» наказали: за скрытый навал в море ему был объявлен строгий выговор и снижена премия. Рапорт Антона Петровича попал к начальнику управления, и тот сказал:

— Мне все равно, опытный это капитан или молодой и что он из себя представляет! Пусть раззолотой. За чей счет будем ремонтировать обшивку? Делать ничего не собираюсь, пока не будет выводов.

Главный капитан остро чувствовал свою неправоту в разговоре с Москалевым и теперь поддерживал любые предложения Антона Петровича, даже несколько раз справлялся о том, как скоро восстановят Москалеву документы, и возмущался:

— Безобразие, так тянуть! Понасажали здесь всяких на наши головы! Я советую, батенька мой, сходи-ка в партком, поговори с Власенко, и я ему скажу — пусть пошевелит некоторых!

Партком занимал почти весь пятый этаж, начинался он с просторного зала, где проходили собрания и семинары, а дальше прямо из этого зала можно было пройти к двум кабинетам. В меньшем из них, сколько помнил Москалев, сидела седоволосая женщина, ведавшая политучебой, всегда здесь было полно народу:

первые помощники с возвратившихся судов сдавали отчеты, получали учебные планы, плакаты — наглядную агитацию. Сразу за этой комнатой был кабинет Власенко.

Парторг управления Виктор Александрович Власенко четыре года ходил штурманом на танкерах, а потом его уговорили перейти в реффлот флагманским комсоргом, и с тех пор — вот уже больше десяти лет — он был на партийной работе. Москалев не раз встречался с ним на промысле, куда Власенко часто выходил на плавбазах с различными комиссиями. Власенко был неразговорчив и старался вмешиваться в события только в исключительных случаях, там на промысле он редко вступал в споры. Когда к нему обращались, чтобы он назначил очередь на выгрузку, он никогда не шел на какие-либо уступки, не давал зеленой улицы рекордсменам, не корил мелкими попреками отстающих, но, если что-то решил и считал, что должен вмешаться, на флоте знали: слово Власенко — закон. Не было ни одного «отходного» собрания без него, он приходил на судно, молча наблюдал суматоху последних погрузок и оформлений, потом садился в кают-компанию, и люди шли туда поговорить о жизни. Он уходил по трапу последним из провожающих и на прощание обычно говорил: «Чтобы на рыбе вам сидеть весь рейс!»

Когда Москалев постучал и вошел в кабинет, Власенко поднялся ему навстречу и пододвинул черное кожаное кресло. Москалев, понял, что разговор будет длинным, уселся поудобнее и вытащил сигареты.

— Давай и я задымлю. — Власенко потянулся к пачке.

Они поговорили о погоде, потом о том, как плохо сейчас стало с выгрузкой на промысле. Власенко задал разговору спокойный тон. Москалев отвечал односложно, а Власенко смотрел ему прямо в глаза.

— Виктор Александрович, я ведь давно собирался к вам за помощью, — сказал Москалев.

— И чего — стеснялся? Что-то не верю. Вроде не тот мужик.

Москалев постарался как можно короче изложить суть дела.

— Так вот, Антон Петрович, учти, мы капитанами не разбрасываемся, и давно надо было прийти. Я на счет твоего случая запросил инспекцию, пришел ответ — к тебе претензий не имеют, а мы тем более, — сказал Власенко. Поднялся, прошелся по кабинету и добавил уже с улыбкой: — Ну ты тоже мужик не сахар, везде шум от тебя. Шумом, может быть, хочешь на промысел дорогу пробить?

После этой встречи Антон Петрович твердо уверовал, что работать в службе ему осталось недолго, и теперь ему было даже как-то жаль и главного капитана, и Дарвина, и моринспекторов, которые притерпелись к работе на берегу, намертво кинув якорь в бумажном море.

Осень брала свое: по утрам было холодно, крыши покрывались инеем, беспрерывно дули порывистые западные ветры — приближалась зима, и было приятно думать, что ее встретишь где-нибудь в Центральной Атлантике, где в это время жара и надо ждать вечера, чтобы почувствовать прохладу на крыле мостика.

Через месяц закончился ремонт «Антея»: в доке выправили обшивку, заодно заменили руль, и траулер ошвартовался за угольным причалом, выделяясь на фоне порыжевших водолюбивых белой надстройкой. У причала стояли грузовики с тралами, краны подавали на борт кипы картонных коробов и связки бочек. Флаг отхода бился на мачте. И хотя Москалев, как инспектор, должен был бы зайти на судно перед отходом, он все откладывал это, кроме того, было полно работы:

44 на «Сатурне» до сих пор не укомплектован экипаж, с

«Паллады» не сняли аммиак, не хватало заправщиков, шли споры с портовиками за постановку первым корпусом.

Третий штурман «Антея» Валерьянович шумел в диспетчерской, он занял сразу половину комнаты. Диспетчер не знал, как его выпроводить, и был очень рад, когда заглянул Москалев, и Валерьянович, прекратив спор, широко заулыбался, увидев своего старого капитана.

— Ну что, сегодня уходите? — спросил Москалев.

— Уйдешь тут! Вот пока с этим договоришься — глотку надорвешь, баржи у них для слива нет, совсем дошли.

— Ну это мы сейчас уладим, — сказал Москалев.

И когда они связались через диспетчерскую с Евграфом Васильевичем и тот пообещал, что все будет в порядке, они спустились вместе по крутым пролетам диспетчерской башни, и Валерьянович предложил:

— Надо бы пойти в торговый порт, там буфет работает, и за встречу!

— Я на службе, а ты на отходе, отложим это дело.

— Какой отход. Еще капитана не назначили, — сказал Валерьянович. — Тот ушел, а пока нового утвердят, считай, неделю проваландаемся. Если вот вас бы — хоть завтра отходи, да и люди бы обрадовались. А то у нас сейчас все смотря, как бы сорваться, район новый, капитан — не знаем кто. Первый раз такое на «Антее».

— А куда же вы своего капитана дели?

— Сам ушел, причем без всякой причины. Подал заявление, хочет штурманом плавать, — сказал Валерьянович. — Спишусь и я, надоели мне все эти свистопляски. Может, махну на новострой...

— Не мели ерунду, — сказал Москалев.

Он не представлял «Антея» без Валерьяновича и знал, что третий штурман не променяет свой парход ни на какие новострой. Если уж штурманы начнут бе-

гать, искать выгоду, что тогда делать матросам? Антон Петрович не допускал в свое время смены экипажа. Перед каждым рейсом он не уходил из отдела кадров, пока не добивался, чтобы в судовую роль включили всех, кого возможно, из прежнего состава. И в кадрах, зная его настойчивость и бесполезность споров с ним, сдавались. И хотя людей порой не хватало для других отходящих судов, для «Антея» сохраняли резерв.

— Не кипятись, — сказал Москалев. — Все будет в порядке.

— Вот видишь? — Валерьянович махнул рукой в сторону двадцатого причала. — Видишь, стоит плавбаза, за ней мачта — это «Балашово». Вот наш капитан там вторым сейчас.

Они расстались у ремонтных мастерских. Валерьянович пошел в корпусный цех, а Москалев — вдоль причальной линии в сторону «Балашово». Антон Петрович догадывался, что «Антей» передали в группу Дарвина, но официально Москалеву этого не сказали, и теперь он понимал: «Антей» из-за него остался без инспектора, Дарвин вряд ли легко согласится на добавочный пароход, а он, Москалев, встал в позу оскорбленного — и вот результат. Траулер на отходе, капитанский мостик пуст, а значит, и дела запущены, к тому же старпом ушел в полугодовой отпуск, судно вообще без хозяина.

На «Балашово» выгружали рыбу, белый парок вился над трюмами. Короба с яркими этикетками, сжатые стропами кранов, медленно плыли в воздухе. Выгрузка шла одновременно из носовых и кормовых трюмов, тут же у борта стоял длинный ряд вагонов, и грузчики в зеленые ватниках носили короба к дверным проемам. Москалев протрез под вагоном и у самого борта заметил бывшего капитана «Антея».

На «Балашово» они поднялись вместе. Темнело, в 40 рубке свет был погашен, и только огни судовых радио-

станций тускло мерцали. В широкие окна была видна палуба, освещенная прожекторами.

— Значит, решили уйти сами? Почему? Какое вы имели право? Судно на отходе. — Москалев вплотную подошел к бывшему капитану «Антея».

В полумраке лицо молодого штурмана казалось зеленоватым.

— Я не могу остаться на судне, где все от боцмана до матроса ждут вашего возвращения!

Они снова замолчали, и в тишине вечера стало ясно слышно, как скрипят троса лебедек, пробегая по блокам. Где-то на рейде, приветствуя порт, дал несколько резких всхлипов тифон плавбазы, и опять все стихло.

— Если хочешь стать капитаном, должен прежде всего научиться флотской выдержке. Судно не бросают так, по своей прихоти, и я требую, чтобы завтра же вы возвратились на «Антея».

— Я не могу вернуться назад.

— Не надо устраивать детский сад. — Москалев резко шагнул к выходу из рубки, с силой отодвинул за драйку, вышел на палубу.

Антон Петрович решил утром поговорить с начальником управления. Но сначала шло диспетчерское совещание, и в этот раз оно затянулось до десяти часов — в порту скопилось много судов; после совещания в кабинете остались начальник отдела кадров и капитан «Омска», потом пришли какие-то представители института, потом командированный из Севастополя. Секретарша, маленькая женщина, тщетно пыталась закрыть дверь кабинета, но, когда проскользнул в дверь начальник планового отдела с кучей радиogramм, Москалев решил не ждать и протиснулся вслед за ним под причитания секретарши:

— Что же вы, товарищи, он занят, у него представители главка, что же вы делаете!..

Начальник управления был окружен с трех сторон. Двое подвижных, похожих друг на друга, как близнецы, представителей института требовали провести испытания рыбонасосной установки. Проверяющий из главка, который чувствовал себя в кабинете почти хозяином, сидел, закинув нога на ногу, так что его красные ботинки были на уровне кромки стола. Командированный из Севастополя вытаскивал из портфеля бумаги, и бумаги эти ложились на стол, как ленты, извлекаемые фокусником из пустого цилиндра. Только с четвертой стороны начальника заслоняла стена, но и сюда протиснулся подвижный и маленький начальник планового отдела и что-то шептал ему.

Начальник подписывал радиограммы, слушал, что ему нашептывал плановик, кивал и поддакивал рассказам близнецов о рыбонасосах.

— Мы вам можем дать шестерни, вы нам — блоки, вот доверенность, вот письмо с гарантией оплаты, вот заказные ведомости, — скороговоркой продолжал командированный.

— Вы не представляете, что это вам даст, вы даже подумать об этом не можете; этот рыбонасос за час выкачивает сто тонн и ни грамма рвани, — говорил один из близнецов.

— Деньги на ветер, вот что... — вмешался в разговор проверяющий из главка.

И тут начальник заметил Москалева.

— Кстати, очень кстати, — сказал он. — Вот опытейший капитан скажет. Нужен нам рыбонасос?

— Без сомнения. — И Москалев тут же, чтобы не упустить момента, подошел вплотную к столу. — «Антей» без капитана!

— Знаю, знаю, — прервал его начальник, — туда сегодня утром вернулся прежний капитан, но почему-то он настаивает, что пойдет старпомом.

48 — Я готов принять судно, — сказал Москалев.

— И это я знаю, тут за вас ходатаев больше чем нужно. Даже Власенко звонил, — сказал начальник, — решим все, только не сразу.

— Так ведь «Антей» на отходе! — почти выкрикнул Москалев.

— Вот туда установку, на «Антей», — обрадовался один из близнецов.

— Знаем мы эти установки! — сказал представитель главка.

И в это время в кабинет вошли сразу один за другим человек двадцать, заполнили все помещение, заняли стулья, диван, окружили стол, заговорили все разом — начиналось очередное совещание.

В коридоре вдоль стены стоял ряд кресел, как в кинозале. Москалев сел, закурил. Шумно переговаривались проходящие мимо люди, бегали девушки с кипами бумаг, незнакомые моряки толпились у входа в мокрых плащах и беретах. Видимо, дождь, который с утра только накрапывал, хлынул на совесть. Около стенда новаторов производства главный бухгалтер, зажатый в угол снабженцами, подписывал накладные, секретарша металась в поисках диспетчера, все гудело, шаркало, куда-то передвигалось, рассеивалось по кабинетам. Москалев не замечал ничего, мысленно он был уже на «Антее» и готовил судно к отходу. Капитана на «Антей» так вот сразу не найти. Наверное, сейчас Дарвин мечется по городу на своей машине в поисках отпускников.

Но кого он найдет? Кто будет сидеть в дождливом городе, если на юге еще можно греться у моря? Значит, просто нет выбора. Так почему же начальник сразу не сказал «да»? Может быть, он думает, что в резерве полно капитанов. Пусть убедится сам, что в резерве пусто. Жалко времени: за эти часы можно было бы принять судно, оформить самому паспорт, заказать портовые власти, отыграть тревоги. Хорошо, если новый старпом на борту, если он разворачивается и делает 49

свое дело... А потом обязательно надо посмотреть состав команды. Вчера еще в кадрах Москалев встретил Кузьмича, старого своего матроса, таких матросов, чтобы плавали подряд двадцать лет — с огнем не сыщешь. Сейчас матрос идет два-три рейса, за эти рейсы его можно, конечно, обучить, но самое обидное, что он уходит тогда, когда как раз становится настоящим матросом. Кузьмич может все, он так же легко заплетает троса, как и стоит на руле, всегда заменит боцмана, да и столяр самого высокого класса. Он как раз вышел из отпуска и наверняка еще не получил назначения.

Москалев увидел его в толпе резервистов в огромном коридоре перед отделом кадров. Кузьмич был ростом добрых два метра и его обветренное красное кривоносое лицо плыло над головами. Он тоже увидел капитана и крикнул так, вполсилы:

— Антон Петрович!

Он даже, может быть, не крикнул, а просто сказал, но вышло это при его баше так, что все обернулись, расступились, образовался проход для их сближения. И Антон Петрович сказал:

— Рад видеть вас, Кузьмич. С приходом или отходом, с чем поздравить?

— Пока ни с чем. Сегодня из отпуска.

— И куда?

— Мне все одно, я уже на всех наших посудинах отмолотил, конечно, к вам бы... — Кузьмич закашлялся, понял, что сказал что-то не то, и спросил: — А вы теперь напрочно в службе?

— На якоре, — сказал Москалев. — Заходи ко мне домой, помнишь где?

Очень жаль, что тогда не договорились твердо, попробуй сейчас заверни Кузьмича на «Антей», если ему 50 дали назначение на другой пароход. И хорошо бы уго-

ворить второго механика Старкова не брать отпуск, всегда себя чувствуешь твердо, когда уверен в механиках; капитану и без двигунов полно хлопот, а в машине все должно работать четко, чтобы даже не думать, что там у тебя стучит и пыхтит, какие поршни ходят, в каких подшипниках валы крутятся. И Москалеву вспомнилось, как на «Кашалоте» задрало и подпалило подшипники, и как Старков, весь почерневший, ночами сидел в машине и растачивал вкладыши, и когда Москалев спросил, что, может быть, стоит подойти к базе, попросить ремонтников, то Старков обиделся и сказал:

— Не надо, капитан, в машину спускаться. Утром будет полный ход. И точка.

И нужен настоящий старпом. Неизвестно, что представляет из себя ученик Ивана Емельяновича. Надо посмотреть в работе, на швартовках, на выходе на косяк и, если понадобится, терпеливо учить — видимо, парень он стоящий, если его несколько не подпортило преждевременное капитанство.

Порт не знал перерывов в работе, и ночи его были заполнены отходами и перешвартовками, пожалуй, даже плотнее, чем дни. Много раз говорили о том, что все надо организовывать в светлое время суток, но так уж складывалось, что отходы затягивались допоздна и наибольшее число их выпадало на промежуток с двадцати трех до нуля. В это время, когда начальники, успокоенные диспетчерами и наблюдающими, дремали у телевизоров или пили чай перед сном, в порту кипела работа. Полусонные представители пожарников, регистра, портнадзора, утомленные суетой дня, ставили последние подписи. Пограничники в зеленых фуражках, позевывая, спускались по трапам, и на смену им поднимались лоцманы в кожаных пальто. Буксиры, простоявшие весь день в напрасном ожидании у борта, 51

сипло взревев, надраивали троса, матросы скидывали в воду швартовы, и трапы укладывались на борт.

Москалев добрался в порт вечером на попутке. Молчаливый грузный человек за рулем вел машину с предельной скоростью, женщина дремала у него на плече. Из двух или трех фраз, которые они сказали, Москалев узнал, что человек спешил на отходящее судно и что назад машину должна вести женщина, у которой нет шоферских прав.

Он поблагодарил и отошел от машины сразу, чтобы не мешать прощанию. Если бы Рита знала, она тоже примчалась бы в порт, но зачем волновать ее заранее, когда все неясно. Она, конечно, привыкла к внезапным отходам, но теперь это будет тяжело, он понимал, как ей нелегко, да и сам понял, что нужен семье не на неделю между рейсами, а ежедневно...

Дождь сегодня лил весь день не переставая, это был сплошной поток, превративший тротуары в реки, а дома — в несамоходные баржи.

Москалев прошел к проходной мимо большого бронзового якоря. Металл, блестящий от воды, был освещен прожектором, в луче которого дробились и просеивались нити дождя. Огромное тело якоря тянулось вверх и, казалось, невидимой цепью было подвешено к высокобортному небесному лайнеру.

За проходной начиналось асфальтированное шоссе с журчащими потоками ручьев по краям, шоссе, окруженное цехами завода, холодильниками, пакгаузами, оно уходило влево к заливу, и там, в дожде, причалы угадывались по мерцающим разноцветным огням, и среди этих огней двигались два: красный и белый. «Вдруг это «Антей», — подумал Москалев и остановился.

Вода в заливе вспучилась, потемнела и подошла к самому краю свай, борта траулеров и плавбаз высоко поднялись над уровнем причалов и блестели от дождя.

52 Рельсы подкранового пути ровными стальными полоса-

ми уходили в темноту, туда, где на горизонте высилось девятиэтажное здание холодильника.

Москалев прошел мимо доков, ощетинившихся распорами, и вышел к двадцатому причалу, где должен был стоять «Антей». Здесь в строю плотно прижатых один к другому корпусов была прогалина, и темнота залива врывалась в нее. Москалев долго стоял у этого темного разрыва и смотрел на вязкую, вздрагивающую от непрерывного дождя воду. Он промок, волосы слиплись, вода проникла за шиворот, ботинки набухли.

Неужели «Антей» ушел, успел уйти, пока велись переговоры", пока пришлось ждать до конца дня, чтобы поговорить с начальником наедине, ушел в те часы, когда на такси метался между конторой и портом, чтобы убедиться, что цел морской паспорт, что даже прописку не надо менять — он прописан по последнему рейсу на «Анtee». Зачем тогда эти обещания час назад в пустом кабинете? «Подумайте до завтра, я хотел бы, чтобы вы решили правильно».

Начальник управления сидел, нагнувшись вперед, выставив скрещенные пальцы рук. Яркие лампы дневного света освещали его белое узкое лицо. Он говорил очень убедительно, надо отдать ему должное, он умел говорить. Москалев не мог найти зацепки для возражений, в его словах все было правильно. Блестели желтые капельки запонок на безупречно чистых манжетах, узел галстука слегка ослаблен, пиджак расстегнут. Тонкое, почти незаметное кольцо на безымянном пальце. «Только поймите одно, вы здесь много нужнее, чем на промысле, там у вас одно судно, а здесь — десятки». — «Я бесполезен здесь». — «Подумайте до завтра». «Антей» от вас не уйдет, а здесь я вам гарантирую полную поддержку!..»

Ветер ворвался в порт, и дождь немного утих. Холодный ветер с норда дул между строем судов и стена- 53

ми пакгаузов сильными порывами, так что, казалось, кто-то испытывает твое сопротивление. Было трудно идти и еще труднее угадывать лужи в темноте. Тогда Москалев выбрался на подкрановые пути и засеменял по шпалам. Слева вдоль причалов застыли в дожде борта плавбаз и рефрижераторов, где-то вверху, у надстроек, тускло светились палубные огни и дремали вахтенные, приткнувшись за выступами рубок. Вряд ли в такую погоду дадут добро на выход, а если удалось уйти днем, то это тоже не лучший вариант — в такую погоду лучше совсем не выходить или быть дальше от берега. В открытом море ветер не так страшен, как в узостях канала. Неужели «Антей» сейчас идет каналом? Москалев вышел к месту, где кончились причальные линии и высился круглый маяк. Свет его то вспыхивал, вырывая из темноты небо в темных клочковатых тучах, то гас, погружая пространство в еще большую черноту, густую и плотную, почти осязаемую настолько, что, казалось, бесполезно двигаться, — перед тобой стена.

В диспетчерскую вела крутая лестница, похожая на трап, — медные перила, надраенные до блеска, металлические решетки ступенек. Ветер, ночь, морозящий дождь исчезли, крепкие кирпичные стены поглотили звуки. Москалев остановился и вытер лицо, платок тотчас стал мокрым. Из приоткрытой двери на шестом этаже доносились голоса. Он вошел в огромную комнату, уставленную светящимися пультами и заполненную стрекочущими телетайпами.

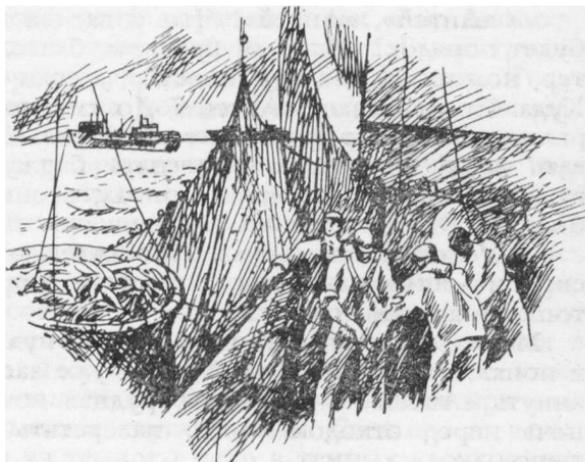
Две женщины в зеленых одинаковых платьях дремали, подперев головы ладонями. Горбоносый человек с усиками, по-видимому, диспетчер, размахивал руками и спорил с грузным пожилым лоцманом. Выждав промежуток в их споре, Москалев спросил про «Антей».

Диспетчер отошел от лоцмана и набросился на Москалева:

— «Антей», «Антей»! Что у вас за контора, когда будет порядок? Заказали буксиры, благодарите, что ветер, можно все свалить на ветер, а если бы было тихо? Куда бы ушел ваш «Антей»? До сих пор нет судовой роли, до сих пор нет капитана! Неизвестно, когда давать воду! Уговорили подогнать баржу, переставили ваш «Антей» на отходной причал, а они стоят и хоть бы что!

— Успокойтесь, — сказал Москалев. — Закажите буксиры и лоцмана на утро. И сообщите прогноз. Воду и топливо возьмем сейчас.

Москалев присел на стул, расстегнул мокрый плащ и понял: утром никто не сможет уже заставить его покинуть «Антей». А сейчас — трудная ночь, суматошная ночь перед отходом — надо наверстать все, что упущено...

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Вахта второго помощника

Ночью успеха тоже не было. Полная луна и абсолютный штиль загнали рыбу на глубину, и сейнеры, устав от бесполезных заметов, улеглись в дрейф.

В рубке плавбазы «Бородино» второй помощник капитана Костырев настроил радиостанцию на канал промысловых судов. Свет был погашен, и только тусклое мерцание шкалы приемника освещало почти безбровое скуластое лицо вахтенного.

В эфире шла ночная переключка судов. Голоса были сонные, раздраженные. Говорили о том, что надо ожидать отжимного восточного ветра и, пока он не задует, всякий поиск бесполезен.

— ...«Наяда», «Наяда!»—звал кто-то флагманский сейнер. — Метала, «Наяда»?

— Чего толку метать? Пустыря таскать, что ли? — отозвались с «Наяды».

Костырев прикрыл глаза, голоса в эфире отделились. Сквозь полудрему он услышал, как застучали по трапам, оживленно заговорили внизу в салоне, — понял, что закончили крутить фильм. Капитан-директор, наверное, проснулся — он всегда засыпает, когда крутят вторую бобину, — сейчас появится в рубке, будет переживать, метаться. Вот уж недаром называют вахту второго штурмана с ноля до четырех собачьей. Полное безрыбье. Механики остановили двигатель, за рыбу с них спросу нет. Эфир замолчал, вахтенные устали спрашивать друг друга, до утра теперь заметов ждать нечего.

Прошло еще полчаса. Директор не появился. Тишина была плотной, почти ощутимой. Потом в эфире заговорили поляки, язык был понятен — у них тоже базы простаивали без рыбы.

— «Бородино», «Бородино»! — вдруг позвали базу.

Костырев нагнулся к микрофону:

— На приеме!

Звал базу капитан сейнера «Онда». Костырев узнал тонкий, почти девичий голос Симоненко, сразу вспомнился и сам Симоненко: ноги как спички торчат из шортов, глаза кукольные, застенчив до предела, но ловит лихо. Вот и сейчас на полном безрыбье заметал, правда, почти ничего нет в неводе, тонна какая-нибудь, не больше.

— Сколько хода до тебя? — спросил Костырев.

— Миль тридцать, — ответил Симоненко, — даже звать вас неудобно!

Идти искать в ночи сейнер ради такого мизерного улова Костыреву не хотелось.

— Слышь, друг, — сказал в микрофон Костырев, — подтаскивай к базе помалу, если побыстрому сдать хочешь.

В эфире надолго замолчали, потом снова всплыл тонкий голос Симоненко:

— Ладно, что делать, пойдём помалу.

Через час, чтобы прогнать дрему, Костырев вышел из рубки.

Над океаном стояла тропическая ночь. Все застыло без движения, не было обычного мельтешения огней. Светящиеся точки, обозначающие сейнеры, опоясывали горизонт. Изредка накатывалась одинокая волна зыби, и тогда огоньки вдали вздрагивали поочередно, как будто ток волнения передавался от судна к судну. Палуба базы была пустынна, только у кормовой надстройки заметно движение, там матросы ночной смены промывали чаны, да на левом борту у столярки изредка постукивали бондари — готовили бочки для засола.

О том, что рыбы не будет, никто из них еще не знал.

Костырев всматривался в ночь, в том направлении, откуда должен был появиться сейнер. Через полчаса один из огоньков на горизонте приблизился и стал ярче.

Костырев решил поработать на пеленг, связаться с «Ондой», обговорить швартовку и вернулся в рубку.

Из штурманской, резко распахнув двери, навстречу ему вышел капитан-директор. Плотная, почти квадратная фигура капитана полностью заслоняла проем двери. Голову Токарев брил наголо, и от этого она казалась еще более шарообразной, а черные глаза и лохматые брови ярче выделялись на загоревшем задубевшем лице. Капитан весь был напряжен и с трудом сдерживал себя. Взгляд пристальный и колкий.

Костырев невольно отступил и заставил себя улыб-

58 нуться, он уже было хотел пошутить насчет капитан-

ской бессонницы, но Токарев прервал его на полуслове. Голос был гортанный, раскатистый:

— Мне надоела ваша инертность! Ищете причин для уверток и исключения лишних движений!

— Ефим Сергеевич, я же механцам обещал, что двигаться не будем, — начал оправдываться Костырев. — Рыбы нет во всем районе, да и этот чудак Симоненко заметал на мизере. Базу гнать к нему — смысл какой? Если бы не механики, другое дело...

Больше всего Токарев не любил, когда пытаются свернуть на других, перевести стрелку, и оправдания Костырева только подлили масла в огонь.

— Мизер! — возмутился Токарев. — Если на всем промысле нет заметов, а повезло одному, учтите — моральный фактор! А вы заставляете тащить рыбу, превращать в кисель. Это вы — база, надежда промысловика, обязанная идти к нему. Послушайте эфир! Весь флот заговорит об этом случае.

— Так Симоненко же согласился сам...

— Вы воспользовались его скромностью и своей мнимой ночной властью. Уходите, вам не место в рубке! Завтра же будет приказ по судну!

Нетерпение

База подошла к сейнеру Симоненко на рассвете. Как это бывает обычно в тропиках, небо светлело сразу на всем пространстве, чернильная ночь почти без перехода сменялась ярким слепящим днем. Все вокруг стало молочным, а вода из аспидно-черной превратилась в белесую. Выплыл на горизонте овал солнца — большой красный круг оторвался от воды, вынырнул, как огненно-радужный мыльный пузырь из соломинки.

Голубое, безоблачное небо безраздельно царило над матовым пространством воды. Звонкая тишина лишь 59

изредка нарушалась силой гудками плавбаз. Тено-ром отвечали сейнеры.

Заскрежетал трос вдоль борта, впереди на ровной поверхности воды покачивался сейнер. Желтые наплава, поддерживающие кошелек, чуть колыхались и постукивали друг о друга.

Сейнер с кошельком, послушный натягивающимся тросам, жался к борту базы, притирался к кранцам. Боцманская команда почти автоматически вершила швартовку, концы были заранее отмерены, размечены, и стоило только кинуть выброску на сейнер, подать первый конец, как все остальное проходило в раз и навсегда определенном порядке.

Токарев спустился на промысловую палубу.

Боцман, цыганистый парень, сноровисто накидывал гаши, черный смолистый чуб выбивался из-под желтой каски. За все время швартовки он ни разу не крикнул на своих парней. Стоило ему взглянуть в сторону любого из матросов, как тот сразу же понимал, что от него требуется. Токарев работал с боцманом первый рейс, но убедился сразу, что вмешиваться в палубные работы не придется.

На глаз трудно было определить, что за рыба в кошельке, но, судя по объёчке, в нем была мелочь. Это еще раз подтверждало, что сейнер не вышел на косяк, а метал на рассеянные стайки. Стамп наполнили рыбой. Она буквально кипела в нем, вздрагивая ртутной сверкающей массой. Стамп подняли, он повис вверх, закачался над палубой, прочерчивая свой путь шуршащим потоком воды. Надо было выяснить, что за рыба, куда ее направлять, и около опущенного на палубу стампа склонились технолог — кудрявый чернобородый Арам — и завлабораторией Наташа.

Арам был влюблен в Наташу, да это было видно сразу любому непосвященному. Рядом с Наташей Арам 60 преобразался, он вдруг превращался из резкого крик-

ливого горца в галантного молчаливого человека. Вот и сейчас они вдвоем держали одну рыбешку и, кажется, больше смотрели друг на друга, чем на вздрагивающую в их руках ставриду.

На сейнере, опираясь на планшир, стоял в голубых шортах Симоненко и улыбался солнечному утру.

— Что же вы ночью напахали? — крикнул ему Токарев. — Почему меня не вызвали на связь!

— Зачем беспокоить по пустякам, — ответил Симоненко, — мелочь у меня.

— На промысле нет пустяков! — Токарев подошел вплотную к леерам. — Это устаревший порядок, когда рыбы было навалом и ее подтаскивали к базам! — Токарев круто повернулся, подошел к стампу. — Арам Арташесович, что, только на заморозку?

— Есть мятая. Костырева бы сюда, пусть сортирует! — ответил Арам и, вскинув голову вверх, крикнул на сейнер, обращаясь к Симоненко: — Мало рыбы, дорогой, сплошной перекур, а не работа! Дубленку потерял, что ли? Возьми у нас, дорогой!

Симоненко развел руками.

Токарев вспомнил, что Симоненко и в духоте тропиков не расстается с дубленкой: во время заметов надевает полушубок прямо на голое тело. До этого Симоненко несколько рейсов подряд работал в Баренцевом море, где полушубок оправдал себя. Судно его брало отличные уловы. Токарев не верил в приметы, но понимал, что при заметах нужна удача, и, если может помочь полушубок, почему не попробовать?

Сейнер Симоненко обработали быстро, рыбы взяли всего два стампа. Токарев поднялся в ходовую рубку, когда отдали швартовы и сейнер, дав ход, стал медленно, как бы нехотя, отдаляться от базы. Симоненко крикнул в мегафон:

— Спасибо за обработку!

— Удачной рыбалки! — откликнулся по трансляции вахтенный помощник.

Утренний промысловый совет начался, как обычно, ровно в десять. Токарев поднялся в радиорубку, где уже сидели, каждый на своем привычном месте, судовые командиры. При его появлении шумный спор сразу стих, оборвался. Токарев сел, раскрыл журнал и, не оборачиваясь, бросил радисту, стоящему у него за спиной:

— Надеюсь, антенна настроена?

Вел совет начальник промрайона Василий Митрофанович Вихарев, был он на плавбазе «Сигулда». Токарев по голосу представлял Вихарева человеком энергичным, вальяжным, привыкшим к власти и просторному кабинету. Вольностей и возражений в радиоразговорах Вихарев не терпел, резко обрывал тех, кто выступал не по существу. Если капитан начинал на совете: «Прошу подтвердить, как меня слышно. Хорошо? Спасибо. Добрый день, товарищи капитаны и все присутствующие на совете. Добрый день, Василий Митрофанович!» — то Вихарев сразу же осаживал этого капитана: «Послушайте, дорогой! Вы где? В палате лордов? Настраиваться надо раньше!»

Вот и сейчас, до начала совета, один из нетерпеливых капитанов стал требовать топливо.

— Василий Митрофанович, — шумел он, — я же сижу без керосина, я ночью вас поднимать не хотел, а этот чертяка, танкер, прошуровал мимо как ни в чем не бывало! Дайте керосина!

— Что за жаргон, — оборвал его Вихарев, — выражайтесь по-человечески. Керосин-бензин! Придет очередь — дам слово. Не мешайте работать!

Вихарев выждал, пока в эфире все замолчали, и 62 сказал:

— Начнем, товарищи! Разведка, «Бородино» и далее по порядку. На приеме «Сигулда»!

Инженер промразведки перешел на поисковый сейнер, который за ночь сдвинулся к югу. Судя по голосу, «научник» был совсем молодой парень. Говорил он вишеватого, старался показать, что разведка знает все:

— Сделали гидрографический разрез по вестовым банкам, гидрофронт рассеянный, рыба питается на свале и, как мы полагали, уходит на юг. Там сейнер литовской флотилии сделал отличный замет...

— Сильна травить наука! Рэй Бредбери — не меньше, — заметил старпом.

Всегда ему не сиделось на месте, и сейчас он стоял слева от Токарева, опираясь на спинку капитанского кресла. Как и многие на «Бородино», старпом, подражая Токареву, тоже обрил голову.

— Надо проверить южные районы по изобате, — продолжал флагман промразведки.

— Чего там проверять! Сниматься на юг всем, там ночью замет был — нам такой не снился! — включился в эфир капитан одного из сейнеров.

— Прошу помолчать! — остановил его Вихарев. — Об успехе литовского сейнера знаю, а разведке следовало не констатировать факты, а заранее давать рекомендации. Бежать на юг никому не советую. Слушаю капитанов в порядке очереди!

Токарев взял микрофон, сообщил координаты, дневную выработку и добавил:

— Закончили обработку единственного кошелька!

Остальным плавбазам и такого кошелька не досталось. Их капитаны докладывали коротко, раздраженно. Положение было критическое. Большинство выступающих требовали незамедлительного снятия флотилии на юг.

Вихарев молча выслушал всех, а затем каждому раздал свою долю на орехи, не обошел и «Бородино».

— Безобразие, рыбы нет, а ведущая наша плавбаза выкидывает фокусы! Что за барские замашки — заставлять единственный, добившийся успеха сейнер волоочь рыбу через десятки миль!

Токарев весь налился краской, но сдержался и ответил кратко:

— Была заминка по моему недосмотру.

Ответ, видимо, устроил начальника промысла, и Токарев в который раз удивился тому, как Вихарев может знать обо всем, даже о самом небольшом передвижении. Для этого надо слушать эфир круглосуточно!

— Относительно юга, — продолжал Вихарев. — Манят вас большие уловы, в чужих руках они всегда больше. Но советую проявить выдержку!

После промсовета Токарев ушел к себе в каюту, надо было обдумать все нюансы предстоящего снятия на юг, решить, как можно загрузить цеха плавбазы на эти сутки, если капитаны сейнеров не выдержат и начнут переход.

Каюта Токарева состояла из трех помещений: узкой спальни с довольно обширной по корабельным условиям кроватью, просторной приемной, которая была отделена от кают-компания раздвигающейся переборкой, так что в случае необходимости кают-компания сливалась в единое целое и получался настоящий зал заседаний. Был еще уютный кабинет, массивный письменный стол в нем с причудливой лампой, похожей на старинный корабельный фонарь. В кабинете над столом висел большой портрет Светланы. Токарев любил этот портрет жены, здесь она была похожа на красавиц Рокотова. Возможно, художник несколько стилизовал натуру, но ни одна фотография не отображала жену столь глубоко и точно.

Токарев сросся с плавбазой, вот уже около десяти лет он был ее бессменным капитаном. Знал базу до 64 мого малейшего элемента набора. Здесь он начинал

вторым штурманом после того, как ему удалось вырваться из мореходного училища, где он преподавал навигацию. До этого была служба в военно-морском флоте. Но все те периоды были суматошны и краткосрочны, и только здесь на базе он нашел применение своей энергии. На базе же в самом первом рейсе он познакомился со своей будущей женой. Светлане тогда было восемнадцать лет. База работала чуть южнее Канарских островов — звенящее небо, штилевой океан и очень много солнца. Света, буфетчица кормового салона, отлично играла в волейбол. Она выпрыгивала легко над сеткой, золотые волосы взмахивали вверх, как крыло, резкое движение тонкой руки — и неотразимый удар! Рейс тот закончился для Светы преждевременно.

— К вам можно, мастер? — В каюте стоял Арам, черные как смоль волосы спутаны, блестками в них рыба чешуя. — Куда годится, мастер! — Арам не мог ждать, он весь кипел.

В дни простоев люди не должны ощущать растерянности командиров, Арам был не просто технолог, он был заместителем капитан-директора по производству. Сто двадцать обработчиков и обработчиц рыбы подчинялись ему.

— Надо сниматься на юг, надо идти туда немедленно! — настаивал Арам.

Токарев молча поднялся, достал чашки и разлил в них густо заваренный чай.

— Садитесь, прошу. — Он подвинул чашку Араму. — И успокойтесь. Я все прекрасно понимаю.

— Капитаны сейнеров говорят, что они побегут, если строенся мы, — не отступал Арам.

— Я разделяю ваше нетерпение. Они тоже горячие парни — ваши любимчики, капитаны сейнеров. А давно ли вы задыхались от рыбы? День, два на юге будут рекордные уловы, но мы не сумеем их обработать! Потом

снова побежим на север? Капитаны сейнеров сорвут ягоды, а мы будем нюхать цветы? Так? У нас почти нет свободных емкостей в трюмах.

Арам сел на стул. Он ждал решения своего капитана, готовый с ходу сорваться, побежать в рубку, в цеха, чтобы передать приказ Токарева о снятии на юг. Обычно они всегда находили общий язык и горячность одного сливалась с напористостью другого. Это был второй случай за рейс, когда капитан не хотел идти навстречу. Первый раз не получился разговор, когда Арам ворвался в каюту и стал требовать, чтобы Токарев расписал его с Наташей. «Кто советская власть? Ты мастер. Ты все можешь! — убеждал он. — Мы не будем жить друг без друга. Спиши тогда на берег или делай, дорогой, запись!» — «По всем морским законам капитан имеет право регистрировать рождение и смерть на борту судна. И только!» — ответил тогда Токарев. «Это неправда, зачем обижаешь, мастер, просто не хочешь!» — «Последний мой совет, Арам, ты старше Наташи, сдержи себя!» — сказал Токарев, и в словах его было столько твердости, что Арам отступил и смолк.

Сегодня разговор был проще:

— Вы не знаете, Арам, как загрузить бригады? Идемте в цех, я покажу вам, как это делается!

Ломакин принимает решение

Даже такому опытному промысловому, как Ломакин, в прошедшие сутки не повезло. Внешне он держался бодро. Улыбался чаще, чем обычно. Но по тому, как резко передвигался по рубке, как разговаривал по радио, можно было заметить, что все его раздражает. В успехе своего сейнера он не сомневался. В этом рейсе Ломакин был как никогда близок к тому, чтобы взять

рыбы столько, сколько ни разу не брали сейнеры, подобные его «Наяде». Но он был к тому же капитаном-флагманом и отвечал за остальные суда управления, а они все находились в пролове. Это было в довольно резких тонах поставлено ему в вину начальником промысла:

— Безобразие, Егор Константинович! Сами ловите, а до других дела нет. Как вы понимаете флагманство? Не заставляйте меня делать выводы!

Ломакина не очень задела эти слова. Как флагман он делал все, что мог, и если у него с планом хорошо, то основа заложена раньше! И какой же он флагман, если бы ловил наравне с другими? Раз флагман — значит, и работай лучше, так всегда и понимали на промысле!

В управлении, когда ему предложили возглавить суда, направляемые на юг, он сразу согласился. Наконец-то признали, что ловить он может лучше других. От флагмана был прямой путь в штаб экспедиции, а там — в управление. Все зависело теперь от успеха флотилии. У всех капитанов опыт не меньше, чем у него! Но так работать, как они, — извините. Капитан «Сайры» Коняев трется у борта баз, только рядом женщина была бы — вся работа побоку, Симоненко — слишком верит научным прогнозам и приметам: здесь в тропической жаре не растает с дубленкой! Далась она ему.

Капитан «Сардинопса» Занайнулин, пожалуй, мог бы отлично работать, но сейчас от него можно ждать любых фортелей. Были когда-то друзьями, а вот забыть не может Ларису, десять лет прошло, а он все как обиженный ребенок. Не надо было рот разевать! Приехала к нему, к Занайнулину, девушка, одна, ни родственников, ни знакомых, а он и встретить достойно не смог!

У него, Ломакина, уже тогда была кооперативная квартира, а Занайнулин все еще жил по общежитиям.

Ломакин и не представлял, что у друга такая невеста. Сразу было видно, что не по Сеньке шапка. Стройная, большие маслянистые глаза, густые и мягкие волосы. Каждое ее случайное прикосновение буквально обжигало Ломакина. Когда Занайнулин ушел в рейс, Лариса сказала:

— Мне надоела его игра в простоту. Как долго человек может оставаться наивным!

Тогда он не придавал значения ее словам, и только много позже понял, что Лариса в жизни искала прочную опору, она знала ясно, что ей нужно. Но ради нее можно было отдать все. Занайнулин этого не понимал. Зачем же столько лет таить зло, избегать встреч? Здесь, на промысле, когда надо работать в паре, поддерживать друг друга, вдруг высовывается в эфир со своим недовольством! Пусть предложит, что делать? А лежать в дрейфе, шуметь, что нет рыбы, заявлять, что все решать должен флагман, может каждый.

Если бы не этот штиль! Хотя подобрались на судно люди один к одному, уговаривать не приходилось, сами рвались на передовой сейнер, но сейчас у некоторых начали сдавать нервишки, ворчат, ищут причину неудач. Больше всего нападок — на акустика. На кошельковом лове многое зависит от его реакции. Акустик же начал сдавать.

Вчера за ужином боцман крикнул камбузнику:

— Акустика не корми сегодня, злее будет, а то спит у эхолота!

Акустик вскочил и отшвырнул миску в сторону. Весь вечер на палубе он не появлялся.

Разговоры о рыбалке начались за ужином, и после долго не успокаивались матросы, стояли на баке, ловили ночную прохладу и спорили. Ломакин с мостика слышал отдельные фразы.

— На неводе грузов до черта, понимаешь, скребет по дну, — сказал боцман хриплым голосом.

— Чего на невод пенять? Как что — вали на невод! — Это тралмастер Збигневский. С Ломакиным он ходил давно. Сутулый, с длинными руками, на первый взгляд неповоротливый, на заматах просто преображался — метеором носился по палубе. Дружбу свою с капитаном он всегда старался подчеркнуть. Вот и сейчас после того, как боцман закончил ворчать, сказал: — Больно нетерпеливые все, понимаешь. Кошельковый лов — это что? Это охота! Здесь выдержка нужна. Чутье нужно иметь, навык! У нашего кэпа всего этого в достатке.

— Да бросьте вы, — прервал его Дмитриевич, стармех, — привыкли мы, что все на блюдечке подается. Каждый день улов, да побольше. Заловим — и на бок. Нашему Ломакину слава нужна! Аж печет!

Егора Константиновича больно кольнули эти слова, он спустился вниз. Увидев его, сначала замолчали, а потом боцман сказал, переводя разговор в шутку:

— Вот тут гадаем, где рыба? А это все из-за черепахи! Когда заловили черепаху, я говорил, чтобы отпустили, понимаете. Так нет, черепахового супа захотели.

— Французская кухня, туда ее в качель! — добавил старший помощник.

Ломакина удивляло, насколько могут меняться люди: был успех — никто слова не говорил против, Дмитриевич во всем соглашался, Збигневский так тот просто в рот заглядывал, понимал с полуслова. «Распустил я их, — подумал Ломакин, — жестче надо быть в море!»

На вечернем совете разведка дала обнадеживающие прогнозы, обстановка на юге стабилизировалась, там наблюдали крупные косяки. Сейнер литовской флотилии заловил отличную рыбу. Прогнозам Ломакин не особенно доверял. Переход в новый район был порядочный. Можно и не рисковать, продержаться здесь, 69

на севере, на мелких концентрациях. На базах любят принимать мизерные уловы, чтобы меньше возиться.

Но вести изнуряющий всех поиск ради таких уловов Ломакин не хотел. Пусть разведка и преувеличивает, но успех литовского сейнера реален. Переговорив еще раз по радио с капитанами, Ломакин принял решение. Пришлось, правда, долго спорить с Вихаревым, но старик тоже дал добро.

Идти надо было сто миль полным ходом, чтобы успеть на утреннюю рыбалку. Эта весть мгновенно разнеслась по судну. И матросы оживились в предчувствии настоящих заметов.

Сейнеры флотилии бежали параллельными курсами. Корабельные носы вздували белые буруны. В сумерках силуэты судов расплывались, и только эти крутящиеся шары-буруны были отчетливо видны, и, казалось, летят над водой белые рыси, рвущиеся за добычей. Бег кавалькады судов возглавлял сейнер Ломакина. Теперь, когда все было решено и пути к отступлению не оставалось, Ломакин, всматриваясь в ночь, в бегущие огоньки, хотел верить, что бег этот не напрасен. Он знал: в случае неудачи спросят с него, да еще как спросят! А вдруг окажется, что и на юге с рыбой негусто. Ведь сорвались, ушли с насиженного, вдоль и поперек перепаханного района. Затраты топлива, времени. Ну что же, отвечает тот, кто принял решение. Легче всего плыть по течению.

В прошлом Ломакина не просматривалось спокойных лет: можно было сравнить его жизнь с работой мощного двигателя, не знающего ремонтов из-за постоянной необходимости вырабатывать энергию. Но как у каждого двигателя имеется небольшой стартер для возбуждения энергии, так и у него тоже был такой источник — Лариса. В приморском городке не было женщины ярче и красивее ее. Приятно было сознавать 70 это, знать, что тебе завидуют, смотрят вслед, знать,

что вы желанные гости на любом празднике. Год назад они купили отдельный коттедж, последнюю модель «Жигулей», теперь Лариса занялась постройкой дачи. С тех пор как он расписался с ней, жизнь на берегу стала для него столь же напряженной, как и в море. Жизнь эта не позволяла лечь в дрейф, остановиться, подумать о тишине, о ее смысле. Она неслась вперед на предельных оборотах, так же как сейчас мчалась его флотилия в надежде на желанный успех.

Пошел невод!

Бархатная тропическая ночь опустилась на океан, ритмично покачивались над головой крупные южные звезды.

Эхолот начал писать рыбу в пять часов утра. Флотилия резко замедлила свой бег, суда замерли, как будто наткнулись на незримую преграду.

Акустик склонился к экрану локатора, за штурвалом матроса-рулевого сменил старпом: замет — дело, требующее резких поворотов, и люди нужны там, на палубе. Рулевой — курсант из мореходки — спустился вниз.

— Каску надень! Пижон! — крикнул ему вслед старпом.

Ломакин весь в движении — волосы растрепались, куртка распахнута. Эхолот дал двойной звук, сигналы его наткнулись на рыбы спины, и перо самописца провело жирную черту, рядом другую, еще, еще, — это уже сплошной косяк!

— Впереди заметал! — крикнул старпом.

Прямо по курсу вспыхнули оранжевые огоньки — сигналы судна, выметывающего невод. Есть рыба!

— Где твоя хваленая реакция! Заходи на ветер! —
скомандовал Ломакин старпому.

— Есть на ветер, — повторил старпом.

— Акустик, не зевай, говори, где косяк. Не молчи! — приказал Ломакин и выглянул в окно рубки.

Внизу на палубе и на кошельковой площадке все было готово для замета. В эфире стоял шум, возбужденные голоса забивали друг друга: капитаны судов выходили на рыбу, кто-то отстал — и очень волновался, — ему мешал отдать невод сосед, кто-то поспешил и запутался в снастях.

Сейнер Ломакина прыгал то вправо, то влево. Казалось, от резких поворотов он изгибается в темноте, извивается, как змея. В этих движениях было повторение путей косяка, напуганного шумом винтов. Только там, внизу, рыба металась, недоступная качке, а сейнер взлетал и низвергался на волнах. Мачта его возносила к звездам, чертила огнями немыслимые эллипсы, ввинчиваясь в Млечный путь. Растревоженные звезды металась по небу. И, когда на вираже мачта устремлялась к самой воде, созвездие Ориона, стоявшее над головой, исчезало за противоположным бортом. Но никто на судне не замечал этой сумасшедшей качки.

— Пошел невод! — раскатисто крикнул Ломакин.

В свете прожектора было видно, как пластмассовые наплава образовали в воде двухрядную дорожку. Судно убегало от нее, а впереди летел в темноту, мелькал розоватый буй с сигнальным огнем — ориентир в ночной бешеной пляске.

— Косяк! Где косяк? Когда я научу вас работать? — крикнул Ломакин акустику.

— Левее, — отозвался акустик.

— Что же сразу не сказал, елки-моталки!

Ломакин с трудом сдерживал себя, чтобы не кинуться вниз на палубу, его раздражала медлительность аку-
72 стика, надо было действовать с ходу, не ждать подска-

зок. Ломакин вынул ракетницу. Выстрелил в сторону левого борта, чтобы отпугнуть косяк, не дать рыбе уйти под килем. На мгновение мир вокруг стал изумрудно-зеленым. Зеленые лица людей в рубке, зеленая палуба. Погасла ракета, и снова сомкнулась тьма. Сигналы сзади. Какое-то судно пошло в замет. Другое судно выскочило прямо у борта. В этой сумятице надо было сохранять выдержку и быть все время начеку. Ломакин бросился к борту, крикнул в мегафон:

— Куда лезете! Невод порвете, правее, правее, черт поberi! На чужое все мастаки метать!

— Это, наверное, Коняев пристроился! — крикнул старпом.

Невод длиной около семисот метров судно уже замкнуло, матросы вытащили буй, зацепили крючьями и начали подбирать стальной трос.

Светало. Вокруг в спокойной штилевой воде лежали сейнеры, и желтые наплава, как ожерелья, колыхались на поверхности. Матросы на палубе стаскивали мокрые резиновые костюмы, роканы с похожими на крылышки накладками на плечах.

Збигневский уселся на крышку трюма и закурил. Наконец-то можно было позволить себе расслабиться, дать передышку перед подборкой невода, перед подсушкой. В пространстве, окруженном наплавами, вода пузырилась, как будто там, за бортом сейнера, шел* дождь. Темные, бурые пятна косячков двигались в котле, не находя выхода.

Начали стягивать невод. Матросы, укладывающие сеть на кошельковой площадке, стояли под сплошным потоком воды, стекающей с сетного полотна!

Ломакин спустился вниз. Сквозь толщу воды было видно сетное полотно, оно казалось то желтым, то ярко-голубым: чувствовалось, как там внутри шебуршит, вздрагивает и бьется рыба.

— Есть, голубушка, есть, хо-хо-хо! — звучно крикнул старпом, и его рыжая бородка задралась кверху. — Тонн сто, прокляните меня, если меньше!

Матросы на палубе столпились у борта — все радовались долгожданной удаче. Только Збигневский сказал озабоченно:

— Помнется она! Если база с ходу не подойдет — помнется!

В прозрачном воздухе все казалось невесомым, четкой границы моря и неба не было; сейнер, освещенный солнцем, купался в голубом пространстве. И вокруг все усиливалось шуршание — это терлись спинами друг о друга сардины, стянутые в кошельке. Штилевое утро было как награда за дни пролова, за бессонные ночи. Теперь все зависело от того, как быстро подойдет плавбаза и примет улов.

Ожидание базы

Ломакин ждал утреннего совета плавбаз — надо было договориться о сдаче улова. На очереди они первые и скорее всего рыбу сдадут на плавбазу «Бородино». Эта база вырвалась вперед, обогнала других, но даже ей — часов десять хода. Волновало и то, что улов был слишком велик, на базах не любят возиться с большими кошельками. Ломакин знал это, но в то же время его задача — добыть как можно больше. Его задача — вылов. Метать на полянах, выбирать невод из-за нескольких тонн — значило все время как бы идти по лезвию: чуть зазевался, несколько дней пролова — и ты уже отстающий. А если заловил вот так, как сегодня, — у тебя запас на неделю и можешь работать спокойной и не суетиться. Повезло, что рыбу примет «Бородино».

74 Конечно, будет много шума: такой улов надо сдавать

быстро, на базу, в бункера, влезет от силы тонн двадцать! Остальное может пропасть, пойти третьим сортом. Но Токарев не сможет отказать ему! Он понимает промысловиков.

Егор Константинович еще долго сидел в рубке, вспоминал прошлые встречи с Токаревым, слушал переговоры по радио, но потом его сморил сон.

Проснулся он в пять часов вечера, базы до сих пор не было. Он вышел на палубу. У кошелька с криками металась чайка, в воде крутились стаи хищников — тунцы, макрель. Почуяли скопище сардин и вот стянулись за легкой добычей. Матросы вооружились концами с крючками, у кого крючков не было запасено, согнули гвозди, сделали себе некое подобие крючков. Вытягивали подряд то тунцов, то макрель: не успеешь закинуть, как уже клюет.

На камбузе лакомились рыбой, коричневые сочные куски жареной макрели буквально таяли во рту. Кок принес «аджикки» — несколько баночек он берег для торжественных случаев, таких, как сегодня. Говорили о кошельковом лове, надеялись, что южный район принесет удачу, что это был не единичный замет, что рыба пришла сюда.

Ломакин слушал эти разговоры, они были ему приятны, и лестно было сознавать, что это он, флагман, вывел флотилию на рыбу, заметал первым, да еще как заметал! Завтра в управлении на берегу не раз вспомнят его, глядя в сводки суточной добычи. Да и весь отряд неплохо сработал, по чужому следу пройти большого ума не надо, но все же молодцы! Может быть, общий вылов в эти сутки будет рекордным, и отец, развернув газеты, тоже узнает об этом. Что же, старый спор давно решен в пользу Егора, а сколько было слез, когда бросил университет и перевелся в мореходку.

«Ты закрыл себе дорогу к будущему!» — суетилась мать. Отец — доктор наук, но это еще не значит, что сын 75

должен стать кандидатом. Быть последним в науке или первым в рыбалке? Что лучше? Это еще надо посмотреть. Ушел лучший баскетболист университета — вот была основная потеря для науки. После средней мореходки ускоренный курс в высшей — так, формальность. И теперь, пожалуйста, — во главе флотилии, это не опыты делать над кроликами! Здесь нужна железная воля и крепкие нервы. Надо держать людей в кулаке, не позволять ни на минуту расслабиться. А будешь первым, будет заработок — и все будут рваться к тебе на судно.

После ужина Ломакин еще раз переговорил по радио с капитанами флотилии, все ждали очереди, базы еще не было. Он пошел в каюту, поставил кофейник, взял с полки журналы, полученные с последней почтой. В это время в дверь постучали. В каюту тихо вошел акустик и молча встал у переборки. Вид у него был подавленный, мешки под глазами, щеки небритые. Ломакин не любил людей, которые поддаются настроению и в тяжелые для себя дни опускаются. Акустик был старше Ломакина лет на десять, ходил на промысловых судах давно, но хороших отзывов о нем не было. Так, человек с опытом, но без должной реакции. Теперь вот и домашние дела тяготели над ним, неделю назад пришла нелепая радиограмма от жены: с нашим сыном случилось несчастье. Какое? Почему? Не сообщалось. Дали радиограммы в партком управления и соседям. Наконец выяснилось: сыну грозит уголовное дело, попал по недомыслию в драку. Акустик, узнав это, совсем потерял голову: решил вернуться в порт, а то, что здесь не ходят рейсовые автобусы, да и по заказу ничего не ходит, понимать не хочет и, главное, не желает думать о том, что без акустика, пусть даже и такого, среднячка, судно на лову беспомощно.

— Я очень прошу, — после долгого молчания ска-
76 зал акустик, — отпустите меня на базу. Я слышал, там

скоро будет перегруз, и они наверняка состыкуются с транспортом.

— Вот что, — сказал раздраженно Ломакин, — брось ты эти фокусы! Ну чем ты сможешь, сам за него сянешь, что ли? Ему сколько?

— Семнадцать.

— Ну вот видишь.

Акустик не хотел слышать никаких доводов, заявление он написал, и Ломакин понял, что работник из него теперь совсем никудышный. Два дня назад был длинный разговор с парторгом — стармехом Дмитриевичем: у стармеха была привычка говорить не глядя в лицо собеседнику — склонит голову набок и повторяет каждую фразу. В чем-то он прав, отпустить придется, но не сейчас же, не в такой обстановке.

И Дмитриевич тогда на отказ не обиделся, встал, посмотрел сверху и сказал:

— Ох, Константинович, вырастет у тебя сын — поймешь!

— У меня дочка, — ответил Ломакин.

— С дочкой забот не меньше.

— Будут заботы — я в море не пойду. Чтобы людей не подводить.

Хотя базу ждали и жадно смотрели в ту сторону, откуда она должна была появиться, выросла она неожиданно, совсем с противоположной стороны и полностью закрыла пространство по левому борту. Можно было различить и надписи на ее борту, и лица людей, передвигающихся там, наверху.

Быстро темнело, на сейнере и на базе включили прожекторы. Кроме их направленного света, исходило от базы сплошное сияние — от огней на ее мачтах, от иллюминаторов, от десятков люстр, развешанных на ее палубах. Перекликались по мегафону старпомы, застыли с бросательными в руках матросы, гудели шпи- 77

ли. Среди тех, кто стоял на мостике базы, Ломакин сразу различил квадратную фигуру капитана Токарева.

Матросы сейнера вырывали друг у друга бинокль и смотрели туда, где у чанов стояла завлабораторией Наташа. Отсюда, с низкого борта сейнера, Наташа казалась неземной женщиной, богиней. Ее смуглые длинные ноги, оголенные руки, ее легкие очаровывающие движения завораживали. Она была эталоном женственности. У многих на сейнере сразу появилась необходимость перейти на базу: оказалось, что у пяти человек невыносимо болят зубы, боцману надо взять белье, второму штурману получить продукты, а у механика вышла из строя центрифуга.

— Прошу не мешать швартовке! — оборвал их просьбы Ломакин, — Все успеется, сдавать рыбу будем долго!

— Эх и лафа же там на базе, женщин-то сколько, ух ты, матерь божья! — не выдержал старпом и затеребил свою рыжую бородку. — Да и вообще там жизнь — не сравнишь с нашей: у капитана апартаменты — боссам не снились, концерты, соревнования. Вон, смотрите, сетка натянута, там они и в волейбол, и в баскет, и в футбол, кто во что горазд! И работа культурная — по сменам, отработал свое и грей пузо на солнце! А капитан там не то, что вы, Константинович, он там, как кот, в сметане купается!

Ломакин не слушал причитания своего старпома, они уже не первый раз швартовались к базам, и разговоры были всегда одни и те же. И понятно, каждому хотелось на базу — все-таки разнообразие, встречи, новая обстановка. Ломакин полагал, что Токарев пригласит в гости. Ночь придется быть на базе, и это для пользы дела, потому что он точно знал: сдача рыбы будет нелегкой.

«Пусть покажут, на что способны!»

Когда швартовались к сейнеру, Токарев, глядя сверху на вздувшийся огромный пузырь кошелек, понял сразу, что улов слишком велик и база не сможет его обработать. Приемку рыбы начали в одиннадцать вечера и не прекращали всю ночь. Лязгал стамп, грохался о палубу сейнера, наполнялся трепещущейся сардиной и вновь возносился в воздух. Сардина скользила белым потоком в кашницу из воды и снега. Возле чанов распоряжался приемкой Арам Арташесович. В свете прожектора его смуглое лицо казалось белым, и это еще больше подчеркивала чернота бороды. Технолог нервничал и через каждые полчаса звонил в рубку:

— Мастер, — кричал он, — некуда принимать, по горло, понимаешь, сыты! Навалом на палубу — ни за что не буду! Трюма забиты под завязку!

— Вы же стремились к большой рыбе! Думайте! — ответил Токарев. Отдать распоряжение остановить прием он не мог — слишком долго флот ждал рыбу.

Ночь была беспокойной. Токарев заставил себя не вмешиваться в споры о сдаче рыбы. Он ходил вокруг рубки размеренными шагами и считал эти шаги. Нужно больше двигаться, в море нужно больше двигаться... сто восемь... сто девять... сто двадцать... Руки он заложил за спину, сильно наклонялся вперед. Пространство для прогулки было ограничено, и потому надо было стараться шагать мелко, медленно. Делать это он не умел. Шаг все равно получался широким, быстрым.

В час ночи Токарев спустился вниз, он специально прошел не по наружному трапу, а коридорами, через пустое помещение консервного цеха в основной цех: ему надо было своими глазами увидеть обстановку.

Цех встретил его суетой аврала: было шумно, и белый пар вырывался из стерилизаторов, матросы-закатчики ловко, как фокусники, отбрасывали ладонями вращающиеся банки на транспортеры. Грохотали морозильные аппараты, двери камер открывались, чтобы принять в зияющую черноту холода очередные тележки, наполненные вздрагивающей рыбой. В грохоте, в общем и привычном мельтешении слова были плохо слышны. Они различались по движениям губ, по мимике, по общему выражению лица. Токарев подозвал Фомича, старого и опытного рыбмастера, и сказал, придвинувшись почти вплотную к нему:

— Не сумеете загрузить людей — подвахту сниму!

— Сумеем, мы сейчас третьей линию ладим. Рыбы-то сколько! Очуметь можно! Все бригады в цехах!

Фомич засеменил рядом, продолжал что-то кричать. Токарев не слушал его: пусть покажут на что способны! Сегодня все поймут, что значит большая рыба, запомнят, как она дается. Нужен темп, небывалый темп. Надо объяснить это каждому.

Цех на плавбазе был длинный — метров сто, если не больше. Токарев прошел его от носовой переборки до кормовой. Его останавливали, спрашивали, он сам несколько раз вмешивался — переставил людей с выбивки на загрузку, послал в помощь закатчикам штурманов. На сортировку поставили боцманскую команду, молодые парни работали весело, но слишком суетились. Неугомонный Миша Клепиков, гитарист и заводила, бегал вдоль транспортера, везде хотел поспеть.

— Фомич! — крикнул Токарев. — Дай каждому свой участок! Что у тебя здесь за стадион?

Постепенно работа отлаживалась, и главное было теперь — побыстрее принять рыбу, не дать ей смяться в кошельке. Токарев поднялся на палубу через запас-

У борта базы, картинно облокотившись на планшир, стоял матрос-приемщик, желтая каска сдвинута на затылок, длинные волосы кудрями рассыпались по брезентовой робе. Стамп был пуст, никто не собирался подавать его на сейнер. Арам и Наташа склонились над крышкой трюма, где на лючине было разбросано с десятков рыб. На сейнере матросы столпились у борта и, задрав головы, смотрели вверх на палубу базы. Токарев услышал, как на сейнере кто-то громко выругался, а потом уже голос Ломакина:

— Эй, на базе! Сколько я могу просить! Позовите к борту Ефима Сергеевича!

— Да звали его, — откликнулся приемщик, — нигде нет. Сказали, что в цех пошел. Там сейчас ищут!

Токарев вышел на освещенное пространство. Первым его заметил Арам. Он ждал появления капитана на палубе. Технолог рукой смахнул рыбу в небольшую корзину, протасил ее по настилу и опрокинул у ног капитана. Рыбины не трепыхались, они лежали неподвижно. Токарев нагнулся и потрогал скользкую спинку одной из них.

— Вы остановили приемку? — спросил он.

Арам подошел ближе.

— Мастер, я отказался от этой рыбы! — заявил он с вызовом.

— Такие решения здесь принимаю только я! Неужели за рейс не уяснили?

На базе к каждому нужен свой подход. Токарев знал, что Арам обидчив, что говорить с ним надо мягче, не приказывая, а как бы советуя, но сдерживать себя сейчас Токарев не мог и не хотел. Он подошел к борту по палубе, скользкой от чешуи, и тронул за плечо приемщика:

— А ну давай, трогай! Давай, старина! Стамп на сейнер!

Грохнуло что-то на палубе и вздрогнула стрела. 81

— Эй, на судне, поберегись! — крикнул приемщик и надвинул на глаза пластмассовую каску.

Ломакин увидел Токарева:

— Ефим Сергеевич! Что случилось? Почему тянут резину?

— Приветствую вас! — крикнул Токарев, — Все в порядке!

— Вы там своего технолога на место поставьте. Спорит, как на базаре, туда его в качель! — отозвался Ломакин.

Очередной стамп, наполненный рыбой, повис в воздухе. Вода шумно стекала на палубу. Токарев посторонился, отступил к надстройке и крикнул:

— Послушайте внимательно. Рыбу мы, конечно, возьмем, но это не рыба! В другое время я и не подошел бы за ней! Мы ведем приемку каких-то два часа, а она уже без всяких признаков жизни! Утром она ляжет в кошельке и никуда не будет годиться!

Токарев отступил от планшира, потом резко повернулся и пошел вдоль борта. Технолог, увидев, что капитан уходит, кинулся за ним.

— Я снимаю с себя всякую ответственность! Я предупреждаю! — закричал он вслед.

Токарев бросил на ходу:

— Идите и работайте так, чтобы как можно скорее закончить приемку!

Этой ночью Токареву так и не удалось даже вздремнуть, хотя бы полчаса. Технолог составил акт и был по своему прав, с трех часов рыба пошла только на мелочь, на заморозку. Следовало проучить Ломакина и снизить сорта на всю рыбу, но Токарев понимал состояние своего коллеги, понимал всю обстановку скисшего промысла и надеялся, что утром они возьмут к борту кошелек с малым уловом, и всю сардину того утреннего

82 замета пустят только первыми сортами. Надо было

в принципе ломать устоявшуюся практику, заставить капитанов промысловых судов думать над качеством. А сейчас с них требовали вылов — и они давали этот вылов. При таком положении капитанам сейнеров не было никакого дела до забот базы, за готовую продукцию они не отвечали, что сделают из рыбы — об этом они порой и не знали!

Обработку сейнера Ломакина закончили в полдень. База двинулась за очередным уловом. Токарев вышел наверх. Жара уже давала о себе знать. Даже через подошвы сандалий он ощущал, как накалилась палуба. Из рубки, с двадцатиметровой высоты, было видно, как в бескрайнем пространстве, где стерта всякая грань между небом и океаном, в неподвижной воде лежали суда с уловами. Они застыли в таком порядке, в каком шли на замет. Невода, сжимающие рыбу, полукружьем раскинулись у бортов. Выбранные сети висели на бизань-мачтах, напоминая косые паруса. Невода с рыбой, как плавучие якоря, удерживали сейнеры. Эти столь быстрые суда-ловцы, еще не остывшие от ночных скачек, сейчас лениво встречали изредка набегающую зыбь, на мгновение вздрагивали от ее удара и вновь застывали. Невода прилипали к бортам, и, чтобы растянуть их, с сейнеров спускали за борт шлюпки, и эти шлюпки казались отсюда, с высоты, водяными блохами. Они настырно тарахтели моторчиками и, совершив свою работу, носились в глянцевом пространстве от сейнера к сейнеру. Нестерпимая тропическая жара окутывала океан.

Громады баз, медленно и осторожно разваливая форштевнями зеркало воды, передвигались среди сейнеров. Опростав очередной кошелек, база двигалась к следующему — шел сбор утренних заметов. Промысел безостановочно раскручивал свой механизм. Здесь все зависели друг от друга. Суда-ловцы от баз, от опе-

ративности обработки, базы от того, как быстро примут у них рыбу транспортные суда, как обеспечат их тарой и бочками, а транспортные суда — от того, насколько оперативно и быстро сдадут на них рыбу с траулеров. К тому же очень важно, как скоро подойдут на промысел танкеры и водолеи, чтобы флотские дизели работали безостановочно и на каждом судне было в достатке воды, которая здесь, у берегов Африки, — на вес золота. И все это в первую очередь зависело от рыбы. Как будут идти ее косяки? Будет ли это «чистая» рыба, то есть если сардина, то сардина без примесей, или пойдет «смесь», «компот». Такой компот, что не успеешь ни отсортировать, ни заморозить. Нужна равномерность уловов, и это понимают и ощущают на себе в первую очередь капитаны баз. Рыба диктует пути судов, движение косяков незримо управляет курсами. Но в основном промысел зависит от людей, от их выдержки и от многих других обстоятельств, которые вкупе определяются как человеческие отношения.

Промсовет

На дневном промысловом совете капитаны, еще не остывшие от успеха ночной рыбалки, говорили возбужденно и строили радужные планы. Но Вихарев не разделял общих восторгов. Токарев понимал, что старик прав: еще несколько суток таких уловов — и базы захлебнутся, запросят выгрузки, а суда-ловцы будут сутками лежать с полными кошельками, ожидая очереди на подход баз.

Работа плавбазы «Бородино» тоже не устраивала начальника промысла.

— На вас не похоже! — бушевал в эфире Василий 84 Митрофанович. — То жаловались, плакали: нет рыбы,

а теперь, когда она появилась, сутками возимся с одним кошельком! Вы подошли к району лова первыми, — кстати, без разрешения, об этом речь впереди, — а обработали одного Ломакина!

— Ну вот, понял, Валентин Петрович, опять собираем шишки! — сказал Токарев, повернувшись к старпому.

— Ётская сила! — Это выражение у старпома означало и гнев, и восторг, и презрение, в зависимости от оттенков, с которыми он его произносил. — Я же говорил — надо было этого Ломакина послать ко всем чертям, ему — оркестры, а на нас ездят! Была бы моя вахта, он бы у меня увидел борт! Кому он нужен с его рекордным уловом!

Токарев молчал и нервно постукивал ребром ладони по краю стола. Старший помощник еще немного побурчал и тоже замолк.

— Ефим Сергеевич, — продолжал Вихарев, — я просил объяснительную радиограмму за прошлые сутки, за вахту старпома, почему вы первыми стронулись? Вы были против перехода, почему не дождались общего решения! Я уверен — это ваш старпом самовольничает! Разберитесь с ним! А то у вас получается хороший тандем, ночью ваш старпом на своих вахтах — хозяин. Берет кошельки вне очереди, орудует беззастенчиво!

Валентин Петрович улыбнулся:

— Да доложите ему, что наказали меня, пусть отвяжется! И спросите лучше, когда старик транспорт даст?

Главным на сегодняшнем промсовете был вопрос выгрузки.

На «Бородино» оставалось дней на пять хорошей работы, а там хоть якорь бросай. Транспортный рефрижератор «Альбатрос» должен был подойти через неделю. И капитаны плавбаз надеялись перехватить его. Вихарев уверял: транспорт только раздаст базам пустые бочки и сразу же пойдет к траулерам.

— Так мы его и выпустим сухим, — выслушав Все это, сказал старпом. — Пусть только появится!

На «Бородино» предпринимали все, чтобы успеть обработать ломакинский улов. К вечеру чаны опустели. Виктор Иванович, первый помощник капитана плавбазы, целые сутки провел в бригадах. Работа возбудила его, он никак не мог успокоиться, и теперь в кают-компании, когда все разошлись, он продолжал говорить с Токаревым. Ефим Сергеевич сидел неподвижно, полуприкрыв глаза, его одутловатое лицо почти ничего не выражало, мускулы утратили подвижность. С первым помощником он ходил уже не первый рейс, знал, что мог ему во всем доверять. Этот худощавый, нескладный человек в очках при первом знакомстве показался Токареву совершенно не приспособленным к морским дорогам, но Токарев сразу понял, что Виктор Иванович не из тех новичков, которых посылают за кипятком на клотик. Виктор Иванович познавал морскую науку быстро, впитывал в себя данные, как губка, к тому же в экономике равных ему не было. Да что экономика, была еще такая наука — человековедение, вот здесь-то и спорить с Виктором Ивановичем было бесполезно.

— Завтра мы объявим людям итоги. Это были сутки рекордов, — продолжал Виктор Иванович. — Я просто преклоняюсь перед матросами. Сколько есть в человеке скрытых сил, я даже не предполагал!

Токарев приоткрыл глаза, кивнул, резко встал с мягкого кресла:

— На промсовете я расхлебывался за эти рекорды, и на берегу меня и вас еще спросят за качество рыбы, взятой в сутки рекордов. Так, кажется, вы сказали?

— Сегодня, может быть, поздно уже, но у меня есть некоторые расчеты, на днях закончу — принесу, — сказал Виктор Иванович.

В кают-компании мягко шелестели кондиционеры, люминесцентные лампы заливали помещение ярким светом. Было два часа ночи по местному времени.

Ни слова о рыбалке

— Виктор Иванович, — сказал Токарев первому помощнику, — как вы считаете, мы заслужили отдых?

Отдыхом были шахматы. Капитан быстро расставил массивные фигуры и предупредил:

— Не перехаживать. И ни слова о рыбалке. Как начнешь, смахиваю фигуры.

— Идет, — согласился Виктор Иванович.

После жары на палубе в каюте был просто рай: холодок «кондишки» приятно освежал разгоряченное тело. Очки запотевали, и Виктор Иванович протирал их салфетками. В очках он был похож на нахохлившуюся птицу.

— Как стадо слонов думает, — любил говорить старший помощник, который был их третьим партнером и должен был скоро подойти — вахта его заканчивалась, и на шахматы у него просто нюх был.

Токарев шахматы полюбил с детства. Научил его играть дед Степан на лесосплаве, в сорок втором году. Токареву тогда было двенадцать лет, он подменил мать: трудовая разрядка — один человек от семьи. Мать совсем измучилась, да и малая сестренка требовала материнского ухода. На лесосплаве приходилось работать по пояс в воде, ноги шелушились, и кожа на них деревенела. Из воды вылезали в талый снег, подтаскивали деревья, обрубали сучья. В первые дни он, тогда еще не окрепший мальчонка, с трудом доползал до нар. Дед Степан приметил его, пригрел, вырезал из

дерева самодельные фигурки, и куда девалась усталость.

Школа юнг после лесосплава показалась раем: чистые простыни, горячий борщ, и первый шахматный турнир — полированные, покрытые лаком фигуры, — длинные скамьи в столовой.

Токарев обожал шахматных коней, их неожиданные прыжки, жертвенность при атаке, их величие при спертом мате. Пешек он не щадил — уже в дебюте они лавиной лезли вперед. Но если образовывалась проходная пешка, все внимание отдавалось ей. Ход сопровождался возгласом: «Пошел, проходимец!». Фигуры капитан отрывал от доски резко и опускал, как бы кидая их, звонко шлепая по доске. Виктор Иванович передвигал свои пешки тычком, они скользили, обтекали, окружали коней капитана. Виктор Иванович любил строгий расчет и обожал эндшпили, в которых игра начинала подчиняться математическим законам.

Токарев за шахматной доской оставался таким же, каким был на мостике: эмоциональным, резким, всегда готовым к обострениям. В ходах первого помощника ему чудились хитрые задумки, и он рассуждал за своего партнера, предлагая варианты, которые его напарнику и не снились. Привыкнув решать за всех и отвечать за всех, он не позволял себе расслабиться даже в ожидании чужого хода, и мысли его продолжали работать и выдавать решение против него самого.

Виктор Иванович, несмотря на внешнее спокойствие, тоже был азартным игроком и остро переживал промашки. Лоб его покрывался потом, тонкий нос вздрагивал, он весь напрягался, хотя старался показать, что его не волнует, кто победит.

В этот раз Виктору Ивановичу удалось построить плотную защиту, первые пешки капитана пали, не ра-
88 зорвав густоту позиции.

— Заперся, загородился, но я все равно устрою тебе «фердалы», — сказал Токарев, жертвуя чернопольного слона.

— Авантюра, — ответил Виктор Иванович, аккуратно снимая фигуру.

Незаметно вошел в каюту старший помощник, он встал за спиной Токарева. Старпом не мог сдержать себя, он сопровождал ходы капитана одобрительными возгласами, с досадой хмыкал, когда ходил Токарев не так, подбадривал:

— Лошадью его, лошадью!

Токарев, увлеченный азартом, в предчувствии победы, пожертвовал ладью.

Виктор Иванович откинулся в кресле и с улыбкой посмотрел на капитана. И Токарев увидел, что позиция его рассыпается. Он поднял голову и, как бы впервые, заметил своего старпома:

— Дайте мне хоть за доской обойтись без советчиков, — одернул он старшего помощника. — Хватит! В рубке, в цеху, со всех сторон советы!

Одним движением он смахнул фигуры с доски.

— Сейчас я отомщу за вас, Ефим Сергеевич! — сказал старпом.

— Ладно, стоп, — сказал Токарев, — давайте попьем чаю, я смешал индийский и липтоновский, есть «изумрудное» варенье, прислала жена.

Он достал из шкафчика фарфоровые чашки. Жена Токарева умела делать варенье; терпкое, тягучее, оно янтарем переливалось в розетках. Закипел чайник. Токарев колдовал над заваркой, кинул щепотку сахара, несколько раз подливал кипяток и чуть не опрокинул чашку.

— Все переживаете проигрыш, — сказал первый помощник. — Напрасно, партия была почти ваша, с самого начала! Просто поторопились! Посмотрите на меня, ваши жертвы даже не заставили меня вздрогнуть!

Токарев усмехнулся, он знал, что первый помощник любит подчеркивать свое спокойствие и в игре, и на мостике, и в разговорах с людьми, но внутри переживает все остро, по каждому случаю пытается дойти до сути. Порой его раздражала настырность Виктора Ивановича, и дня не проходило, чтобы они не поспорили. Сегодня пристал с этим Костыревым, мол, к людям нужен подход, парень мучается, штурман он хороший, надо только расшевелить, заинтересовать его. Вот пусть и встряхнет, подумает, отстраненный от вахты. А то еще носится с Клепиковым, как с писаной торбой, а как же — гитарист, самодеятельность. Так моряка из парня не получится. Привыкнет жить за счет других! Теперь вот зашел разговор о Ломакине, и Виктор Иванович защищает этого капитана, рвущегося напролом к славе:

— Он же лидер! Надо же на кого-то равняться, кто-то должен доказать, что сегодняшние уловы — не предел, что можно взять больше, чем другие!

Токарев стиснул зубы, стукнул кулаком по столу так, что подпрыгнули чашки:

— Мне, а не ему пойдут рекламации на эту рыбу! Это все старые понятия: лидер за счет чужого дяди! Нам нужна равномерная сдача! Вы хоть это понимаете?

— Согласен, — кивнул Виктор Иванович.

— Спасибо и на этом, — сказал Токарев, — а то, я думал, вы на седьмом небе от рекордного улова. А нам при наших емкостях куда его деть? Работать надо только на первые сорта, ты сам за это агитируешь людей каждый день! А выгрузку обещают — месяц целый обещают! Это, как у Гашека, помнишь Швейка? Как их везли на фронт и на каждой очередной станции обещали кормежку!

— Вы — капитан-директор, думайте, ищите новые решения, — сказал Виктор Иванович.

— Вот так, Валентин Петрович, — обратился Токарев к старпому, — вы — будущий капитан, и запомни-

те: когда не ладится — виноват капитан, когда все хорошо — победа коллектива. Так, Виктор Иванович?

В дверь каюты постучали, вошел вахтенный помощник, в белой тенниске, дымчатые большие очки закрывали глаза.

— Ефим Сергеевич, — сказал он, — сейчас взяли к борту сейнер Коняева под снабжение, бельишко сменить.

Хозяйственные нужды были заботой старпома, и Токарев обычно не вмешивался.

— Так в чем дело? — спросил он у вахтенного.

— Капитан сейнера рвется на борт, в гости к вам.

Просил доложить.

— Не пускать ни в коем случае. — Токарев встал из-за стола, подошел почти вплотную к вахтенному. — Вы слышите? Ни в коем случае!

Старпом позвонил на мостик и передал распоряжение Токарева.

Виктор Иванович, удивленный столь резким отказом, — обычно Токарев любил встречаться с капитанами сейнеров, — спросил:

— За что вы его так, Ефим Сергеевич? Ведь промысловик он чудесный!

— Ловит он неплохо, но, увидев женщину, млеет. Я не возражаю, мир держится на любви, но Коняева, увольте, на борту видеть не хочу!

— Наташу он обхаживал, но там Арам на страже. Кто теперь у него на примете — не знаю, — заметил старпом.

— А вы, Валентин Петрович, его давно знаете? — спросил Токарев.

— Я, когда на «Крыме» работал еще, понял, что он за фрукт. Раз тоже перешел на базу к нам, так мы его целых три часа искали — и по трансляции, и с посыльными. А сейнер его у борта, люди волнуются, в общем, наделал он нам шороха!

— Вот-вот! — воскликнул Токарев, выслушав старпома.— С ним почти аналогичный случай и у меня был в прошлом рейсе!

Из рубки позвонили. Токарев взял трубку, сказал:

— Ладно, сейчас иду. — И добавил, уже обращаясь к старпому: — А он настырный, наш Коняев, просит на связь, не верит, что ему отказали!

«Я сам уберу бочки!»

По вечерам матросы собирались на полубаке, ловили прохладу, подставляя тела легкому ветерку, рожденному движением базы. Поверхность океана была ровной, почти зеркальной, закат окрашивал воду в малиновый цвет. Слышно было, как на сейнерах подбирают невода пневматическими блоками. На одном из судов залаяла собака, ей откликнулась другая. Робко крикнул и сразу же смолк петух. Петухов почему-то любили держать на колхозных сейнерах. Если не смотреть на бескрайнюю водную гладь, на мгновение прикрыть глаза, можно было представить, что очутился вдруг в тихой деревеньке, куда приехал на воскресные дни порыбачить на лесном озере.

Клепиков принес гитару. Голос у него был мягкий, протяжный, даже в рубку доносились его песни.

Ждите мужчин пропавших,
Всеми морями пропахших,
Ваши мужчины придут.
С мужчинами так бывает:
Вдруг пропадут...

Старпом, закончивший вахту, стоял на шлюпочной палубе с Виктором Ивановичем.

— И чего он тоску нагоняет, гитарист ваш, так 92 хохмил в начале рейса, а тут — нате вам! — сказал стар-

пом. — С таким голосом да выдал бы что-нибудь наше, флотское!.. А вообще-то, хорош парень, девки, верно, на берегу по нему сохнут!

— Да нет, напротив, писем ему нет с начала рейса.

— Меня тоже не балуют, — вздохнул старпом, — ну ничего, на этом транспорте дождемся!

Общая атмосфера томительного ожидания транспорта захватила всех. Даже Токарев иногда впадал в депрессию. Он старался не обнаружить этого состояния на людях, и оно особенно ощущалось, когда он оставался наедине с собой, в привычной, начавшей надоедать за долгие дни промысла, каюте. С портрета жена смотрела на него широко распахнутыми глазами, он разговаривал с ней. Если бы кто-нибудь из экипажа базы увидел его в эти минуты, не поверил бы, что это их капитан-директор. А он вспоминал свой первый рейс на «Бородино» и то, как было прекрасно вдвоем.

У него, тогда второго помощника, была отдельная каюта рядом с капитанской. Света приходила к нему каждую ночь. И какого труда стоило ей проскочить незаметно. Палуба освещалась, он смотрел сверху, с высоты рубки. Она шла легко, скользила между бочек, почти не касаясь деревянного настила, вся она была легкая, летящая. Только они вдвоем думали, что на судне не знают о их любви, — знали об этом все. За день каюта сильно накалялась, они открывали иллюминатор, и Света любила смотреть на бег волн в ночи. Она стояла, омытая тихим неясным светом судовых огней, тени оживали в ложбинке на ее спине, на широких бедрах. Обнаженная, она всегда казалась крупнее и почти ничего не имела общего с той девчонкой, что ловко взлетала над сеткой. В ней просыпалась женщина. Переборки в каюте были тонкие и звукопроницаемые, она старалась сдерживать в себе крик радости, рождаемый близостью, не давая ему вы-

рваться из вздрагивающей груди, но это было выше ее сил.

Тот рейс связал их на всю жизнь. Море соединило и море почти не оставило для них ничего.

Ночью была такая тьма, что, казалось, протяни руку — и она попадет в замкнутое черное пространство, в неземной вакуум. Но стоило высунуться в иллюминатор, почувствовать свежее дуновение ветерка, услышать шум волны, разглядеть в темноте слабые огоньки, услышать таракхтенье движков и далекий лай собак, как сразу исчезало ощущение вакуума. Было понятно: база идет к очередному кошельку, промысел продолжает свою безостановочную работу, в которой не бывает разделения на день и ночь, а есть единое промысловое время.

Стоял полный штиль. Сейнеры, разбросанные в тихом просторе, казались игрушечными, будто и не по воде они скользили, а недвижно повисли в пространстве. Суда ловили сардину, и работа на базе не прекращалась. Но емкостей в трюмах почти не осталось. На совете промысловики жаловались, кричали о простоях. Шли радиogramмы на берег. На базе обстановка накалилась — достигнутые показатели снижались, бригады работали неполные смены.

— Надо проситься в порт, пора сниматься, — сказал в рубке стармех, размахивая длинными руками. — Хватит играть в жмурки! Если контора не может обеспечить перегруз, какой с нас спрос!

— Мне лучше знать, что делать, — оборвал его Токарев. — Я здесь решаю, а ваше дело — машина. Что вы вечно торчите в рубке? Со всех сторон советники! Вахтенный, обновите надпись: «Посторонним находиться в рубке запрещено!»

Наконец сообщили, что «Альбатрос» подходит завтра 94 ра и первой швартуется к нему плавбаза «Бородино».

Правда, неизвестно, сколько мороженой будет перегружаться, сколько пресервов. И вот, как по закону бутерброда, задул свежий ветер баллов на шесть. Вода сразу из голубоватой стала темной, а в небе, как призрак будущих циклонов, появились у горизонта лезвия перистых облаков. Вихрились белые буруны, и свистящий пронзительный ветер срывал пену с гребешков волн. Потоки ее неслись, как поземка в степи.

Теперь надо было обязательно принять побольше свежей рыбы, чтобы во время перегрузки не простаивали цеха. К вечеру, несмотря на сильное волнение, удалось обработать несколько приличных кошельков, и тут выяснилось, что крышка первого трюма завалена бочками и на палубе не подготовлено место для приема картонной тары с «Альбатроса». Надо срочно освободить стензель, забитый старыми бочками. Токарев долго отчитывал технолога. Видно было, что Арам с трудом сдерживается, чтобы не накричать в ответ. Белки глаз у него так и сверкали, черные смоляные кудри и пышную бороду развевало ветром.

— Надо раньше думать, — распекал его Токарев, — думать надо, а не вздыхать, как Ромео!

— Все в цеху. Откуда я возьму людей? Что у меня, инкубатор, понимаешь! — не выдержал Арам.

— Я вам покажу инкубатор! Если вы не в силах, я сам уберу бочки!

Часов в десять вечера Токарев собрал бригаду, попросил размяться всех командиров, свободных от вахты, надел телогрейку и шаровары и стал поразительно похож на крестьянина, эдакого хозяина хутора, который ночь не в ночь, а работу доделает.

Людей в бригаде оказалось не столь много: первый помощник, главный механик, начальник радиостанции да синоптик. Пустые бочки поначалу казались легкими. Токарев залез на самый верх и бодро швырял их Виктору Ивановичу. Потом нашел пару досок, подста-

вил к стензелю и стал скатывать бочки — на это требовалось меньше усилий. Старые, уже побывавшие в работе бочки остро пахли пряностями и соленой рыбой. Ряды их с черными круглыми отверстиями напоминали жерла орудий старинного фрегата.

Когда на палубе появился Костырев, Токарев сделал вид, что не замечает помощника, отстраненного им от судовых работ. Большой и неуклюжий, Костырев сначала работал медленно, спотыкался о бочки, потом разошелся, достал старую сетку из тросов, набивал эту сетку, взваливал на себя и волок. Было впечатление, что бредет по палубе слон, и Токарев подивился тому, какая сила у этого парня.

— Эгей, Степан Матвеевич, — крикнул он ему, — а зачем на горбу таскать, когда лебедки есть!

Костырев счастливо улыбнулся, сбросил с плеч очередную ношу:

— Застоялся я, мастер!

Токарев спустился вниз, укладывал бочки ровно, по-хозяйски, так, чтобы оставались проходы к лебедкам, к пожарному щиту. Потом он залез в кабину лебедчика, стал настраивать стрелы.

Виктор Иванович, придерживая пальцами очки, наблюдал за работой капитана. Впервые он видел директора в роли матроса и удивлялся тому, как ловко и споро все у него получается. Сам Виктор Иванович уже настолько устал, что держался только на самолюбии — не хотелось уступать. А ведь он когда-то был спортсменом, да и намного моложе Токарева. Здесь, пожалуй, сказывалась разница в практике: за спиной капитана морская школа, он прошел ее с азом, начав на Северном флоте юнгой в победный год войны.

Сейчас на месте лебедчика он работал так споровисто, что и опытейший матрос мог ему позавидовать.

Строп у него опускался ровно, точно туда, где оставалось свободное место. Стрела не дергалась, а двига-

лась плавно и четко. За каких-нибудь пару часов закончили всю работу. После разгрузки у командиров болели спина, руки. Эта была приятная ломота от столь нужной человеческому телу физической работы, особенно необходимой здесь, в море, где так ограничено передвижение. Все уже было сделано, и только Костырев не хотел успокаиваться и продолжал катать бочки.

— Идите, переоденьтесь,—остановил его Токарев,— С ноля ваша вахта!

«Стыковка» в свежую погоду

И вот наступило утро, ветер чуть стих, но море не хотело успокаиваться, размашистые волны с белыми кипящими гребнями бились о борта базы. Вдали на вздыбленной воде покачивался долгожданный «Альбатрос».

Швартовка началась в полдень. Это была напряженная и тяжелая работа. «Альбатрос» медленно приближался, он заслонил горизонт, и сверху были видны широкие люки его вместительных трюмов с откинутыми крышками, готовые для приемки рыбы. На палубе «Альбатроса» стояли красные погрузчики — новая техника, исключаяя переноску коробов вручную. Издали погрузчики были похожи на жуков, казалось, вот сейчас при очередном взлете судна на волне они выпустят невидимые крылья и поднимутся над штормовым морем.

Начали подавать троса, их крепили крест-накрест с кормы, с носа, вязали надежно, будто пеленали два корабля в одной колыбели. Когда слились две палубы, база и транспорт стали раскачиваться вместе: казалось, выросло среди волн новое, широченное судно, засло-

нившее бушующее море. Боцман не успокаивался, он бегал по палубе, проверял швартовы, крепил стопора. Даже издали было видно, какой он потный и разгоряченный. Сдавленные бортами кранцы визжали, скрипели, выли, натягивались втугую цепи, крепившие их. Не выдержав силы давления бортов, баллоны выскакивали, как ракеты. Несколько кранцев лопнуло. Но уже соединялись тросами стрелы, уже крепили матросы в трюмах первые стропа с рыбой. Нельзя было терять ни единого часа.

— Совет начался, — напомнил Токареву Виктор Иванович.

— Какой совет! Идет швартовка, пусть там кто-нибудь выступит за меня.

На совете начальник промысла сказал:

— Предупреждаю капитана «Бородино»: на все грузовые операции даются только сутки. Никакой соленой, никаких пресервов. Только мороженая. Завтра ровно в это же время вы должны разойтись с «Альбатросом». Никаких доводов я слушать не хочу! И вас, Андрей Семенович (это уже капитану «Альбатроса»), хочу предостеречь от авантюры! Прием груза только строго по моей разнарядке!

Когда Токареву передавали эти слова, он возмутился. Дышал он тяжело — еще не отошел от напряженной стыковки судов в свежую погоду. На лбу его — дорожки от пота, голос — хриплый.

— Захотел! Сутки захотел! А когда мы рисковали и в такую погоду стыковались, он молчал! Слышать я ничего не слышал и знать не хочу! А с Виницким мы найдем общий язык.

Капитан «Альбатроса» Андрей Семенович Виницкий был его старым товарищем, и Токарев надеялся, что ему удастся договориться и перегрузить пресервы,

98 срок хранения которых уже кончался.

Вихарев назначил на шестнадцать часов специальное совещание по загрузке «Альбатроса». До этого совещания, чтобы быть на коне, необходимо было начать перегрузку пресервов. Надо было умудриться так «распечатать» транспорт, то есть выгрузить тару из трюмов «Альбатроса», чтобы освободить в первую очередь его емкости для пресервов.

Работа началась сразу «на три точки», три пары стрел соединились друг с другом. Токарев приказал выделить матросов и пересадить их на «Альбатрос», чтобы ускорить работу в трюмах транспорта.

Морская почта

Виктор Иванович еще на подходе к «Альбатросу» связался по радио со своим коллегой, первым помощником транспорта. Почта для «Бородино» была, кроме этого, была почта и для промысловиков. Виктор Иванович решил не ждать, когда пакеты упакуют, соберут на «Альбатросе», приготовят к передаче, а перейти на транспорт и там все принять. Была у него еще цель — познакомиться с Веницким. Капитан «Альбатроса» в прошлом считался одним из опытейших промысловиков, был на знаменитом «Тезее», участвовал в первой сельдяной экспедиции. Отец Виктора Ивановича, до пенсии ходивший несколько рейсов с Веницким, восторженно рассказывал о своем кумире, и у Виктора Ивановича давно сложился образ этого капитана, фанатично влюбленного в море. Виктор Иванович и сам с детства был воспитан в духе морской романтики, но жизнь повернула так, что рос он хилым, болезненным и никакой надежды на морские училища и прохождения медицинской комиссии не оставалось. Вот и поучился экономический институт и бухгалтерия, запол-

99

ненная стуком костяшек, звонками арифмометров, хихиканьями девиц. Но тяга к морю осталась. Потом была партийная работа и долгие годы тренировок, бег по утрам, занятия по системе йогов, все было отдано единственной цели — увидеть море, которому отец посвятил свою жизнь и которым продолжал бредить в уютном домике на окраине Приморска.

Когда Виктор Иванович вместе с матросами перешел на борт транспорта, выяснилось, что капитан Веницкий на встречной сетке пересел на базу.

По широкой гладкой и чистой палубе Виктор Иванович прошел в надстройку и поднялся наверх. Поручни трапов были надраены до блеска, в коридорах проложены ворсистые ковровые дорожки. На транспортном судне легче соблюдать порядок, но такой идеальной чистоты, такого комфорта он никогда на судах не видел. Похоже было на то, что транспорт этот не перевозит рыбу, а совершает круизные рейсы.

В рубке его встретил грузовой помощник. Он был очень суетливый, подвижный.

— А, Виктор Иванович, — обрадовался он, — милости прошу! Капитан говорил, что вы пожалуете в наши пенаты. Почты вам полно. Возьмете на весь малый флот, да?

Говорил он беспрерывно, сыпал шутками, вставлял в разговор поговорки, щеголял латынью. Рассказывал, как работал в Баренцевом море, говорил о своей даче в Солнечногорске, о дочке, которая пошла в первый класс, но уже читает Гайдара.

Виктор Иванович попытался завести разговор о капитане, сказал, что много слышал о нем, что читал об его опыте. Грузовой помощник поморщился:

— О, мой друг, это все в прошлом! *Nonores mutant mores!* Почести изменяют нравы. Теперь он смог бы 100 с успехом работать укротителем в цирке.

Почту Виктор Иванович принимал долго, он, как обычно, все скрупулезно проверял по реестрам, потом договорился поменять кинофильмы, выбрал картин десять посвежее.

— Теперь культурно, — заметил грузовой помощник, — фильмов навалом, и обмен у нас не вслепую. А раньше почту, кино — все в бочках передавали. Менялись мы так один раз с другим СРТ, а они нам вместо бобин петуха в бочку забондарили. Мы ждем «вселых ребят», а вскрываем бочку — оттуда, как ошпаренный, Петя — шварк, крыльями хлопает, кричит! Мы за тем СРТ, он от нас, загнали его к фиордам — бобины отобрали! Да, мой друг, славные раньше были истории.

Когда Виктор Иванович возвратился на «Бородино» на сетке, загруженной бумажными пакетами и фанерными ящиками, его со всех сторон обступили матросы — желающих помочь разобрать почту было много.

Это была третья почта за рейс, и ее вот так удачно приняли с борта на борт. Первые две почты снимали с транспортов, проходящих промысловый район транзитом. Передавали ее через сейнеры, и сразу возникла масса проблем. Надо отвлекать сейнер от рыбалки, чтобы не упустить транспорт — выйти на пересечение его курса; потом база должна подойти именно к тому сейнеру, который взял почту, а он устремлялся в замет — на сейнере знали: теперь их постараются обработать вне очереди.

На «Альбатросе» было даже несколько посылок. Счастливых адресатов искали по базе. Пакет с письмами Виктор Иванович принес в кинозал, и там боцман стал звучно выкрикивать фамилии. Со всех сторон тянулись руки к заветным конвертам. Матросу-закатчику Багирову досталось сразу пять писем от жены. Он пробирался к выходу, сопровождаемый шутками и улыбками...

— ...Воронов, Шкутов, Сеницын... — продолжал боцман. Он раскрыл новый пакет.

Один из конвертов боцман протянул Виктору Ивановичу. Письмо от жены. Хотелось тут же раскрыть конверт, но надо подождать, пока раздадут все письма, поговорить с людьми. Да и лучше прочесть дорогие строчки у себя в каюте, в тишине, чтобы ощутить каждое слово, почувствовать каждую интонацию.

— Клепиков! — Боцман помахал конвертом в воздухе, крикнул громче: — Клепиков! Да где же он?

Виктор Иванович поискал глазами гитариста, в зале его не было. Раньше, когда получали почту, первым прибегал, теперь, видно, потерял надежду, не хотел лишний раз расстраиваться.

Обделенных почти не было. Только боцман, одаривший всех, себе ничего не оставил. Развел руками, сказал Виктору Ивановичу:

— Газеты я вам в каюту отнес, пару журналов себе взял, с вашего разрешения...

— Да, пожалуйста, почитаете — потом занесете. — Виктору Ивановичу хотелось сказать что-либо ободряющее боцману, и он добавил: — Заходите ко мне, газеты посмотрим свежие.

— Хорошо, что Клепиков получил, а то совсем скис парень. — Боцман встряхнул бумажный мешок — проверил на всякий случай. — А моя писать не любит. У нас договор: каждый месяц — подробная радиограмма. Оперативней получается...

Еще долго не стихали оживленные голоса на плавбазе — люди делились береговыми новостями. А когда в кинозале завесили иллюминаторы и начали крутить новый фильм, взятый на «Альбатросе», мест свободных было полно: засели по каютам счастливики, помногу раз перечитывая долгожданные письма.

«Он от нас не отвяжется!»

Виктор "Иванович поднялся в рубку.

Там закончилось совещание в эфире по загрузке транспорта. В радиорубке с Ефимом Сергеевичем сидел Веницкий. На укротителя он был не похож. У него был профессорский вид, поредевшие седые волосы открывали крутой высокий лоб, глаза поблескивали за толстыми линзами очков, старомодная бородка клинышком загибалась вниз. Ни у кого из капитанов таких бородок не было, сейчас больше тяга к канадским, которые придают лицу мужественность. А здесь — нате вам! И только руки говорили о том, что сидит перед тобой далеко не кабинетный человек, мускулы буквально распирала короткие рукава тенниски, а пальцы были толстыми и заскорузлыми.

На Вихарева они наседали вдвоем, по очереди передавая микрофон друг другу, как эстафетную палочку.

— Поймите правильно, Василий Митрофанович, речь идет о государственных интересах. Это же не личная выгода! Мне все равно, что везти — мороженую или пресервы, но срок хранения пресервов истекает, — спокойно и внятно говорил в микрофон капитан «Альбатроса» Веницкий.

— Скажи ему о швартовке. Скажи ему, что, если бы мы не решились, ты болтался бы без дела, ждал бы, пока стихнет, — подсказывал ему Токарев, буквально вырывая из рук микрофон.

— Ваша настырность мне известна, — ответил Вихарев и надолго замолк.

— Да настройте как следует! — крикнул Токарев, обернувшись к радисту.

Голос Вихарева снова всплыл в эфире:

— Поймите, разрядка утверждена главком... я не советую вам ломать копыя.

Разговор длился еще полчаса, пока наконец не пришли к решению: выгружать пресервы в счет мороженой.

— Ну вот, добились старика! — обрадовался Токарев. — За ночь, Андрей, кинем тебе пресервы! А утром — будет день, будет пища. Радиограмму в главк я послал. Но теперь он понял, что ты у меня в гостях. Я его знаю — он от нас не отвяжется!

Капитаны пошли вниз к трюмам. Бригады работали слаженно, задержек не было, матросы понимали, что все решает быстрота выгрузки. Подходило время перемены, и на кипах тары уже сидели люди новой бригады. Около носовой тамбучины капитаны остановились. Здесь матросы забавлялись с судовой обезьянкой по прозвищу Жак. Маленький, рыжий и стремительный Жак бросался на дразнивших его матросов, перед прыжком он делал вид, что никого не замечает, выбирал зазевавшегося, молниеносно пружинил с палубы и вцеплялся в обидчика. Все хохотали. Движения Жака были ограничены тросиком, который его хозяин, плотник Тимофеевич, прицепил одним концом к поясу, прочно застегнутому на животе обезьянки, а другим — к двери плотницкой. Жак четко соразмерял свои прыжки с длиной тросика и никому не давался.

Токарев достал конфету и поманил обезьянку, но Жак зашипел, вспрыгнул на плечи Ефиму Сергеевичу, при этом, видимо, оцарапал ему шею — Токарев дернулся и резко отступил, хотя и сделал вид, что ничего не произошло.

Виницкий мягким шагом подошел к обезьянке, схватил тросик и подтянул Жака к себе, потом осторожно взял его за туловище и что-то зашептал на ухо. Жак прижался к его щеке и так и застыл, не шелохнувшись. Виктор Иванович вспомнил слова старпома «Альбатроса» о своем капитане, о том, что тот мог бы быть укро-

— Умен, зверь! — сказал Ефим Сергеевич.

— Отдай его мне, — попросил Веницкий.

— Тут у него хозяин есть, плотник, — сказал Токарев. — Да и зачем тебе он. Дома от них такой хаос!

Матросы, увидев, что Жак понравился гостю, стали наперебой рассказывать о подвигах обезьянки, о том, как бросается Жак на женщин, о том, как любит, подкараулив рыбака, срывать с его головы белую кепку и вытирать этой кепкой палубу.

— Он сперва на «Крыме» был, его там всякой шкоде выучили, — добавил один из матросов.

— Я бы его отучил, — сказал Веницкий и погладил Жака.

Подошел хозяин обезьянки, судовой плотник Тимофеевич и, увидев Веницкого, заулыбался.

— Тимофеевич! — узнал его капитан «Альбатроса». — Вот не ожидал. Не ожидал.

Они крепко обнялись. Жак соскочил на палубу, скорчил уморительную рожицу и смотрел на них.

Они несколько лет ходили вместе на траулерах, почти соседи — живут на одной улице, и было видно, что встреча обоих обрадовала. Они говорили долго, пока не прервал их вахтенный, что-то кричавший с верхней палубы. Это опять вызывал на связь Вихарев, державший выгрузку под неусыпным контролем.

Всю ночь он не оставлял их в покое. Оба капитана были уверены, что утром придет добро из главка на выгрузку пресервов. Без остановок на пересменках работали стрелы, темноту тропической ночи разрывали столбы света от судовых прожекторов.

Волнение между тем все усиливалось, и казалось, там, за бортом, раскручены огромные жернова, перемалывающие океан.

Капитан Веницкий

В каюте на столе стояла легкая закуска, початая бутылка армянского коньяка, припасенная для гостя, пыхтел круглый чайник. Виктор Иванович сидел молча и слушал разговор двух капитанов.

— Давно из порта, а живешь богато, — заметил Веницкий.

— Знай наших, вот возьми корейки с лучком.

— А почему называют корейка, знаешь? — спросил Веницкий. — Нет? Это в Корее, прежде чем заколоть свинью, долго бьют ее палками, мясо становится более мягким и слоистым.

— Вот не подумал бы! — сказал Токарев. — А крайне люблю разгадывать, что обозначает слово, в рейс словарей набираю. В морской тишине слово становится емким! Недаром толковый словарь Даль начал, когда был мичманом! Одни флотские выражения чего стоят!

— Да, за каждым — своя история! — согласился Веницкий. — Вот говорим «получил фитиля», «дать фитиля», говорим, не задумываясь. А ведь когда-то это название было конкретным. В парусном флоте. На весь рейс зажигали фитиль у мачты, огонь следовало поддерживать постоянно. Это был самый утомительный пост для матроса. Поставить у фитиля — значит наказать человека, — сказал Веницкий.

— Вот пресервы выгрузим, а утром получим фитиля! — заключил Токарев.

— Полагаю, что обойдется, ведь должны на берегу войти в наше положение. Мороженая — сейчас не главное, сейчас должен быть продукт, на который есть спрос! Многие думают по старинке работать, даешь вылов — и точка! Но теперь не те времена, — сказал

— Вот именно! — согласился Токарев. — У нас в экспедиции полно ухарей, их поддерживают, окружают славой — а как же, максимальный вылов! И флагман сейчас у кошелькистов, Ломакин, спит и видит рекорды. А мы за эти рекорды отхаркиваемся!

— Послушай, Сергеевич, — перебил его Веницкий, — а не пробовали вы отрядный метод? Помню у нас получалось: пять-шесть ловцов и база объединяются в отряд и работают на общий котел. Здесь уж не от вылова зависит, а от конечной продукции, что база выпустила — за то и получай!

— Слышал я об этом методе, да разве капитаны сейнеров пойдут на такое. Им разве докажешь.

— А ты попробуй. Я в свою очередь там, на берегу, по приходу это дело разверну. Поддержат, я уверен, — сказал Веницкий.

— Кстати, пока не забыл, у меня к тебе, Андрей Семенович, еще просьба. Тут мне Ломакин удружил, сунул своего акустика, чтобы я его на транспорт пристроил в порт, в семье у него непорядок, возьмишь?

— О чем разговор! Подтверждение берега есть? Токарев кивнул.

— А что у него случилось, у акустика?

— Парень у него лет семнадцати попал в драку, забрали, дело грозит судом. Да будь у меня сын в таком возрасте, разве я пошел бы в рейс! Это же главное в жизни — сына воспитать! Да будь у меня сын, разве я допустил бы такое!

Детей у Токарева не было. И порой ему казалось, что он готов все бросить, начать сначала, с другой, только ради сына. Но всякий раз его останавливала мысль о том, что Света не сможет прожить без него — он был в ответе за все, он старше ее на двенадцать лет. Сейчас это не разница, а в молодости было ощутимо. Тогда, в первом рейсе на «Бородино», после операции 107

стало ясно, что детей не будет. Хирург был молодой парень, и лицо у него было белое, как будто из гипса, он заикался и не мог ничего сказать. Сыну сейчас было бы уже одиннадцать лет. Еще год-два — и можно взять в рейс.

Как-то в минуту откровения Токарев показал Виктору Ивановичу письмо — линованный листок, заполненный крупными буквами. Писала соседская девочка. Обычный детский текст, но совсем неожиданное начало: «Здравствуй, папа!» Когда он читал это письмо, Виктор Иванович видел перед собой необычного Токарева — нежного и сентиментального.

• — Представляешь, — сказал он, — у Тани есть отец (не подумай ничего такого...). Мы соседи, но она считает, что и я ее папа!

Он рассказывал тогда об этой девочке так проникновенно, показывал ее фотографию и сказал, что она часто встречает его в порту.

Виницкому не были известны эти мучения и тоска своего друга по ребенку. Дочка Виницкого давно уже замужем, сын учится в институте, и, наверное, потому он сказал об акустике:

— Нервы у него не в порядке! Мало ли что в жизни бывает! А тут судно остается без специалиста, двадцать человек — и у них тоже есть дети!

По просьбе Токарева Виктор Иванович поднялся в рубку, чтобы узнать, как идет выгрузка. Было сдано за смену двести сорок тонн пресервов — это рекорд, столько не сдавали ни на одной базе. Правда, как раз в тот момент, когда Виктор Иванович находился в рубке, случился затор у третьего трюма — вышла из строя лебедка. Когда он вернулся и сообщил об этом, Токарев вскочил из-за стола, сказал, что сейчас все наладит, и резко хлопнул дверью.

Первый помощник остался с Виницким в каюте.

108 Они разговорились. Виницкий располагал к себе рас-

судительностью, манерой говорить не спеша, вдумчиво. Виктор Иванович все больше проникался к нему симпатией.

— Ну и порядок у вас на судне. Просто идеальный. Хоть босиком по палубе ходи — ног не испачкаешь. В трюмах поразительная чистота! И грузовой помощник, видно, толковый, эрудированный человек, — сказал Виктор Иванович.

— Он у меня первый рейс и последний. Его счастье, что короткий рейс, а то отправил бы домой на попутном судне. Первое впечатление, видите, оно бывает часто ложным. Мне он тоже сразу понравился: за словом в карман не лезет, начитан, поговорить может, на все мои распоряжения отвечает: «Да будет так». Шпарит наизусть из Эклизиаста. А толку с него — никакого. Он слишком несобран, и очень много времени он проводит с книгой. Это похвально, конечно. Но «Альбатрос» — не читальный зал, и заниматься самообразованием за счет других — не столь уж честно. Он должен работать с людьми. Их знать, а не книжных героев!

— Может быть, он человек случайный для флота, типичный российский интеллигент, место которого на берегу? — заметил Виктор Иванович.

— Вот-вот — сказал Веницкий, и взгляд его серых глаз, увеличенных толстыми линзами, помрачнел и стал жестким. — Привыкли мы все, что российский интеллигент мягкотел, слаб, так уж нас приучили. А русский интеллигент скорее тверд, и, когда это требуется, он умеет сжаться так, как не сжимается ни одна крепчайшая пружина! Вспомните блестящую плеяду морских офицеров-декабристов: Бестужевых, Завалишина, — наконец, Константина Петровича Торсона! Заключение в Свеаборгской крепости, писал он программу преобразования российского флота. Это были люди идеальной честности и практической пользы!

— Согласен, — сказал Виктор Иванович, — но, если человек начитан, это уже плюс, и вы можете найти с ним общий язык.

— У нас не может быть общего языка, — сказал Вينيцкий. — Его компетенция заимствована напрокат, на любую философскую теорию навешен ярлык, на все готовый ответ! Но ни одна из этих теорий не объяснит мне мир так, как я его вижу сам, любую теорию прежде всего надо осмысливать через свой жизненный опыт! Завидую я вам, у вас с Токаревым отличный тандем! Он — весь огонь, сгусток плазмы, который надо удерживать и направить!

Виктор Иванович улыбнулся, ему было приятно, что Вينيцкий точно определил характер капитан-директора.

Токарев надолго застрял на палубе, разговор Виноцкого с Виктором Ивановичем перекинулся на прошлые годы. Виноцкий рассказал о своих походах в горящий Вьетнам, куда доставлял продовольствие на транспорте «Беринг», и о том, как они успели выгрузиться и уже вышли на рейд, когда там, на рейде, вспыхнул вьетнамский танкер. Красные подвижные языки нефти расползались по воде. Казалось, пробиться туда, к танкеру, спасти людей невозможно. Что может быть страшнее пожара на море? Капитаны стараются отвести свои суда на безопасное расстояние, и горе тому, кто растеряется и запаникует... И какое нужно мужество, чтобы ринуться навстречу пламени! Когда Виноцкий объявил, что на шлюпках пойдут добровольцы, участвовать в спасении вызвались все...

Виноцкий сидел за столом прямо, не прогибаясь, и смотрел в иллюминатор. Картины прошлого ожили перед ним, трудные дни опровергали книжные истины, выстраивались в определенный ряд и требовали от него самого главного в любой ситуации — оставаться чело-

Было семь утра по местному времени, а значит, десять по московскому. Главк оперативно ответил на запрос. Токарев вбежал в каюту с радиограммой, которую тотчас бросил на стол. Берег считал правильным выгрузку пресервов, но разрешения на мороженую продукцию не давал.

— Чинуши! — крикнул Токарев. — Что они видят дальше своего носа? Флот они не знают и знать не хотят!

— Не кипятись, — сказал Виницкий, — этого следовало ожидать. С пресервами мы развернулись четко, а емкости под мороженую нужны траулерам, они тоже в простое. И от них, в основном, зависит сегодня план промрайона!

— Я знаю этих проходимцев, дают радиограмму, что у них полный груз, а сами продолжают молотить. А мы молчим! Беззубые! — никак не мог успокоиться Токарев.

Через полчаса начали расхождение, Виницкий перешел на свое судно. Швартовы отдали с кормы. На «Альбатросе» работали слаженно, без суеты. Хотя ветер и стих, но море еще кипело пенными барашками, и, когда остался последний конец, очередная волна так швырнула «Альбатрос», что, не потрави вовремя швартов, пришлось бы повозиться.

Токарев утратил всякий интерес к происходящему. После нервной бессонной ночи, ожидания разрешения на дальнейшую выгрузку, отказа с берега он был не только подавлен. В освещенные окна рубки «Альбатроса» было видно, как резко передвигается там внутри Виницкий, полосатая тенниска так и мелькала на мостике, его твердые, короткие команды выполнялись мгновенно. В эти минуты никто бы не мог подумать, что ночью он не сомкнул глаз.

— Бодрый старик! — сказал о нем Арам, стоявший рядом с Токаревым. — И дисциплина у него будь здоров! Я с ним один рейс работал — после большой отпуск просил!

Старпом потянулся, отошел от машинного телеграфа и сказал:

— Етская сила! Какие у него заботы? На промысле всегда загрузят, без плана не будет — загорай себе и принимай морские ванны. Там у них лафа! А дисциплина, говорите? Знаю я Веницкого, и дисциплину его знаю: одного — в изолятор, другого списал, третьего премии лишил, остальные будут молчать и говорить «есть». А в острый момент подведут — будь здоров!

— Плохо вы его знаете, — возразил Токарев.

Отдали последний швартов, «Альбатрос» дал ход и стал разворачиваться на левый борт, транспорт постепенно уменьшался в размерах, и уже нельзя было различить людей на его палубах. Традиционные прощальные гудки повисли над океаном.

Генеральный смотр

Задуманная Токаревым идея о выпуске готовой продукции прямо на базе, идея работы единым отрядом, подкрепленная разговором с Веницким, не давала ему покоя и теперь уже прорисовывалась до мельчайших деталей.

После обеда Токарев вызвал к себе Арама Арташевича и попросил ускорить переоборудование рыбцеха.

— Мастер! — взмолился технолог. — Человек работает полную смену. Потом мы зовем его опять, приходи, 112 дорогой, в цех! Он — матрос, мы говорим ему, стань,

дорогой, механиком! Крути гайки, выдумывай! Люди не имеют сил так работать! Не могут!

— Не могут, потому что вы не смогли их убедить, Арам! — прервал его Токарев. — Прежде всего надо верить самому, чтобы убеждать людей. Ваша горячность вспыхивает, как порох, но не дает пламени! Вчера Симаков, простой матрос, принес мне свои предложения!

— Так он же раньше работал конструктором!

— И это вы, а не я должны были знать в первую очередь! Даю вам срок на все работы—десять дней!

Вечером они в который раз собрались в кают-компании.

Симаков уже не смущался в окружении судовых командиров и даже Токареву возражал резко. Ефиму Сергеевичу это нравилось, он не любил, когда люди соглашались с любым приказанием старшего, по принципу: старший всегда прав. Токарев называл Симакова по имени и отчеству — Вадим Петрович. Арам, задевший за живое, нашел ошибку в чертежах и тут же взялся по-своему переделывать транспортер отходов; когда он чертил, то высовывал кончик языка и сильно нажимал на карандаш.

— Отвыкли, Арам Арташесович! — сказал первый помощник.

— Виктор Иванович, дорогой, я в институте считался первоклассным чертежником, ко мне дипломники бегали: Арам, кунак, выручай!

Симаков был низенького роста, волосы зачесаны на аккуратный пробор, тонкие пальцы. Практика конструкторской работы у него была приличная, и Токарев понимал, что призвание его — кульман, а не рыбцех. Както, когда они горячо заспорили и Симаков закричал на своего директора: «Позвольте мне судить, как здесь установить мотор!», Токарев не выдержал: «Вы на базе без года неделю, один рейс — и на берег, а я эту базу исползал вдоль и поперек! Зачем вы вышли в рейс?

На заработок? Жена настроила в поход за квартирой? Человек должен быть верен своему призванию, а не плыть по компасу добычи благ!»

Симаков был схож с Токаревым тем, что, вспыхнув, тоже мог наговорить все, что думает, и тут они завелись так, что, если бы не первый помощник, спор не утих бы.

— Симаков — матрос будущего, — рассудительно втолковывал Виктор Иванович, — не все же придется бегать со свайкой и таскать стальные концы, скоро многое будет делаться автоматически! И на судах, как мы убедились, нужны опытные конструкторы!

— Вам только это и снится, чтобы все было на автоматах. Вы готовы похоронить морскую романтику!

Такие споры возникали нечасто, не было времени для слов. Затейное переоборудование цехов полностью захватило и Арама, и Виктора Ивановича, и тем более «главного конструктора» — Симакова. Токареву уже виделся поток консервов, бегущих по желобам.

Всю следующую неделю стояло полное безветрие. Токарев сумел договориться с начальником промысла, и плавбаза, приняв к борту рефрижератор «Диксон», сдала туда часть мороженой продукции. «Диксон» был небольшим суденышком. Переделанный в транспорт из старого сейнера, он даже в штиль вздрагивал, как поплавок, от самой небольшой волны раскачивался, как ванька-встанька, и надо было обладать немалой сноровкой, чтобы поймать момент, когда он замирал неподвижно, и резко смайнать в его единственный трюм увесистый строп с рыбой.

Сдача шла медленно, но так как «Диксон» был сравнительно малым судном, с ним можно было передвигаться и обрабатывать суда-кошелькисты. База медленно переходила от сейнера к сейнеру, как трудолюбивая 114 пчела, собирая нектар-уловы. На фоне освещенного

солнцем зеленого простора воды то и дело возникали пузырящиеся бурые пятна, которые хаотично передвигались. Это шла верховодка — рыба, образующая косяки буквально на поверхности. Сейнеры метали невода прямо на эти косяки, видимые невооруженным глазом.

В этот период результативных заметов Токарев, подержанный начальником промысла, решил соединить сейнеры в отряд. Ломакин и некоторые капитаны были против, и решено было созвать совещание на «Бородино» и обо всем договориться.

За день до совещания Токарев устроил генеральный смотр переоборудованных цехов. Судовые командиры, возглавляемые им, цепочкой спустились по крутому трапу возле лаборатории.

На плавбазе — два цеха, носовой и кормовой, они не были разделены и в целом назывались рыбфабрикой. Здесь, ниже уровня ватерлинии, в просторном корпусе базы больше ста человек одновременно в часы авралов становились у транспортеров, чтобы превратить живой сверкающий поток рыбы в аккуратные, покрытые ледяной коркой, замороженные брикеты, расфасовать рыбу в банки для пресервов, закатать, упаковать. Это был настоящий завод со всеми признаками заводской обстановки.

В светлой, облицованной сероватым кафелем лаборатории девушки в белых халатах определяли химический состав пойманной рыбы. В никелированных автоклавах, извергающих белый плотный пар, стерилизовались банки. Транспортеры, установленные в пять ярусов, бесконечным потоком направляли рыбу к рабочим местам. В чанах, конусом опускавшихся сверху и напоминающих подводные лодки, бурлила вода, перемешивая слои рыбы, не давая ей слипнуться. Подъемники пяти вместительных трюмов методично отщелкивали свой путь. В лязганье, в шипении пара, в скрежетании 115

шнеков голоса звучали глухо, приходилось объясняться жестами или склонять голову к говорившему, чтобы услышать, различить по движению губ смысл его объяснений.

Рядом с чанами, где когда-то складывали тару, теперь возникло сооружение, похожее на комбайн, вибрирующее и вздрагивающее от движения многочисленных рычагов.

— Сомневались, что можно делать филе из мелкой рыбы. Сомневались, а? Скажите по-честному! — кричал Токарев технологу.

Узкие ножи комбайна распластывали рыбу, шершавые валики аккуратно счищали чешую, и на выходе из комбайна в белый лоток соскальзывали кусочки филе. Комбайном управлял Миша Клепиков. Токарев подошел к нему, тронул за плечо:

— Ну, как ножи с выемками? Добился своего?

— Фирма! — Миша вынул кусочек филе, показал Токареву. — Как бритвой!

Виктор Иванович взял рыбину, заложил под вибронож. Действительно, рез получился отличный, не ошиблись, значит, когда поставили сюда, на самый ответственный участок Клепикова. Парень грамотный, для ножей заточку особую придумал, а главное, интерес к работе у него появился.

Дальше сразу за комбайном начинался консервный цех. Здесь работали только в белых халатах. Казалось, ты пришел на радиозавод. Яркие лампы дневного света делали иссиня-черными тени и высвечивали загорелые лица работающих; белые халаты и люминесцентное освещение резко подчеркивали черноту рук и лиц. Пахло пряностями, перцем, луком, лавровым листом. По узкому проволочному желобу банки скатывались одна за другой, вьющейся гусеницей — вниз к упако-

Командиры остановились, слушая пояснения Арама. Технолог говорил возбужденно, нажимал кнопки, показывал, как теперь движется поток рыбы.

— Теперь ты понял, что я не зря гонял тебя, понял, восточный человек? — прервал его объяснения Токарев. — Если ты понял, то и капитаны сейнеров должны сообразить. Это выгодно им, а не только нам!

— Рыба пойдет с корабля на прилавок, — поддержал его Виктор Иванович и, протерев очки, стал быстро записывать что-то в свой большой кожаный блокнот.

— Подготовьте приказ, — сказал Токарев технолог, — матросов, переоборудовавших цех, премировать, особо отметить нашего конструктора Симакова. Ясно?

Швартовка в тумане

Совещание капитанов пришлось отложить из-за густых туманов. На целую неделю район промысла погрузился в непроницаемую мглу. В пространстве исчезли ориентиры. Ватная пелена плотно окружила базу. Но работа не прекращалась. Плотный слой белизны сдерживал движение судов, но, направляемые радарам и локаторами, они продолжали брать отличные уловы.

С крыла мостика не видно было ни мачт плавбазы, ни кормовой надстройки. Нельзя было понять, движется база или замерла. Монотонно звучали туманные сигналы. Казалось, база застряла, повисла в воздухе. Судовые огни мерцали расплывчатыми неясными пятнами. Токарев все эти дни не покидал рубку.

— Видишь что-нибудь? — крикнул он стоявшему на вахте Костыреву. — Ага, ничего! Вот и попробуй найди! Иголку в стогу сена легче отыскать, чем эту «Не- 117

рингу». К тому же учтите, что капитаном там Коротков, прозванный везучим в кавычках!

База двигалась осторожно, сопровождая свой путь свистками сигналов. Рев тифона периодически сотрясал воздух. Звук в пространстве натывался на безответную стену. И только через час они услышали впереди по курсу тающие тонкие гудки сейнера. Машинный телеграф замер на отметке «самый малый вперед». Токарев выскочил на крыло мостика, на нем кожаное короткое пальто, воротник поднят. Дверь рубки он оставил открытой.

— Рулевой! Курс? — крикнул он хрипло. — Громче дублируйте команды, чтобы я слышал!

С верхней палубы рубки, с навесов, с поручней соскакивали тяжелые капли воды. Это не дождь. Дождей в этом районе не было всю зиму. Капли рождались туманом. Со всех сторон наступала мокрая клубящаяся масса. Где солнце? Где другие суда? Что вообще творится вокруг? Это, наверное, знал только Костырев, уткнувшийся лицо в экран локатора. По радио были запрещены все разговоры, кроме тех, что ведутся при швартовках.

Солнце, по времени, давно взошло, но свет его еще не в силах был пробить белую массу тумана, прорваться сквозь нее.

Надрывно захлебываясь, загудела плавбаза, предупреждая сейнер о своем приближении. Вой тифонов буквально пронизывал насквозь.

Костырев оторвался от экрана локатора, вид у него растерянный.

— Не вижу «Неринги»! Исчезла куда-то!

Токарев схватил мегафон.

— «Неринга», «Неринга»! Где вы? — прохрипел он. — Какого черта молчите? «Неринга», не исчезайте
118 со связи, постоянно сообщайте свои действия!

Глаза у Токарева сузились, покраснели, мускулы лица напряжены. Он вытер лицо ладонью, непонятно, пот это или капли от тумана. «Неринга» уже не в поле зрения локатора, она в мертвой зоне, где-то здесь, совсем рядом. Каждое мгновение может стать роковым, ведь громада базы движется прямо на сейнер.

— Эй, на баке! — крикнул Токарев. — Смотрите внимательно!

Очертания людей на баке расплывчаты, они как будто плавают там в воздухе — палубы не видно. Они кружатся, как бы привязанные к фок-мачте незримыми концами.

Токарев всматривался в белое пространство. От напряженного, пристального стремления что-либо увидеть в глазах возникали, искрились белые мухи. Впечатление такое же, какое бывает, когда подолгу смотришь на непрерывно идущий снег.

Тифон смолк, и вдруг в наступившей тишине все услышали лай собаки, — с правого борта была «Неринга». Дали «стоп» машине, лай повторился, потом стали слышны голоса. «Неринга» была рядом, у борта. Отчетливо стал слышен стрекот ее двигателя. Потом он смолк, и наступили самые ответственные минуты. База и сейнер сближались по инерции.

Первым увидел «Нерингу» Костырев.

— Вот же она! — крикнул он и ткнул пальцем в туман.

В том направлении уже можно было различить, как в молочном пространстве начал прорисовываться силуэт сейнера, как будто медленно проявлялось изображение на фотобумаге, сначала смутное, расплывчатое, но вот все четче, вот приобрело очертания, появились надстройка, трубы, мачты.

— Ну и швартовка, почти вслепую. Вот это работа! — сказал первый помощник, поднимавшийся в рубку.

Токарев скинул кожанку.

— Вы бы видели, Виктор Иванович, как на Джорджес раньше работали! Месяцами такое месиво!

— Помню я эти туманы, — подтвердил старпом, — иностранцы стояли, держались подальше от нас! Русский рыбацкий флот! А как же — без рыбы, что ли, сидеть!

«Нерингу» уже крепили швартовами к борту. В кошельке было тонн сорок сардины, в самый раз: в цехах намечался простой, и теперь быстро подали на сейнер сразу два стампа, загудели лебедки — пошла обычная промысловая работа, приемка улова.

День рождения

Токарев спустился вниз, ему не терпелось узнать, что за рыба, стоило ли все напряжение швартовки в тумане этой рыбы, надо было посмотреть, как идет работа в цехах. Буквально через несколько минут после его ухода в рубку поднялся капитан «Неринги». Он сухо поздоровался и спросил:

— А где Ефим Сергеевич?

— Только что прошел вниз. Вы, Павел Степанович, наверное, разминулись в тумане, — ответил Костырев.

Коротков был ниже среднего роста, сиреневая куртка с откидным капюшоном плотно облегалась его, загорелое лицо испещрено морщинами, под короткой седоватой челкой виднелся узкий шрам.

В ожидании Токарева Коротков вышел на крыло мостика и встал, опираясь на реллинг. Он смотрел в направлении правого борта, туда, где скрытые туманом матросы его сейнера черпали рыбу из кошелька, передавая улов в чаны базы. Сюда, на мостик, доносились грохот стампа и гудение лебедок.

Токарев, узнав, что его ждет Коротков, поднялся на мостик. Капитаны обнялись, и Ефим Сергеевич сказал:

— Рад видеть тебя, везучий Коротков! Как везение? Все продолжается?

— Как видишь, — ответил Коротков, — туман и как раз моя очередь на сдачу, так что жизнь не делает исключений!

— Рыбу привез первый сорт, крупная, — сказал Токарев.

— Это хорошо, день у меня сегодня такой, если помнишь, день рождения!

— Как же, помню. Так чего ж стоим, пошли ко мне?

В каюте капитана уже сидели первый помощник, технолог и старпом. На столе стояла бутылка бренди, в тарелочках — тонко нарезанные лимоны, а посреди нее — большой, напоминающий батон, рулет из негриты, считающийся особым лакомством.

— Чисто символически, — сказал Токарев, наливая коньяк в маленькие зеленоватые рюмки. — У Павла Степановича день рождения! Давайте за то, чтобы был он здоров и крепок!

Говорили в каюте оживленно, смешил всех Арам. Токарев тоже позволил себе расслабиться. На промысле спиртного он не употреблял принципиально, хотя в холодильнике у него постоянно были и коньяки, и любимая лоцманами «Столичная» — «капитанский запас». Для Короткова он сделал исключение. Виновник торжества сидел молча, только глаза у него подобрели и взгляд был теперь задумчивый, отрешенный.

— Сколько же исполнилось, друг? — спросил у него Арам.

— Девять лет, — ответил Коротков.

Арам засмеялся.

— Ефим Сергеевич знает, я не по паспорту отмечаю. Ровно девять лет назад родился, когда за бортом 121

больше суток проболтался и с жизнью уже распростился, а вот он, Ефим Сергеевич, да Веницкий, есть такой капитан, спасли меня.

— Что-то Ефим Сергеевич не рассказывал, как это было.

Виктор Иванович подсел ближе к Короткову.

— Так совпало, что родился я второй раз в такой же плотный туман в Ла-Манше, — начал Коротков, потом замолчал, видимо, опять предстала перед ним морская дорога — роковой пролив. — Так вот, третьим штурманом я тогда ходил, сразу после мореходки, на небольшом сейнере. На выходе из Ла-Манша ползли мы в сплошном тумане после полугодового рейса, план сделали, рыбы взяли под завязку. И вот, представляете, вижу я, как вырываются из тумана два огромных буруна, а за ними тень серая прорисовалась, и буквально в одно мгновение различил я нос голландского сухогруза и услышал скрежет, как будто вскрывали тупым ножом консервную банку. Разрезал нас тогда голландец и не почувствовал, сравнивать нечего — у него дедвейт двадцать тысяч тонн, а у нас — в сотни раз меньше. Там даже не вздрогнул никто, когда его форштевень разрубил наши борта и палубу. Прошел он сквозь нас, как горячий утюг сквозь снег. Чудом мы остались на плаву, аккуратно располосовал, подлец, по носовому трюму. Дал голландец задний ход, и осознали мы всю серьезность положения, не поверили, что уцелели, что не на дне морском. Несколько человек прыгнули за борт, исчезли в тумане, другие к шлюпке бросились. Капитан, как в столбняке, стоял и слова произнести не мог. Понимаете, тут такое дело, возьми голландец чуть правее, перерубил бы он нас по кубрикам, смятку бы из людей сделал, поэтому почти всех отупение охватило, шок какой-то.

Тогда я первым очухался, кинулся к матросам, что 122 у шлюпки толпились. «Назад!» — кричу. Тут и капитан

оклемался, скомандовал, чтобы пластырь тащили. А один матрос свой баул собрал и идет прямо на меня, глаза, как стеклянные, идет и поет. «Ты что?» — кричу ему. А он: «Отпусти домой, видишь, жена на берегу стоит». — И прямо к борту рвется. Я ему по скуле развернул — иначе нельзя, иначе из шока не выведешь. И еще один не выдержал — рыбмастер: сел на крышку трюма, плетет авоську, — он всегда что-нибудь мастерил, — плетет и плачет. Правда, это исключение, а так людей мы быстро собрали. Переборка уцелела, вот что спасло! И вдруг выяснилось: на той носовой части, обрубленной голландцем, пацан остался один, юнгой у нас был. Что делать? Пропадет парень. Обвязался я концом и — в воду, добрался туда, кругом туман, мгла, все как вслепую. Нашел того паренька, дрожит, бедолага, его концом обвязал и в воду толкнул. «Держись!» — кричу. Вытащили его, а меня леший угораздил! Надо было тоже за конец цепляться, а я рядом поплыл. И потерял меня тогда, в другую, видно, сторону рванулся. В тумане одному очутиться — страшное дело! Сутки держался я, пока вот Ефим Сергеевич не спас. Он старпом у Виницкого был на рефрижераторе. Сутки они меня искали, буксир сейнер тащил, а они остались, верили, что продержусь я.

Коротков замолчал, достал сигарету, задумался. Виктор Иванович смотрел на его заскорузлые пальцы (сигарету Коротков держал, как бы прикрывая ладонью от ветра), смотрел и думал о том, какая нужна сила воли, чтобы продержаться в холодной воде больше суток и как после таких суток не бросить все, не устроиться где-нибудь на берегу в тихой гавани.

Провожать Короткова до сетки пошли все сидевшие в каюте.

Рыбу приняли, сетка была уже подана. Коротков взялся за стропа, стрела, невидимая в тумане, дернулась, сетку оторвало от палубы и подняло вверх. От

того, что стропов из-за тумана не было видно, казалось, что Коротков просто парит в воздухе.

— Удачи тебе, крестник! — Токарев помахал рукой и подошел к леерам.

Коротков растворился в белой мгле, на сейнере начали отдавать концы. Арам подписал квитанцию о приеме рыбы и передал ее матросу. Матрос завернул квитанцию в перчатку, привязал к выброске, крикнул «Лови!» и бросил в сторону сейнера.

— Я Короткова почему «везучий» называю? — сказал Токарев. — Когда я его в шлюпку втащил, спиртом растер, он очнулся и первое что — сквозь зубы прохрипел: «Я везучий!»

— Вы оговорили с ним работу в отряде? Поддержит он нас? — спросил Виктор Иванович.

— Не верит мне мой крестник, — ответил Токарев, — Ломакин уже провел свою агитацию, опередил нас.

«Размочить» капитанов

Через сутки туман начал спадать. Солнце уже отчетливее пробивалось сквозь редяющую мглу. Разорванные белые полосы проносились вдоль бортов, за ночь туман совсем рассеялся, и в день сбора капитанов на плавбазе небо стало совершенно светлым.

К обеду подошли два сейнера под снабжение, и, спрыгнув с сетки, почти одновременно с обоих бортов, появились на палубе базы их капитаны — Симоненко и Коняев. Несмотря на жару Коняев был в черном кримпленовом костюме. Руку ему оттягивал большой коричневый портфель. На шлюпке подплыл к борту Ломакин и ловко взобрался наверх по штормтрапу. Через час прибыл на катере капитан «Сардинопса» Занайнулин, 124 с ним добрался до базы и Павел Степанович Коротков.

Токарев решил «размочить» капитанов: была подготовлена судовая баня, которой издавна славилась плавбаза «Бородино». На сейнерах баня бывает раз в десять дней, там вода — дефицит. Да и можно ли называть баней душ, куда напускают пара и где повернуться трудно. Зато здесь, на базе, баня — всем на зависть, на берегу в такой нечасто доведется побывать. А какая в море отрада человеку — судовая парилка! Из нее выходишь обновленным, помолодевшим и будто только что народившимся на белый свет. Прибывшие капитаны с восторгом поддержали предложение Токарева. Замаялся только Артем Иванович Занайнулин — встретился взглядом с Ломакиным, но Токарев буквально затащил его в предбанник. Потом хватились: Коняев исчез со своим портфелем в судовой надстройке.

— Ждать его бесполезно, я его натуру давно изучил, он теперь в квартале восьмого марта совещаться будет! — сказал Виктор Иванович.

— Всем сразу не разместиться, так что бог с ним, с Коняевым, — сказал Токарев и попросил боцмана проверить, все ли готово.

Боцман подтвердил, что не может быть сомнений, баня накалена и что он даже притащил свежие веники из неприкосновенного запаса.

В предбаннике в полиэтиленовых пакетах первозданной белизной сверкал рассыпчатый снег, принесенный из льдогенераторной. На деревянной выскобленной скамье стояли бадья с квасом и металлическая кружка, прикрепленная к ней здоровенной цепочкой. Пар механики выдали на славу—Токарев приоткрыл дверь и отпрянул назад. Коротков решил, вошел и сразу же исчез в клубах пара, только мелькнул глубокий шрам на его спине. За ним и Токарев, и Ломакин вторглись в преисподнюю, а потом уже Симоненко и Занайнулин. При этом Занайнулин ступал робко, как 125

будто боялся замочить ноги, а Симоненко наглухо прикрыл рукой пах.

Сначала казалось, что продержаться в парилке даже несколько секунд невозможно — щипало уши, каждое движение обжигало тело. Но это были только первые мгновения. Организм осваивался, впитывал сладость тепла, проникающего в каждую пору. Виктор Иванович принес таз со снегом, Токарев схватил пригоршню и растер лицо. Снег, соприкасаясь с разгоряченной кожей, таял мгновенно, слегка пощипывал тело, и губы ощущали его соленость.

Токарев схватил кружку воды и плеснул на батарею. Кружки ему показалось мало, набрал полный таз. Из-под деревянных скамей белым облаком хлынула жара. Занайнулин и Симоненко отступили к другой стенке, а здесь постарался Ломакин — открыл кран, подставил ладонь и направил струю на раскаленный металл. Вода испарялась, даже не достигнув батареи. Токарев улегся на самой верхней полке. Веники млели в тазу с шалфеем, на батарее подлили кваса, и в парной разлился аромат трав. Запах сладко дурманил и окутывал лесной благодатью.

Распаренные капитаны вышли в предбанник передохнуть от жары. Красные тела лоснились, поблескивали, в свете матовых ламп отчетливо проступали границы загара, темные спины, белые ягодички. Ломакин улегся прямо на пол. Симоненко дышал открытым ртом жадно, как рыба, вытщенная из воды. По очереди пили холодный хлебный квас, потом закурили.

— Ну, Ефим Сергеевич, ну придумал!.. Вот уважил так уважил. Знает, что в море душу размягчает! — Коротков широко улыбался.

— Если станем общим отрядом работать, все время в такую баню водить будешь? Или это так, только для первого раза? — Симоненко подмигнул Занайну-

— Гарантирую — постоянно! — откликнулся Токарев.

— Давайте хоть в бане о делах-то не говорить, — сказал Ломакин, поднимаясь с пола.

Высокий, мускулистый, он сел на верхнюю полку и почти упирался головой в подволок. Занайнулин устроился напротив, полкой ниже, все время он старался не обращаться непосредственно к Ломакину, но тот, когда говорил, всякий раз как бы искал у него поддержки, давая всем понять, что они старые друзья и что их объединяет полное взаимопонимание. Вот и сейчас он нагнулся к Занайнулину:

— Правда, Артем, мягко стелет директор, ублажает всех!

Столько времени они вообще не разговаривали, а тут по имени. Занайнулина несколько покоробило это, он выплеснул таз и сказал, не глядя на Ломакина:

— Это для общей пользы!

— Эх, дурак Коняев, не пошел! — сказал Симоненко. — Куда бы она от него убежала?

— Женщине нельзя давать на шею садиться, почувствует, что ты дорожишь ею, она тебя так сдавит, что не пикнешь! — заметил Коротков.

— Здесь, конечно, ты прав, — согласился Токарев, — Однако женщина в море — больше, чем святыня.

— Хорошо у вас здесь, на базе, много их. Правда, и скандалов, наверное, порядком, — сказал Ломакин.

— Зависит от того, как себя поставишь, — возразил Токарев, — Я своего капитана, Эдгара Васильевича, всегда вспоминаю, я у него тогда старпомом был, так раз в неделю старичок позволял себе обед с дамами. Он все время говорил: я уже старик и в этом, позвольте, больше разбираюсь, женщина — икона для моряка. Так вот на обед он приглашал к себе в каюту судовых дам, было их у нас на базе всего семь, не то, что сейчас, считай, четверть от рыбообработчиков. Они просто 127

расцветали от его изящных манер, от обхождения и за Эдгара Васильевича стояли горой, а всего ничего — чуточку внимания, вот что женщина ценит. Да и ему было приятно тонкие разговоры вести и думать, что он на берегу, а не на Сейбле, где такие штили, как здесь, никому и не снились.

— Есть же чудачки! — удивился Ломакин. — А вот у нас был случай...

И пошло и поехало... тема неисчерпаемая, и во всех этих рассказах о женщинах, несмотря на внешнюю грубость, несмотря на комизм ситуаций, звучит затаенная тоска. Где они сейчас? Сколько еще впереди банных дней, сколько ночей!

— В море люди почему не выдерживают — женщин нет, — заключил Симоненко. — Это здесь, на базе, вы не чувствуете, а попробуйте на сейнере, одна радость, что к базе подойдешь да издали посмотришь. Вот у меня в прошлом рейсе случай был. Прислали на сейнер ко мне социолога, задание у него, видите ли, изучить, сколько моряк может в море находиться и как на его психике отсутствие женщин сказывается. Социолог первый раз в море вышел, близорукий, на все натывается, а доверчивый, как ребенок. Ходил с блокнотиком, записывал. Сначала ко всем приставал: снятся ли нам женщины, что переживаем, когда снятся. Мы отмахивались. Но человек он был настырный.

Стали мы тогда выдумывать, что кому снится. Матрос у меня был один — Кеша, художник, ну тот такие сны расписывал, такие ему картины любви открывал, что у социолога челюсть отвисала. Ну и другие от Кеша не отставали. Так представьте, месяца не прошло, подошли мы к базе, наш исследователь так в сетку вцепился — не оторвать. У меня, кричит, разрешение есть в порт снимать, пересадите меня туда!

Расскажам конца нет, но уже охладелись все в пред-
128 баннике, пора делать второй заход. Теперь в парной

жарища пуще прежней, теперь и веники в шалфее размякли, в самый раз веники! Токарев достал газету, разорвал на кусочки, раздал всем, чтобы положить на скамьи и полки в тех местах, где виднеются металлические головки заклепок, — если не прикрыть их, сядешь и обожжешься. Первым взял березовый веник Токарев, каждый взмах веника ощущался горячей волной, обдавал запахом распаренных листьев. Токарев лег на полку, протянул веник Ломакину, крикнул:

— А ну, Жора, поработай. Вложи-ка силу свою!

Ломакин взял веник и пошел охаживать капитан-директора.

— Сильнее! Сильнее! — подначивал его Токарев.

При каждом взмахе он с упоением ухал, шумно выдыхал воздух — было здесь ощущение хлесткого удара, и истинное наслаждение, и томление распаренного тела. Токарев перевернулся на спину, прикрыл руками низ живота.

Наконец устал Ломакин, устал и Токарев, вскочил, отфыркнулся, крикнул:

— А теперь давай я поработаю!

У Ломакина удары были сильные, но Токарев, не затрачивая больших усилий, действовал веником искусно, бил с протяжкой. Ломакин только вздрагивал изредка.

После парилки бросились под холодные струи душа, подставляя красные тела живительному потоку.

В предбаннике Токарев под общий возглас восторга извлек из портфеля две банки пива — такое в морях встретишь нечасто.

Все улеглись на скамейки, расслабили мускулы, наслаждались прохладой и покоем. Только Симоненко еще долго ходил по предбаннику, а потом завернулся в белую простыню и стал похож на паломника, закончившего долгий путь к святыням и оттого уставшего и полного просветленной мудрости.

— Дергаем мы друг друга, — задумчиво сказал он, — а все почему — не умеем жить, тело свое не бережем, ни тебе обтирания, ни зарядки утром, сигарету в зубы — и на мостик. А сердце уже поджигать начинает. Да и дышалка не та. Нам бы друг за друга горой, вот как сейчас бы сходитьсь для общей бани, а не ради совещаний, а нас сейчас Ефим Сергеевич распарил и будет на свой лад выворачивать!

— Успокойся, — откликнулся Токарев, — ради себя даже пальцем не шевельну, а для общей выгоды — выверну, будь уверен!

— Мы понимаем, — сказал Коротков, до этого не проронивший ни слова, — мы отлично понимаем, какая рыба нужна. Но, когда в замет идем, мы что насквозь видим, мы разве уверены, что там, в толще воды? Знаем, косяк, а какой — это еще замет покажет. Что же нам от заметов отказываться, а план нам кто скостит, дядя?

— План будет общим, — ответил Токарев, — за план я отвечать буду!

— Ну, опять завелись! Да оставьте вы рыбалку в покое. — Симоненко поднялся со скамейки и приоткрыл парилку.

Третий заход прошел под знаком массажа. Токарев здесь отыгрался на Ломакине. Что он только не выделывал: отдирал, перебирал кожу, оттягивал, щелкал, бил ребром ладони, мало этого — поддавливал коленом, потом они буквально топтали друг друга и улыбались в блаженном изнеможении.

«Стоит рискнуть!»

После бани капитаны собрались в кают-компанию. 130 Отыскался и Коняев. Сидел он, виновато потупив гла-

за. Виктор Иванович принес грудку листков и схемы, свернутые в трубку, — графические расчеты экономических проблем были его коньком. Капитанское совещание начали мирно, с чаепития. Токарев не поспешил, достал коробку липтоновского чая. Душистый, ароматный напиток после парилки был особенно приятен. Вытянув в трубочку тонкие губы, дул на поверхность чашки Симоненко, зажмурил глаза от удовольствия Коротков, отфыркивался Ломакин.

Когда убрали со стола, Виктор Иванович разложил таблицы, и мокрые головы капитанов склонились над ними как над генеральной картой сражения. Первый помощник стоял несколько поодаль от стола и уверенно, не глядя на бумаги, сыпал многозначными цифрами.

— Мы тесно связаны с вами, — сказал Виктор Иванович, обращаясь к капитанам сейнеров. — Мы в разных управлениях: вы в добывающей конторе, мы в транспортной, но цели у нас одни.

— Конторы наши на берегу собираются объединить, — вставил Симоненко.

— Тем более, — продолжал Виктор Иванович, — этот процесс неотвратим. Здесь единый отряд будет давать первосортную продукцию. У людей будет один стимул. База обеспечит выпуск продукции и в дни пролова. Вы будете знать, что продукты, топливо, вода, белье — все заготовлено для вас.

Ломакин сидел, откинувшись в кресле, улыбка блуждала на его лице. Слушал он невнимательно — был уверен, что капитаны сейнеров не поддержат затеи Токарева, перед совещанием он переговорил с ними по радио. Почти все высказывались настороженно, было очень много нерешенных проблем. Главное, что отталкивало от идеи работы единым отрядом, — лишение сейнеров самостоятельности, инициативы. В случае работы на базу во главу угла ставились не большие

уловы, а стабильность их, при этом плавбаза диктовала бы свои условия. Все это могло привести к обезличке, к тому, что люди на сейнерах утратили бы всякий интерес к рыбалке, а зависимость их заработка от продукции, выпущенной базой, породила бы полную неясность в работе. Об этом Ломакин, как флагман отряда, дал радиограмму на берег, хотя и была договоренность с Токаревым до решения капитанского совета никаких запросов не посылать. Он вынужден был это сделать, опередить события. Создание отряда разрушало все: и достигнутый успех по вылову, и надежды на триумф возвращения — все стиралось бесследно. Теперь главное было в том, чтобы капитаны дружно выступили против, причем обоснованно. Первое, обо что разбивались доводы Виктора Ивановича, был план, ежедневный план по вылову на каждый сейнер, так называемая «пайка». Каждый обязан взять свою «пайку» и покрыть дни прологов двойной, тройной «пайкой», и здесь, даже если бы база дала только консервы, оплата, конечно, скакнула здорово, но за невыполнение вылова спросили бы жестко, и не с Токарева, а с капитанов сейнеров.

Ломакин усмехнулся — цифры цифрами, а каждому дорого свое, так запросто на всякие там сказочные прибыли капитаны не клюнут, в этом он был уверен. Сейчас надо было бить в точку, в самое уязвимое место. Ломакин всем корпусом подался в сторону Виктора Ивановича и сказал:

— Как мы покроем вылов, когда получится задолженность за дни прологов? База всегда выкрутится! Много ли надо рыбы для консервов и пресервов! А мы сядем в такую лужу, что потом долго придется расхлебывать.

— План будет общим для отряда, в этом основа. Без единого плана работы не мыслю, — сказал То-

Он сидел на своем обычном месте в торце стола, под диаграммами, развешанными Виктором Ивановичем. Токарев не был дипломатом, и Виктор Иванович, зная это, перебил своего капитана.

— Давайте по порядку! Надо обсудить все нюансы и дать высказаться каждому, для этого мы и собрали совет. Никто не намерен навязывать свою волю, мы должны принять решение только путем консенсуса, то есть в том варианте, если все капитаны придут к единому мнению.

— Думаю, стоит рискнуть, — сказал с места Коротков.

Еще вчера в разговоре с Ломакиным он высказался против отрядной работы, поверил тому, что она будет нивелировать успех каждого, но сейчас он отчетливо понял, что работать по старинке нельзя.

— Быстро сориентировался! — усмехнулся Ломакин.

— Зачем так, — вступился Занайнулин, — если все решено заранее, незачем собираться!

Занайнулин не участвовал в переговорах по радио, когда Ломакин настраивал капитанов против отрядной системы. Он знал, что его бывший друг никогда не пойдет навстречу Токареву. Ломакину сейчас, как и раньше, нужна была слава! В то же время выступать активно против Ломакина он не хотел. Егор воспринял бы это как результат ревности, мести за прошлое, хотя сегодня от того прошлого ничего не осталось. Когда перед рейсом Занайнулин случайно встретил Ларису и Ломакина в кинотеатре, они кивнули друг другу, и ни один мускул не дрогнул на лице Занайнулина. Стояла рядом с Ломакиным женщина с рекламной картинки: в пушистой, отливающей золотом шубе, в обтягивающих икры высоких сапогах, и ничего от прежней Ларисы в ней не осталось. Но Ломакин уверен, что он, Занайнулин, как и прежде, влюблен в Ларису.

И сейчас Ломакин метнул в сторону Занайнулина недобрый взгляд серых глаз, подошел к диаграмме:

— Отрядная система для тех, у кого кишка тонка! Я тоже верю цифрам, знаю, что Виктор Иванович силен в математике, что по образованию экономист! Но промысел не всегда поддается расчетам и формулам, рыба не знает алгебры! Если брать только то, что надо базе, мы быстро останемся в пролове! Мы не будем обеспечены прочным запасом. И как только ухудшится обстановка, мы сгорим. Подумайте, кого будет поощрять новый метод? Он хорош для капитанов, не умеющих ловить. Теперь за спиной других бездельник будет чувствовать себя уютно!

— В точку, Егор Константинович! — крикнул с места Коняев, по вылову он шел позади всех и теперь, поддерживая Ломакина, хотел доказать, что ему нет нужды за кого-либо прятаться.

— Токарев думает о своей выгоде, он нисколько не рискует. Все знают, что базы никогда не бывают в прогаре! — заключил Ломакин.

— Не порите ерунду! — не выдержал Токарев.

— Давайте прервемся, пообедаем, посмотрим, как мы переоборудовали цех, — предложил Виктор Иванович, чтобы унять страсти.

После обеда капитаны спустились в рыбцех. Токарев не пошел с ними. Проверив сводки и выяснив обстановку, он поднялся на мостик. Справа по борту были видны сейнеры капитанов, участвующих в совете. Суда сбились вместе, и отсюда, сверху, казалось, что стояли они почти вплотную друг к другу. Был абсолютный штиль, и серебристую от солнца поверхность воды на горизонте окутывала дымка. Рябящие отблески слепили глаза. Единственное белое облако, невесть откуда плывшее почти над головой, еще больше подчер-

Виктор Иванович подошел и встал рядом. Токареву не хотелось говорить, мысль о том, что все его идеи наткнулись на непонимание, что силы, затраченные на переоборудование цеха, ушли впустую и все будет по-прежнему, не укладывалась в голове.

— Думаю, все же нас поймут, — сказал Виктор Иванович.

— Не надо меня успокаивать, — буркнул Токарев.

— Ефим Сергеевич, люди не любят, когда им навязывают решение, они должны сами, каждый по-своему прийти к нему. Надо иметь выдержку, вы не дипломат. Надо уметь убеждать! — продолжал Виктор Иванович.

— Зато все вы дипломаты! А я не был дипломатом и никогда им не буду! — резко ответил Токарев.

После перерыва сначала занялись подсчетами выпуска продукции. Симоненко нашел небольшую неточность, и Виктор Иванович тут же сделал новый расчет на карманном компьютере. Потом заспорили, сколько рыбы сможет переработать цех, и Коротков сказал:

— Запомните, это не просто мороженная, это консервы!

— Но рыбу они от тебя потребуют только первосортную, а где ты ее возьмешь? — возразил Ломакин.

Поднялся Токарев, выждал, пока стихнут споры, посмотрел на каждого из сидящих в кают-компании капитанов и начал сначала тихо, выделяя каждое слово, а потом, все более разгораясь, стал говорить порывисто:

— Промысел — сложный механизм. Все мы связаны в нем воедино. Мы никогда не ошибались друг в друге здесь, в океане! Я не собираюсь, как думают некоторые, раздувать вокруг себя кадило за чей-либо счет. У нас одна задача — дать рыбу народу.

Если есть возможность, причем реальная, дать качественный продукт, привезти в порт вместо мороженой отличные по вкусу консервы и пресервы из свежей рыбы — почему же мы должны жить старыми устоями, если мы знаем, как дать то, что пользуется спросом! Отступление с этого пути равносильно измене! Измене делу, которое нам доверили! Мы должны думать о завтрашнем дне промысла! Он уже диктует нам свои тревожные сигналы. Идет пора перестройки. Повсюду введены зоны. Рыбу уже надо искать, а не просто наугад метать кошельки и пахать тралом океан. Давно стали легендой времена Патагонского шельфа! Мы обязаны сейчас рационально, с толком использовать каждую тонну добытой рыбы! Я убежден в реальности отрядной работы! Если у человека есть твердая цель, завяжите ему глаза — и он все равно найдет ее. Я не предлагаю вам торкаться в потемках, все высвечено ярче, чем прожекторами! Основное сейчас — слаженное взаимодействие! Экономiku объяснили, я не буду повторять цифры. Неужели они вызывают сомнение? Степень риска, конечно, есть, как она есть в любом деле! Большую часть риска я беру на себя!

Когда Токарев закончил, кают-компания загудела, все начали говорить, перебивая друг друга. Даже молчаливый Коротков включился в спор.

Первым высказался за отрядную работу Симоненко, его поддержали остальные. Но никакие расчеты и выкладки, ни переход капитанов на сторону Токарева не смогли переубедить Ломакина, и даже, когда подписывали общий протокол о создании отряда, он не отступил:

— Я не против, мешать никому не собираюсь. И ни на чьем пути вставать не буду! Но участвовать в заранее обреченном деле не намерен! Уверен твердо: ни-

Весна на промысле

Уход зимы никто не почувствовал, температура повысилась всего на каких-то два градуса, но ветры все чаще задували внезапно, и порой волнение достигало девяти баллов.

Главк одобрил создание единого отряда. Плавбаза «Бородино» и четыре сейнера работали совместно. В этот капризный и неустойчивый период ветров главное было в оперативном передвижении флота. Рыбу хаотично носило по району, и флот не всегда успевал повторять пути косяков. Ломакин, получив разрешение работать самостоятельно, увел свой сейнер в район восточных банок и там, сменив кошелек на трал, промыслял на тяжелых грунтах.

Плавбаза Токарева в отличие от других баз работала стабильно, выпуск консервов был поставлен на поток. К тому же удалось перехватить черноморский транспорт, на котором было полно излишней тары, и принять десять тысяч бочек. Бондари подкатывали бочки к склизу, стучали беспрерывно молотки — бочку осаживали, потом заливали водой. Запах свежего дерева чувствовался даже на мостике. Пустые бочки радовали Токарева, он представлял, как они заполняются тузлуком, специями, ставридой, как ежедневно растут их ряды в охлаждаемых трюмах.

— Ну вот, — сказал он после очередного совета, — они (подразумевался начальник промысла) хотели сделать мне козью рожу! Не выйдет! Обошлись без Вихарева. И впредь обойдемся! И без рекордсменов тоже. Полагаю, Ломакин с удовольствием бы влился в отряд, если бы мог перешагнуть через свою гордыню!

В этот месяц работа плавбазы не зависела от снабжения, тара была, перегруз — тоже, трюмы свободны. Дело только в рыбе, а она ловилась все туже. Таков уж 137

март. Постоянные ветры срывали заметы кошелькистов. Базе волнение было не страшно, она лишь плавно раскачивалась, но вот когда швартовались к сейнерам, чтобы принять улов, эти суденышки так швыряло у борта, как будто море стремилось забросить их на палубу базы и от неудач становилось еще свирепее. На крутой волне было тяжело делать заметы: лопались кошельки, тяжкие троса, не говоря уже о тонких уздечках — капроновых концах, стягивающих невод. Но не смотря на это отряд Токарева ежесуточно выполнял план, — в зачет шел не вылов, а стоимость продукции, и консервы давали эту стоимость.

Целую неделю не успокаивался, дул сильный пассат, кошельковые суда разбрасывало по району, они удерживались носом на волну и прыгали над водой. °

Рядом прошел супертанкер, длинный, как червь, узкая стальная сигара, почти без надстройки. Он шел, разрезая волны девятиметровой высоты. Очередная волна, встречая танкер, дробилась, превращалась в белый поток и неслась по его палубе так, что, казалось, танкер застлан белым дымом водяного пожара, а он и не чувствовал этой встречи, резал воду, и издали было незаметно, есть ли там хоть малая качка.

— Вот прут, дьяволы, — сказал, глядя на танкер, старпом, — люкс у них жизнь. Встал на курс, включил авторулевого — и спи спокойно. От порта до порта. А здесь и рыбу найди, и по десять швартовок за день. Нет, завязываю, после рейса дую в торговый флот!

Иногда все волны перекрывала еще большая волна, дрящящая от горизонта до горизонта. Это двигался вал океанской зыби. Где-то бушевал ураган похлеще, чем здесь. Зыбь была его отголоском.

Волна, достигнув базы, прокатилась по палубе, смывая плохо закрепленные старые бочки и щепу, со-
138 леньные брызги веером рассыпались по мостику. Тока-

рев цепко схватился за поручни, чтобы не сорвало за борт в бушующую воду. Только крикнул вахтенному:
— Зыбуленский двигает! — Так он называл зыбь. —
Боцмана предупредите: я с него за эти бочки шкуру сдеру!

В рубке рулевого укачало, парень еще стоял, не хотел, чтобы заметили его слабость, держался настырно.

— Эх, лезут пацаны в море, — сказал Костырев. — И зачем мы здесь ходим-бродим, в жизнь свою, верно, так и не пойму!

— Не робеть! — крикнул Токарев. — Нельсона тоже укачивало! А ходим мы здесь, ходили и будем ходить вопреки всем ветрам и зыбуленским! Перекраивать судьбу не намерены!

— Да, многие уверяют, что последний раз сходили и будет, — вступил в разговор Виктор Иванович, — а глядишь, вернулось судно на промысел, подошло к базе на швартовку, узнаешь знакомые лица, дома побыли всего дней двадцать и опять в Атлантике. Влечет неудержимо людей романтика моря!

Старпом засмеялся:

— Романтика? Ётская сила! Бросьте мне! Все идут заработать. Любой матрос знает лучше бухгалтера, сколько заработал за сутки. Ночью разбуди — скажет.

— Не о матросах сейчас речь, — перебил его Токарев, — хотя и их под одну гребенку не острижешь. Что деньги! В рейсе считают, а на берегу месяц — и их как не было! Речь конкретная — хотя бы о тебе. Нужен заработок — не спорю, но у тебя, что, нет запасов?

— Были бы, я не стоял бы здесь. Засел бы где-нибудь в лесу, в хвойном, в тишине первозданной и слушал бы, как поют птахи по утрам. На пару месяцев рюкзак за спину и пешком по Руси!

— Земля есть земля, она притягивает, — согласился Виктор Иванович, — и нужны ли деньги, чтобы бро-

дить с рюкзаком? Сам ведь отпуск за два года не использовал, отгулы берешь — и снова в рейс!

Молча слушал их споры Арам. Он смотрел на зеленатые полосы зыби, на белеющий за кормой след и думал о родном ауле, затерянном в горах, о его людях, не знающих большой воды, и представлял, как после рейса приедет туда с Наташей.

Старпом кивнул в его сторону:

— Вот единственный человек среди нас, кто не ждет окончания рейса!

— Ошибаешься, дорогой, — возразил Арам, — приезжай после рейса ко мне, всех приглашаю — приезжайте! Не пожалеете!

«Мы не пойдем курсом 23⁰!»

Через неделю ветер несколько стих, но первый штилевой день суда отряда так и не смогли использовать. Только Занайнулин, который отбежал миль на семьдесят к югу, взял приличный улов.

Наступил вечер, и на базе, израсходовав последние запасы свежей рыбы, в консервном цехе прекратили работу. В рубке нервничали. Старший помощник закончил вахту, но не уходил, ожидая Токарева, а пока он дал команду двигаться к сейнеру эстонской флотилии, который находился почти под боком и был согласен сдать улов на «Бородино».

Свет в рубке был погашен, лиц говорящих не было видно, лишь вздрагивали и гагли в темноте огоньки сигарет. Отсутствие света в рубке позволяло отчетливо видеть освещенный силуэт эстонского сейнера, мигание ходовых огней соседних судов, яркие вспышки прожекторов, шаривших лучами в ночи. Громче дру-

— Вот он, отрядный метод работы, до Занайнулина семь часов топать! Это целая смена без рыбы, а эстонцы под носом с полными кошельками!

— Арам, не нервничай, пойди лучше к Наташе! — сказал старпом. — До конца вахты обеспечу рыбой, как пить дать!

Капитан эстонского судна вышел на связь, старпом переговорил с ним, рыбы было там тонн тридцать.

В рубку вошел Токарев, его присутствие ощутили сразу — тише стали голоса.

— Курс? — спросил Токарев.

— Норд-ост, 23 градуса, — ответил вахтенный штурман.

— А на Занайнулина какой?

Вахтенный склонился над компасом и ответил:

120.

— В чем дело? — спросил Токарев.

В рубке воцарилось молчание. Первым решился объяснить ситуацию технолог.

— Я не вас спрашиваю! — перебил его Токарев.

— Так что же без рыбы сидеть? — сказал старпом.

— Валентин Сергеевич, когда закончится ваше детство? Вы понимаете, что дискредитируете отрядную систему работы. Занайнулина я обещал подойти через семь часов. Вы потеряли два часа. Это недопустимо!

— Мы обработаем эстонца моментально, Занайнулин не пронюхает даже, — сказал технолог.

— Вахтенный, смените курс! — приказал Токарев и, уже обращаясь к стоящим в рубке командирам, добавил: — Мы никогда не пойдем курсом 23 градуса, зарубите себе на носу! И вспомните, что это за курс? Чем он чреват? Я вас спрашиваю, Валентин Сергеевич. Не знаете? Флотский офицер такие курсы должен помнить! Кто знает?

В рубке молчали, как ученики в классе, застигнутые врасплох вопросом учителя.

— Так вот, мои советчики, жаждущие словчить. Этим курсом шла к своей гибели эскадра Рождественского. Это Цусима! Вахтенный, подтвердите курс на Занайнулина!

Технолог выскочил из рубки, с треском хлопнул дверью так, что качнулись стрелки на приборах. Медленно и тихо проскользнул вслед за ним старпом.

— Ну что, — сказал Токарев, — хороши советчики? Творят за спиной, что хотят! Особенно технолог! Отвечать-то не им! А давать советы, все горазды. Вахтенный, я раз и наР|Сегда не разрешаю допускать в рубку посторонних, независимо от их ранга и положения на административной лестнице. Рубка — святая святых, зарубите это у себя на крутом лбу!

Вся ночь ушла на переход. «Сардинопс» база пришвартовала только рано утром. И хотя цеха еще не простаивали и бригады работали на старых запасах, швартовать сейнер спешили и почти одновременно с концами подали стамп: нужна свежая рыба для пресервов. Токарев собрался было спуститься на палубу, когда радист позвал его:

— Вас Вихарев просит срочно.

Токарев прошел в рубку, взял микрофон:

— На приеме «Бородино».

— Ефим Сергеевич, доброе утро, я сейчас на «Стремительном», иду к вам.

— Милости просим, — ответил Токарев и уже не в микрофон, а в сторону добавил: — Что ему приспичило?

— Когда у Занайнулина возьмете рыбу, от борта не отпускайте, ждите меня. Как поняли?

— Ясно понял, сейнер держу у борта.

После этого разговора все время, пока принимали рыбу, Токарев терялся в догадках, чем вызван этот не-
142 ожидаанный визит. Вихарев обычно не покидал флаг-

манскую плавбазу и по промыслу не разъезжал. Хотя и умел крепко «прихватывать», но капитанам доверял.

Капитан флагманской плавбазы, с которым Токарев связался по радио, тоже толком не мог ничего объяснить: Вихарев перешел на судно инспекции ночью, обещал вернуться к промсовету.

— Ты хоть расскажи, чем встречать его? — спросил Токарев.

— Кофе найди, а другого ничего не принимает. Да и кофе поменьше, мотор у него барахлит!

Судно инспекции показалось на горизонте, когда солнце стояло в зените. Прием рыбы закончили.

— Вот из-за прихоти Вихарева теряем время. Давно пора возвращаться к группе своих судов! — сказал Виктор Иванович, он только что поднялся из рыбцеа, где рыбмастера жаловались на неполную загрузку.

Ветер усиливался, и Токарев велел боцману проверить сетку и хорошенько настроить стрелы. Судно инспекции шло ходко. Переделанное из старого китобойца, оно легко разрезало волну и бежало параллельным курсом.

— На одном конце примем, пересадим Вихарева и все, — предложил старпом.

— Ни в коем случае, швартуйтесь по всем правилам! — Токарев распахнул дверь рубки и встал у пеленгатора.

«Рассматривайте мою просьбу
как приказ»

В бинокль уже можно было различить людей на приближающемся судне. На палубе рубки стояли два человека. Один из них, грузный, с большой головой,

в светло-зеленой куртке, смотрел вверх на высокий борт базы, другой, низенький, суетливый, был в форменном мундире, высокая фуражка украшала его маленькую голову, белая рубашка была ослепительной, в довершении всего — черный галстук. И старпом не преминул заметить:

— Вот это дисциплина! Судно кишит инспекторами, приходится тянуться капитану по струнке, в жару, в полной выкладке — не завидую!

База развернулась правым бортом к ветру, чтобы прикрыть левый борт, с которого заходило судно инспекции, и тем самым обеспечить более спокойную пересадку. Судовые командиры во главе с Токаревым спустились на палубу встретить Вихарева.

Они стояли у тамбучины, и каждый думал о Вихареве, и о том, чем вызван его неожиданный визит.

Грузный, неповоротливый человек помахал им с борта инспекторского судна и остался стоять неподвижно. Когда подали сетку, на нее вскочил другой, в форме. И тогда они поняли, что именно этот человек и есть Вихарев. Облик, рожденный голосом, его выступлениями в эфире, не соответствовал реальному внешнему виду.

Сетка взмыла в воздух и мягко опустилась на палубу базы. С нее ловко соскочил человек в форме, вблизи оказавшийся совсем небольшого роста, сухонький, подвижный, лет шестидесяти. Поздоровались с ним по очереди, имя-отчество каждого он помнил.

Когда они уже сидели в капитанской каюте и Вихарев откинулся на спинку кресла, стало заметно, как утомили его переход и жара. Он ослабил галстук, растегнул мундир и снял фуражку. Токарев включил кондиционирование.

— Давно собирался посмотреть, как у вас идут дела, — сказал Вихарев. — Сейчас и главк, и министерство 144 во просят сведения о вашем опыте. Я полагаю скоро

так будут работать все базы. В ближайшее время, когда «Сигулда» подойдет к вам поближе, я пришлю сюда товарищей — пусть учатся. А вашего умельца Симакова было бы неплохо взять на «Сигулду»!

Токарева все время не покидало ощущение, что Вихарев прибыл не только за тем, чтобы посмотреть новый метод работы. Токарев не раз убеждался, что начальник промысла, находясь на отдалении в десятки миль, видит и чувствует, что происходит на базе, иногда более достоверно, чем он сам — ее капитан-директор.

Когда они остались в каюте одни, Вихарев сказал:

— Я пришел к вам, зная, что по радио мы не договоримся. Выслушайте меня внимательно. Вы должны меня понять. Ломакин ушел на юг, там на небольших глубинах случай вывел его на банки вблизи коралловых островов, банки с богатой концентрацией «деловой» рыбы. Грунта там очень тяжелые. Вчера он порвал последний трал и остался без промвооружения. Через неделю, когда подойдут траулеры из порта, я направлю их туда. Работа на отдаленных банках — наше будущее. Я просил бы вас, и категорически буду настаивать на таком решении, направьте к Ломакину сейнер Занайнулина. На «Сардинопсе» есть запасные тралы, дополнительно отгрузите дели из вашего снабжения. Занайнулин наиболее выдержанный и объективный из капитанов вашего отряда. Он дотошно обследует эти банки, и они станут тем запасным районом, куда мы сможем смещать флот в период проловов. Рассматривайте мою просьбу как приказ.

Теперь в голосе Вихарева появились обычные для него властные нотки — таким же голосом он вел промсоветы, четко выговаривая каждое слово, как бы взвешивая его, прежде чем произнести.

— Только что в присутствии всех моих командиров вы одобрили единый отряд, а теперь хотите его 145

разрушить, — возразил Токарев. — Я не могу сорвать с промысла Занайнулина, да и он не пойдет на это. Трое суток хода! Чем он их покроет? А если порвется так же, как Ломакин? Бежать к нему базой? Останутся три сейнера, они меня не обеспечат... У нас любят срывать цветы, которые вырастил дядя.

— Я передам вам вместо Занайнулина два других сейнера, они буквально завтра подходят в район промысла. Сегодня ближе вас к району Ломакина нет никого. Занайнулин пройдет всего двое суток, а вот любому другому на этот путь потребуется четверо суток!

— Я не гнал Ломакина на эти банки! Я уговаривал этого человека работать вместе. Он пытался сорвать мои планы и настроить капитанов против меня. Пусть возвращается и берет у меня промвооружение — это единственное, что я могу для него сделать!

— В тот район идет транспорт. Мы с трудом уговорили его взять у Ломакина рыбу. Потом учтите, что я так или иначе передислоцирую часть флота на эти банки, завтра же у меня будет подтверждение главка! И Занайнулину придется идти не двое, а трое суток, ибо вы, как я понял, будете подтягиваться на север, к отряду.

— Это в конце концов не по-государственному! Потери в рыбалке ради чего? Кто за них ответит?

— Я ровесник Советской власти, зачем вы пытаетесь мне доказать, что по-государственному, что нет. Я понимаю это не хуже вас! Давайте взвесим все. Я дам вам здесь еще один сейнер с рыбой, улов у него хороший, обработаете и за это время передадите промвооружение Занайнулину. С ним я поговорю и, надеюсь, сумею убедить его.

Вихарев откинулся от стола, жадно глотнул воздух, почувствовал, как сдавливает грудь. Эта боль последние дни не отступала от него, теперь она повтора 46 рвалась все чаще, и левая рука все время немела.

Занайнулин

Когда Вихарев переправлялся на сейнер Занайнулина, ветер усилился. Трое рослых матросов с трудом удерживали концы раскачивающейся сетки. Сейнер швыряло на волнах, и очень трудно было поймать момент приема сетки. Вихареву помогли отскочить, и вовремя: очередная волна накренила сейнер так, что палуба стала почти вертикальной. Занайнулин стоял на палубе как впаянный, так же прочно удерживались рядом с ним два его неизменных спутника — судовые собаки Пальма и Альма. Настороженно они обнюхали Вихарева, Альма твякнула для порядка.

— Свой, ребятаки,— сказал Занайнулин, — свой, спокойно.

В море, на судах собаки привыкают к тому, что все люди — друзья, что все добры к ним, и поэтому беззлобно встречают нового человека. Потом на берегу им иногда приходится расплачиваться за эту привычку. Со своим хозяином они были неразлучны, спали у него в каюте, умели понимать его настроение, каждое его движение. Не только в море, но и на берегу не покидали Занайнулина его бессловесные спутники. После прошлого рейса прибрежили за ним в управление, а он был на приеме у заместителя начальника по флоту (ему досталось за то, что в кадрах он сам подбирает себе команду, не прислушиваясь к рекомендациям службы). Услышав крик в кабинете, собаки, до этого мирно ждавшие в коридоре конца аудиенции, бросились к двери. На судне они выучились поворачивать более жесткие ручки и задрайки, чем та ручка, что была на дверях начальства, с лаем ринулись в кабинет на защиту своего хозяина: не привыкли они, чтобы кто-нибудь повышал на него голос. Занайнулину тогда было категорически приказано в рейс собак не таскать.

Но не так-то просто было от них избавиться, в последний момент они сиганули на борт и затаились в сетном трюме.

Занайнулин знал, чем вызван визит Вихарева. Задержка у базы, переговоры с Токаревым, суть которых ему сообщили, — все это уже ввело его в курс надвигающихся событий. Он готовился спорить с Вихаревым по радио, продумал все аргументы и был уверен, что начальник промысла отменит свое решение. Неожиданным было только желание Вихарева говорить о сложившейся ситуации на борту «Сардинопса». Артем Иванович был знаком с начальником промысла, года три назад они попали на одно совещание в главке, жили в гостинице в соседних номерах, успели вдоволь наговориться и тогда сразу поняли, что во многом их мысли и взгляды совпадают. Занайнулин знал, как трудно будет отказывать Вихареву, знал его напористость. Но не могло быть другого решения, как работа в общей группе; идти за тридевять земель, выручать Ломакина, покинувшего флотилию из-за дурацкого тщеславия, — это было уж слишком!

Сейчас, пока Артем Иванович вел высокого гостя к своей каюте, аккуратно придерживая за локоть, он пытался вспомнить, не рассказывал ли он Вихареву о Ларисе, восстанавливал в памяти все разговоры и в номере у Вихарева, и перед отъездом в ресторане... Нет, кажется, речи об этом не было.

Когда они поднялись по трапу и вошли в каюту, Занайнулин увидел, как постарел за эти три года Вихарев: лицо серое, в морщинах, волосы совсем поредели. Вихарев сразу сел на диван, дышал тяжело, как бы глотал воздух, все никак не мог успокоиться после пересадки.

В каюте у Занайнулина было прибрано, ровными рядами стояли на полках, корешок к корешку, лоции и 148 рядом — избранное Пушкина и несколько томов При-

швина. Обшитые пластиком зеленоватого цвета стены каюты ярко блестели, кондиционеры работали мягко, почти бесшумно. Свет настольной лампы и бра наполнял кабину теплом, делал ее почти домашним кабинетом. На подставке у иллюминатора примостились кашпо с цветами.

Каюта была ему домом, вряд ли он где-нибудь чувствовал себя более уверенно, чем здесь. Вихарева смущало излишнее спокойствие Занайнулина. Узкие, широко поставленные глаза капитана не отражали внутренних колебаний. Занайнулин сидел напротив Вихарева и молчал. Вихареву хотелось взорвать спокойствие Занайнулина, но в какой-то момент он понял, что из этого у него ничего не выйдет и сейчас главное — найти верный тон.

Начал он с воспоминаний о том совещании, где познакомились. Вспомнили берег, причем в основном говорил Вихарев, Занайнулин периодически поддакивал и улыбался. Когда речь зашла о Токареве, Артем Иванович оживился, доказывая Вихареву, что основа здесь — Токарев, что ради Ломакина не стоит начальнику промысла тратить столько усилий.

— Я Ефима Сергеевича за что ценю? Он слово держит. Хотя человек — огонь, иногда накричит, наговорит, можно подумать, мир рушится, но и отходчив. Такие люди как дрожжи нужны — расшевелить, разбередить! Вот он отряд создал. Говорили раньше об этом, а кто бы решился? А он доказал — и как дело пошло! Сейчас я без его решения на банки не строюсь? Ломакин знал, на что идет, когда покинул флотилию!

— Я слышал, что вы с Ломакиным однокашники, почему же так? Что-то личное? — спросил Вихарев и по тому, как смутился вдруг, дернулся Артем Иванович, понял, что попал в точку.

Занайнулин молчал.

— В работе исчезают личные отношения, мы не выбираем партнеров!", мы можем и обязаны их переделывать, направлять их энергию в нужное русло, — продолжал Вихарев. — Я всегда уважал вас, Артем Иванович, не дайте мне разувериться в вас как в человеке. Учтите, ваша задача собрать исчерпывающие данные по новому району. Дадите их на берег, а мне отрадируйте кратко, чтобы я знал надежность этих банок. Будете работать с тралом.

— Я не любитель тралового лова. — Занайнулин встал и прошелся по каюте.

Он понял, что никакие доводы не помогут, начальник промрайона может и не уговаривать, он может просто приказать, и здесь уже ничего не поделаешь.

— Очень надеюсь на вас, — сказал Вихарев, — вы даже не знаете, как я надеюсь на вас!

От базы «Сардинопс» отошел уже в сумерках. Ночью усилилось волнение, но бортовой качки почти не ощущалось, зато килевая давала о себе знать. Сейнер буквально гарцевал на волне, казалось, мчишься в седле по бугристой дороге, и вот-вот скинет тебя, не выдержишь, полетишь в придорожную канаву. Сейнер был недавней постройки, предполагалось, что в будущем именно такие суда заменят СРТР. Сейнеры головной серии носили названия рыб: «Сардинопс», «Кальмар», «Макрурус». Мощный двигатель позволял этим судам носиться на заметах быстрее других кошелькистов. Но сейчас на волне мощь двигателя не очень помогала и, когда оголялся винт, резкие толчки сотрясали корму.

Рубка была просторной, оборудована по последнему слову техники, лобовые стекла на всю ширину, и по корме тоже достаточно большие проемы, позволяющие видеть, что делается на кошельковой площадке. В кормовой части рубки была установлена мощная аппара-

тура поиска, и сигналы ее были резкие: не обычное цвирканье, как на старых судах, а звуки, напоминающие удары бича.

Вахтенный штурман — высокий длинноволосый парень — не отрывал глаз от ленты эхолота, по которой ползли черные строчки. Сомнений не было — судно шло над косяками.

— Надо будить «папу», — сказал штурман, обращаясь к рулевому матросу.

«Папой» на сейнере называли капитана.

Занайнулин поднялся в рубку. Следом за ним, ловко перебирая лапами ступени крутого трапа, вбежали Пальма и Альма и сразу спрятались под штурманским столом, понимая, что в рубке нельзя мешаться под ногами.

— Что за шум? — спросил Занайнулин.

— Четкие показания, Артем Иванович, — ответил вахтенный.

— Косяк под килем плотный, и конца ему не видно, — добавил тралмастер, который уже успел подняться в рубку, как будто чувствовал, что появилась рыба.

— Отставить, братцы, — сказал Занайнулин, выслушав их.

— Артем Иванович, так плотно идет только крупная рыба! — не успокаивался тралмастер.

— Мы двигаем на задание — раз, — сказал Занайнулин медленно. — Если здесь метать будем — кто у нас рыбу возьмет? Два. И в такую погоду невод потерять — запросто! Три.

Занайнулин спустился по трапу. Пальма и Альма не ожидали столь быстрого ухода хозяина и едва успели проскользнуть за ним в дверь.

— Во, дал нам по носу! — сказал вахтенный штурман.

— Куда спешим? К Ломакину! — возмутился тралмастер. — Он бы к нам поспешил. Черта лысого от него дождались бы! Не пойму я этого!

Сейнер подбрасывало на крупных невидимых волнах. Когда его возносило волной, взгляду открывалось полукружье из огней, опоясывающих горизонт. Сейнер как бы находился в центре диска, вращающегося во тьме.

— Чьи это огни? Сейнера, что ли? — спросил рулевой.

— Это дальше к берегу, там острова, — ответил штурман.

— А рыба здесь на отмелях большая, — протянул тралмастер, — зря Артем Иванович случай упустил. За невод побоялся.

— Он-то? За невод? — возмутился вахтенный штурман. — Я раз с ним в такую передрагу попал, так он, считай, всех спас. Он тогда старпомом еще ходил, а я стажировался. Капитан был у нас Грибов. Ох и жадный до рыбалки! И такой, что себя пупом земли считал. Селедка тогда шла — только успевай сети вытряхивать. Дрифтерами ее ловили, труд каторжный, не то что сейчас! Взяли мы полные трюма, и Грибов приказал еще на палубу валить. Артем Иванович против. Но Грибов заставил. Идем, ничего, вроде все довольны, два плана взяли! И влезли в такую крутоверть, не приведи господи! Циклон нас застиг. Как начало швырять, как начало, а рыба по палубе гуляет — от борта к борту. Повалило нас градусов на пятьдесят, ну, все, думаем, не подняться. Холод, ветер. Воды уже мачтами касаемся. А в чанах уже пусто, но как туда добратсья. Так Артем Иванович сам бросился на палубу, за ним еще два матроса решились. И оставались они на палубе — пока рыбу в чаны не убрали. Если б не он, кран-

152 ты нам тогда пришли бы.

— Да, выдержка у него флотская,—согласился трал-мастер.

Они, конечно, были правы. Выдержкой, спокойствием славился Занайнулин. Правда, зачастую было это проявлением внешним, и он завидовал людям, которые умели взорваться, выпустить пар, накричать и тотчас перейти в другое состояние: улыбаться, шутить...

Самый спокойный капитан отряда в эту ночь перехода в район отдаленных банок заснуть не мог. Думал он не только о Ломакине и о тех запутанных отношениях, что сложились с другом юношеских лет, не нравилась ему перспектива перехода на трал. Он знал твердо, что Егор на его месте слушать Вихарева бы не стал, настоял на своем, доказал с самых высоких позиций, что прав, он Ломакин. Так было еще в училище, когда они дружили, — Ломакин во всем был первым и правым. Но где его, ломакинский, расчет и удача на этих банках? Зачем он решился работать тралом? Ведь по натуре своей он кошелькист. В заметках — азарт, удача, что-то родственное охоте. Да, кошельковый лов был и остается охотой, где все решает прицельный зачет. Нужен опыт, и приобрести его, конечно, можно в работе, но если по складу характера ты нерешителен, не успеваешь быстро впитать в себя промысловую информацию, боишься выдать решение с ходу, то на капитанском мостике тебе делать нечего. И в основном капитаны судов кошелькового лова молоды, нужна ведь и сила мускулов. Причем, как и у боксера, здесь самое важное иметь крепкие ноги. Всю ночь метаться по рубке, да не одну ночь!

Занайнулин полюбил кошельковый лов сразу, с первых заметов, хотя и приходилось туго тогда — без привычки: за ночь натирал на ногах мозоли и уставал так, что впору было свалиться прямо в рубку и уже не бы-

ло сил идти в каюту. Но если ты капитан, вида подавать об усталости ты не должен. Капитаны — знакомые Занайнулина — как правило, твердо стояли у штурвалов, и недаром в рыбацком флоте говорят, не где ходил, на каком траулере, а чаще — с кем ходил.

Но, может быть, он, Занайнулин, действительно несправедлив к Ломакину? Ведь рвутся же люди на ломакинский сейнер! Или, действительно, удача во всем сопутствует Ломакину, ведь так было не только в рыбалке. Не верил, что Лариса предаст. Столько было поклонников! Она всегда была центром притяжения, женственна и в то же время по-мальчишески задорна, залиvistый смех, и вместе с тем изящество, плавность в каждом движении. Как она сумела быстро забыть все: и школьные вечера, и туристские походы вниз по Ловати, и клятвы на верность, на всю жизнь.

Когда закончил мореходку, направили с Ломакиным в Приморск, верные друзья, и от нее почти ежедневно письма. Он считал дни до ее приезда, жил ожиданием встречи. «Знакомься, Лариса, это Егор, знаменитый капитан, мой лучший друг!» Потом вечер в квартире Ломакина. Очарование от комфорта, которым умел окружить себя Егор. С детства усвоены манеры, показательные ловкие движения. Что потянуло Ломакина в море? Азарт рыбалки? Желание славы?

У Занайнулина выбора не было, средняя мореходка — предел мечтаний, а Егор при желании мог выбрать другой путь. У Занайнулина рыбалка началась с малых лет, босоногим пацаном радовался мелкой плотвичке, и рыбалка та была не для баловства — ждали дома добытчика, и от его тогдашней удачи зависело, сумеет ли мать приготовить ужин. Время было трудное, голодное, и он привык к тому, что он — добытчик, мужчина... Две сестренки были младше его, отец с войны не вернулся. Может быть, именно в те годы образовалась та

154 связь, что напрочно соединила его жизнь и рыбалку,

но теперь счет шел не на отдельных рыбешек, счет шел на тонны.

К полудню следующего дня «Сардинопс» прошел более ста миль. Последние промысловые суда растаяли на горизонте. Вчерашних волн не было и в помине. Позади остался узкий коридор, где постоянно дуют свежие ветры. Стоит сместиться к экватору, как вступаешь в конские широты. Те самые, по которым когда-то пролегал путь каравелл, перевозящих лошадей. Здесь, где господствует абсолютный штиль, лошади, боящиеся качки, могли перенести долгую морскую дорогу.

В полном одиночестве чертил «Сардинопс» свой курс по застывшему лону воды, разваливая форштевнем гладкую, почти полированную поверхность. И чем ближе он подходил к неизвестным банкам, тем большее беспокойство ощущал Занайнулин.

Цвет моря постоянно менялся. Вода вспыхивала переливами всех оттенков радуги, борт у сейнера низкий, стоило опустить руку — и уже соприкасался с океаном. После полудня совсем рядом с бортом появились дельфины. Показывая свое искусство, они выделявали почти цирковые кульбиты и не отставали от сейнера, как будто тоже спешили к коралловым банкам.

Матросы вооружали трал, сетное полотно растянули между мачтами, чтобы удобнее было работать. Один из матросов, тот, что стоял на крышке трюма, отложил в сторону свайку, залюбовался дельфинами:

— До чего красивы! И умны, черти!

— Видел, как самка у них рожает, — откликнулся другой матрос. — Они ее поддерживают с боков. И дельфиненка — на поверхность сразу, чтобы воздуха дыхнул!

Работали на палубе споро, надо успеть все подготовить: и траловые доски, и грузы, и ваера.

Коралловые банки

Уверенность в промысловой удаче не покидала Ломакина. Он и раньше слышал о том, что здесь, где поднимаются со дна океана горные хребты и рассеяны вокруг коралловые островки, рыба есть.

На себя, на людей своего судна он мог твердо рассчитывать и в то же время понимал, что один, без других судов, он во многом рискует. Надо было переходить на трал, убирать кошелек, для рыбы оставался всего один трюм, значит, постоянно висел вопрос прогрузки. Он рассчитывал на обычное, сопровождающее его во всех районах везение: будет рыба — сбегутся другие траулеры, придут они — будет и транспорт. И в первые два дня, казалось, предчувствие не обмануло его. Хотя они потеряли время, настраивая тралы, хотя уже ворчали на судне и то и дело до него доносились разговоры, что поход этот — безрассудство, что надо было работать со всеми, и эти разговоры особенно усилились, когда по радио пришли сведения о первых успехах единого отряда, — надежд Ломакин не терял. Лишь на промысловых советах его коробили выступления Токарева. И тогда ему хотелось, чтобы время шло быстрее и рейс этот, столь затяжной, поскорее закончился. Представлялось, как сейнер уже скользит каналом, среди деревьев, и тонкие березы, раскачиваемые ветром, кланяются возвращающемуся судну. И Лариса стоит на причале. Но приход должен быть обязательно победным, чтобы говорили речи в порту, пусть без оркестра, но чтобы чувствовалась торжественность встречи.

На третий день удалось настроить трал. С тралом шли четыре часа, выбирали уже после полудня. Небо заволокло пеленой, но и эта пелена не в силах была 156 сдержать полуденный жар солнца. Тугой, горячий воз-

дух окутывал все. С каждым часом духота становилась все невыносимей. Тучи застлали все небо. Сыпался мелкий дождь. Казалось, вода испарялась, даже не касаясь палубы, духота не исчезла, а становилась еще более плотной, ощутимой физически. Неподвижное море, впитывая дождь, еще больше темнело. Границы воздуха и воды стерлись.

Мелькали на палубе красные спины матросов — начинался подъем трала.

Глубина всего девять метров под килем, и выборка шла быстро. На поверхность разом вынырнули желтые кухтыли. Показались ваера, они вздрагивали от натяжения, стряхивая воду со своих прядей. Они были как туго надраенная леска с крупной рыбиной на крючке. Цепочка кухтылей, блестящих от яркого солнца, переливалась, как янтарное ожерелье. Всплыл за кормой буй, он лежал на воде, и это было хорошим признаком — свидетельством того, что в трале есть рыба.

Ломакин не очень доверял молодому парню, сменившему старого акустика, да в принципе акустик здесь не был нужен. Траловый лов был не такой напряженной охотой, как работа с кошельком: искать косяки не приходилось, здесь требовались размеренность и упорство. Ломакин раньше работал на траулерах, и всегда ему доставало в такой рыбалке возможности риска. Нельзя было рассчитывать на разовый быстрый успех.

Подъем продолжался. В воде мелькнула тень, будто шла к судну большая рыба, потом пятно стало белесым, и вот на поверхность выскочили черные пластины с блестящим краем-полозом. Металл траловых досок до белизны очистился о дно, и это говорило о том, что трал посажен низко и ползет по самому грунту.

— Надо было снять часть грузов, — крикнул Ломакин тралмастеру, — опять пашем впрытык!

— И так без груза авоська, — откликнулся Збигнев-

Доски закрепили, взяли на цепной стопор. Збигневский нервничал. В рубку доносились его команды. В обычной жизни неповоротливый, медлительный, сейчас он прыгал как баскетболист у щита. Ухватил сам цепные стопора, дотянулся до гака, потом свесился с борта, зацепил скобу.

Он был ярым противником перехода в этот район. Связанный давней совместной работой с Ломакиным, он говорил капитану прямо обо всем, и Ломакин, не желающий, чтобы настрой Збигневского передался команде, сказал ему:

— Делайте свое дело и не лезьте, куда не просят!

Дель трала зацепили стропом, подтянули, матросы у борта разом выхватили кухтыли из воды. Было видно, как напряжены спины, каких усилий требует эта работа, когда больше надо полагаться на мускулы своих рук, чем на тягу лебедки.

Дель стянулась под водой, теперь из нее образовалось нечто вроде трубы, и эта бесконечная труба ползла вверх. Утомительно, долго тянулась она из воды. Заблестели отдельные рыбины, запутавшиеся в ячее, их становилось все больше.

— Крупная, одна к одной! — крикнул Збигневский.

Зацепившись жабрами, рыбы головы торчали наружу — казалось, трал оброс ракушками. Рыбины дергались, старались вырваться из ячеи и от этого еще прочнее застревали в ней. Крупная рыба проскользнула вниз. Прошло полчаса, а она все скользила и скользила в трубе под днище, где должна была скопиться в кутке. Глядя на мечущуюся в сети рыбу, старпом потянулся, раскинул руки и крикнул:

— Ну, наконец-то! Вот это рыба! Такое только во сне может присниться!

Рыбины были толстые, как бревна, жгучего, ярко-красного цвета. Никто не мог вспомнить, как они на-
158 зываются, пока один из матросов, работающих у стре-

лы, не крикнул: «Лутьян!» Рыба — ценная, пожалуй, самая дорогая в этом районе.

Матросы оживились, на палубе была вся команда сейнера, кроме вахтенного моториста. Даже Дмитриевич не выдержал и вылез из машины. Ждали, когда появится куток, приготовили чаны, вытаскивали рыбин, дергающихся в ячее.

И вдруг выборка застопорилась. Как будто внизу кто-то намертво схватил трал.

— Порыв, туда его в качель! — закричал Збигневский.

И все увидели, что дель порвана в нескольких местах и рыба проскальзывает в эти зияющие дыры.

— Быстрее, черт задери! — крикнул Ломакин. — Би-райте быстрее!

Он надеялся, что эти дыры случайные, так, небольшой порыв. Но когда включили лебедку на полную мощность, что-то гулко треснуло — порванная сеть забилась о борт сейнера. Вода кипела уходящей рыбой. В обрывках сети появились черные ветки кораллов.

Они напоминали причудливые рога, только были очень тонкие, а на концах их росли нежные красноватые цветки. Ветвей становилось все больше, и скоро промысловая палуба превратилась в густой темно-лиловый лес. Матросы выдергивали из сетей наиболее красивые ветки, оттаскивали их в сторону, и это окончательно вывело из себя Ломакина.

— Включить насос, струей их — за борт! — зло крикнул он.

Збигневский остолбенел. Он смотрел, как вытаскивают из сетей остатки улова, смотрел на порванн}Ю дель и не двигался с места.

— Готовьте новый трал, черт задери! Убирайте старый! — распорядился Ломакин.

Он спустился вниз. Весь улов составляли с десятков лутьянов, застрявших в ячее, и два здоровенных 159

ската. Сквозь слизь на треугольном теле скатов проступали провалившиеся отверстия глаз и угадывался искривленный рот. Они были огромные, и, чтобы очистить от них палубу, пришлось застропить их и выкинуть за борт с помощью судовой стрелы.

Весь борт судна был облеплен кораллами. Ломакин вместе с матросами начал сбрасывать за борт колючие ветви. Они цеплялись острыми концами ветвей за сети, за троса, дерябали руки. Сейнер напоминал рыбацкую лодку, застрявшую в камышах, когда лески удочек запутались в осоке, и чтобы отцепить крючки, надо лезть в воду или по сильнее оттолкнуться веслом и порвать спутанные снасти. Ломакин ногой столкнулся за борт огромную ветвь. В памяти всплыло, как Лариса, когда они были в гостях у знакомого капитана, увидев такие ветви кораллов, была поражена их красотой и сказала: «Какая прелесть! Как бы они украсили нашу столовую!» Столовую? Может быть. Но здесь на палубе — хуже не придумаешь. Будь они прокляты!

После неудачного траления они не ушли с закланного места. В этот день еще трижды рвали трал, пока, наконец, не вытащили полный куток. Через неделю у них почти не осталось сетного полотна.

Пошел в ход кошелек, из него они смогли сделать несколько тралов. Збигневский настаивал:

— Егор Константинович, надо или уходить отсюда к Токареву, или просить помощи. Мы не можем тралить на таких грунтах!

Ломакин понимал, что Збигневский прав, но ответил ему резко:

— Мне надоело твое брюзжание!

— Если не запросите тралы, я сам выйду на связь с «Сигуддой», — ответил тралмастер.

— Кто вас уполномочит на это?

Дмитриевич, сильно похудевший за эти дни из-за

160 жары, накалявшей судно и превращавшей машинное

отделение в парилку, услышал их перепалку, подошел ближе.

— Сегодня соберем людей, — сказал он, — и будем решать, если на то пошло. Пора ответ держать!

Утром на промсовете Ломакин еще раз доложил обстановку. Слышимость была отвратительной, он не надеялся, что его поняли, судовая станция «Наяды» была слабой для такого расстояния. Он базу слышал сносно. Вел совет Токарев, это удивило Ломакина. Где Вихарев, что с ним — сменился или так, временно поручил Ефиму Сергеевичу?

— «Наяда», «Наяда», как слышите меня, — звучало в эфире, — к вам идет «Сардинопс»... поиск на банках необходим флоту... нужен резервный район, проявите настойчивость, свойственную вам... на приеме «Бородино».

Встреча

«Сардинопс» и «Наяда» сблизилась на рассвете. Небо постепенно наливалось голубизной. Над горизонтом струилось желтое мерцание, предвещающее восход. Непомерно большой серп луны плыл в этой голубизне, как карнавальная лодка, рассыпая колышущуюся дорожку бликов. Жемчужины крупных утренних звезд вздрагивали в вышине и постепенно меркли.

«Наяда» рассекала пространство лучами прожекторов. Граница неба и океана была плохо различима, и, казалось, сейнеры, обретая невесомость, почти не касаются воды.

Пальма и Альма смотрели на приближающийся сейнер Ломакина и осторожно втягивали ноздрями утренний воздух, изучая незнакомые запахи.

Суда соприкоснулись мягко, совсем неслышно — на штилевой воде швартовка была почти не нужна. Подали несколько концов, чтобы зафиксировать положение, и начали передавать дели. Скрученный жгут смазывался с вьюшки, обегал рол и тянулся через борт на «Наяду».

Командовал передачей боцман «Сардинопса», совсем молодой парень. Голос зато у него был хриплый, настоящий боцманский. На борту «Наяды» Артем Иванович сразу заметил Збигневского, они познакомились несколько лет назад, вместе отдыхали на турбазе. Збигневский тоже узнал его. Ломакина не было видно. Ни в рубке, ни на палубе.

— В самый раз подошли! Здесь цирк, а не рыбалка! Но банки богатейшие! — сказал тралмастер. — Делей у вас большой запас?

Занайнулин не ответил, он все ждал появления Ломакина. Ведь капитан, которому пришли на помощь, должен быть раньше всех на верхней палубе, первым подойти к борту, начать переговоры, даже перейти на выручившее его судно, отблагодарить товарища.

«Похоже на Егора», — подумал Занайнулин и вспомнил, как на плавательной практике Ломакина одолела морская болезнь. Когда Артем увидел, что товарищу плохо, и подошел, желая помочь, тот сделал попытку улыбнуться и сказал: «Камбузнику голову бы оторвал, кормит гнильем!» Но ведь столько лет прошло, сейчас вроде и нет смысла играть в кошки-мышки.

Занайнулин подошел вплотную к планширу, так что встал почти рядом со Збигневским и спросил громко:

— А где Егор Константинович?

— Приболел он, — ответил тралмастер, — позвать?

— Не стоит. Все одно вместе будем тралить, еще

— А карты? — напомнил второй помощник Артему Ивановичу. — Они здесь сколько тралов порвали, пусть места зацепов сообщат, я нанесу.

Артем Иванович обернулся:

— Успеется, будут вам карты.

Матросы двух сейнеров оживленно переговаривались друг с другом. В прозрачном утреннем воздухе слова звучали звонко, далеко разносились над водой. «Сардинопс» вышел на промысел позже «Наяды», и теперь матросы ломакинского сейнера спешили узнать береговые новости. Интересовало все: и погода, и перемещение в конторах, и друзья, а главное — оставленные на берегу любимые, жены, дети. Говорили оживленно, как обычно при морских встречах, после того, как месяцами общаешься только с теми людьми, что составляют команду твоего сейнера.

— Дочку я твою видел перед отходом, — сказал Артем Иванович тралмастеру, — выступала по телевидению.

— Она у меня шустрая. Письмо прислала, едет на фестиваль, — откликнулся Збигневский.

— А моих не видели? Как они там, мои короеды? — спросил старпом с «Наяды».

Занайнулин развел руками:

— Не привелось... А как погоды здесь?

— Жара, дожди сплошные, — ответил Збигневский. — Сегодня только ясное небо. А так духота стоит такая, что только ночью и дышишь! Хорошо у вас — кондишка, да и тралите вы с кормы. Должно пойти у вас нормально! Только грузы все снимите!

Чтобы быстрее наладить передачу делей, несколько матросов «Наяды» перебрались на борт «Сардинопса», с ними был и Дмитриевич. Переходить с борта на борт было легко, шагнул — и на другом судне. Благо стояли плотную и погода — тише не придумаешь.

Занайнулин узнал стармеха с «Наяды», улыбнулся ему, спросил, как дела в машине. Дмитриевич махнул рукой, хотел было заговорить, но в это время Занайнулин сделал шаг, ступив на палубу «Наяды». Дмитриевич улыбнулся, одобрил этот шаг.

«А вдруг он действительно болен, Егор, скис от неудачи. Всегда успех, а тут такой прокол», — подумал Артем Иванович. Он не спеша поднялся по трапу к капитанской каюте. На таких судах, как «Наяда», сделал он не один рейс, и все здесь было знакомо, каждая ступень, каждый поворот, сопровождающих не требовалось.

Когда Артем Иванович постучал и не услышал ответа, он легонько толкнул дверь. Она распахнулась сразу, брякнула штормовкой, звук — резкий, скрипящий. Каюта была узкой, с единственным иллюминатором, два настольных вентилятора шелестели на полках. Ломакин сидел на диване и молча смотрел на гостя. Вид у него был усталый. Сейчас это не тот прежний Егор, кто сметал все на пути, добиваясь своей цели. Впервые Артем Иванович увидел его осунувшимся, нечисто выбритым, впервые заметил, что волосы у него на висках белые. Он сразу понял, что Егор не болен, и даже усмехнулся тому, как мог об этом подумать. Разве не знал его, разве не убедился за много лет, как болезненно самолюбив его бывший друг.

— Явился лицезреть крушение? Торжествовать? А как же? Проявил благородство и ждешь презента за труды?.. — Ломакин хрипло засмеялся.

— Не надо фиглярничать, — спокойно ответил Занайнулин, он чувствовал, что может вскипеть, и старался говорить как можно медленнее. — Меня послали работать в паре с тобой. Скоро сюда придет флот. Мы должны подготовить район. Ты сейчас пойдешь наверх, мы сверим карты и впредь будем согласовывать курсы

Ни чувства торжества над соперником, ни какого-либо удовлетворения от того, что сумел вот так, потокаревски, без всяких экивоков приказать опытному капитану. Ему захотелось, чтобы в каюту возвратился тот Ломакин, которого он знал, которого так безоглядно полюбила Лариса. Ему, Занайнулину, сейчас тоже, как никогда, хотелось верить в ломакинскую удачливость.

Флагман

Промысел заканчивал напряженный день. Токарев, назначенный руководителем района, сидел в радиорубке и готовился к вечернему промысловому совету. Вопросы сводок, заявки на снабжение, сведения о сданной рыбе, предписания инспекций, сообщения о подходе транспортов, водолеев и танкеров, просьбы на закупку скоропортящихся продуктов — все требовало оперативного решения.

Вот уже неделю, как многочисленные заботы промысла скапливались в радиорубке «Бородино», ставшей флагманской плавбазой. Это было последнее распоряжение Вихарева — принять обязанности начальника промрайона. Сердечный приступ настиг Василия Митрофановича во время очередного промсовета. Капитаны судов, услышав, что замолчала «Сигулда» и Вихарев запнулся, не закончив фразы, поначалу отнесли эту заминку на счет радиопомех, но потом после своих выступлений, не получив ответа на вопросы, поняли, что это не так.

К «Сигулде» было срочно вызвано быстроходное судно инспекции, на котором Вихарева и доставили в ближайший порт. Было подозрение на инфаркт. «Стре-

Мительный» уже позже сообщил, что Вихарев просил передать: у него все в норме.

Руководство промыслом, конечно, должен был взять на себя заместитель Вихарева, но приказы не обсуждают, их выполняют. По всем законам Токарев к тому же мог потребовать, чтобы его освободили от обязанностей капитана «Бородино». Но он настолько сроднился с плавбазой, что не представлял, чтобы кто-нибудь другой здесь, в его присутствии командовал судном. Он говорил, что руководство промыслом — временное явление, но дела и проблемы раскинувшегося на десятки миль промыслового района уже захватили его. Теперь, когда он вник в положение на каждом судне, он понял, как трудно управлять этой армадой, где каждый из капитанов требовал особого подхода. При этом с человеком нельзя было встретиться лицом к лицу, посмотреть ему в глаза, почувствовать, кто он. Решения требовалось принимать с ходу, безапелляционно, отбрасывая мелочи, выбирая только главное, основное. Его поднимали даже по ночам, настаивали, просили, уговаривали энергичные и спокойные, обстоятельные и резкие, и каждый был по-своему прав и отстаивал свое право.

До начала совета оставалось десять минут. Токарев вышел на палубу. Ярко-красное солнце уже приблизилось к воде, увеличилось в размерах. Плотные тучи нависли над горизонтом. Озаренные снизу, они вспыхивали огненным пламенем. Вода поглощала, втягивала в себя меркнувший багровый круг. Мощные колонны грузовых стреп чертили круги в вечернем небе. Легкий ветерок поднимал небольшие волны. За бортом размеренно дышал темнеющий океан.

База медленно двигалась к очередному кошельку. Параллельными курсами скользили огни соседних баз. Сейнеры, освобожденные от рыбы, смещались к западу.

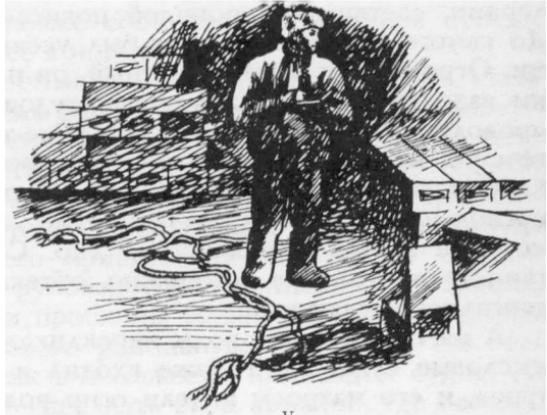
1G6 Транспортное судно, облепленное со всех сторон трау-

лерами, светящейся громадой повисло с левого борта. До самого горизонта океан был усеян судовыми огнями. Огромный и величественный, он плавно, в такт своим вздохам, покачивал корпуса судов. В его глубинах продолжалась невидимая жизнь. Где-то внизу морские течения колыхали податливые водоросли, красноватые клубки калянуса всплывали бурными пятнами, парили в восходящих потоках студенистые медузы, хрупкие морские звезды цеплялись за дно. Среди всего этого таинственного мира осторожно, обтекаемыми потоками двигались косяки рыб.

А на поверхности воды перекликались гудками промысловые суда. Где-то уже входил в Балтику «Альбатрос», и его матросы видели огни родных берегов. Далеко на юге, на коралловых банках, «Сардинопс» и «Наяда» вели поиск. Сколько людей на промысле смотрели на темнеющее небо и вслушивались в привычный рокот океана! У каждого была своя судьба, и океан связывал, пеленал, сливал эти судьбы воедино. Он не баловал их, принося штормы и дни проловов, коварные рифы и скрытые отмели, туман и каверзные течения. Здесь, в очищающих водах океана, в извечном споре с ним, они постигали себя, убеждаясь в неизбежности законов морской взаимовыручки.

Токарев опустил воротник кожаной куртки, вздохнул полной грудью освежающий морской воздух и вошел в рубку. Все огни на мостике были погашены, чтобы не мешать штурманам различать в ночи движения соседних судов. Токарев посмотрел на часы, опустился в кожаное кресло, включил микрофон:

— Добрый вечер, товарищи капитаны и все присутствующие на совете, прошу в порядке очереди доложить обстановку. На приеме — «Бородино».

ТРЮМНЫЙ

Они сидели на баке, каждый примостился где мог: кто на крышке трюма, кто на бухте тросов, кто просто так, на палубе. Это было на второй день после отхода, они еще не успели перезнакомиться друг с другом и смотрели выжидающе, настороженно. Волны накатывались от горизонта до горизонта. Белые усы брызг расходились от форштевня, брызги взлетали высоко вверх и падали на палубу, и, хотя в этих широтах стояло лето, на баке было прохладно. Тралмастер и технолог распределяли матросов по бригадам: самых здоровых брали в добычу, остальные попадали на рыбфабрику.

Матвей Тимчук был ростом метра два, ему едва исполнилось восемнадцать лет, это был его первый рейс. Его сосед по каюте, Чернега, молчаливый, пожилой, ходивший в море уже не первый год, сказал в день отхода:

— Ну, брат, и вымахал ты, тебе только в добычку идти, там такие парни нужны. А мне вот не везет, столько лет — и все в цеху. На палубе хорошо: солнце, море вокруг, простор, отдали трал — и лежи себе, загорай или дель плети, на свежем воздухе без работы нельзя, сразу сдашься качке. Хорошо на палубе! А в цеху вонь, грязь, рыбий дух из мукомолки прет. Повезло тебе, парень. Ну и рост!

Матвей слушал его, улыбался, они выпили за отход и за знакомство. Все интересовало Матвея, все ему было вновинку, вопросы он задавал один за другим.

— Вот заладил... Почему да почему, — сказал ему сосед.

И Матвей замолк, стараясь заснуть на своей койке, в которой помещался с трудом: ноги упирались в переборку.

Матвей был уверен, что его возьмут в добытчики. Но тралмастер почему-то не остановил на нем своего выбора. Опустив голову, Матвей побрел в цех. А там уже показывали, кому и где работать. Сухощавый и подвижный рыбмастер водил новичков по цеху, останавливал у морозилки, где рыбу закладывают в противни, включал транспортеры, учил, как упаковывать брикеты. Рыбмастер ловко перепрыгивал через трубы, протискивался между аппаратами морозилки, и за ним едва поспевали.

После знакомства с оборудованием рыбмастер оглядел всех и сказал:

— Надо, ребята, трюмного нам.

И почему-то остановил взгляд на Матвее.

— А что такое трюмный? — не выдержал Матвей. — Где он?

— Ну, село, — сказал стоящий рядом матрос, — вот соглашайся, узнаешь.

— Давай соглашайся, корешок, ты здоровый, выдюжишь, — сказал другой матрос.

— Да, паря, надо бы тебе, — сказал рыбмастер, — в цеху с тебя толку все равно не будет. Траспортеры, видишь, под твой рост не рассчитаны, нагибаться все время надо, а в трюме, паря, простор, есть где развернуться.

Так Тимчук стал трюмным. Узнав об этом, его сосед по каюте сказал:

— Ну и баран ты, сказал бы, что грыжа у тебя, или что другое придумал.

Траулер спешил на промысел, шли ходко, с ветерком. Чужие транспорты с голубыми и желтыми трубами таяли вдаль, не в силах обогнать рыбаков, а когда остались позади Канарские острова, стало тепло, как в Крыму. Пересекли тропики, и здесь, на двадцатом градусе, показались на горизонте рыболовные суда, их было так много, что Матвей сбился со счета.

А после обеда второй штурман сказал:

— Рыбу пишет, сплошные косяки.

Посмотреть, как отдают первый трал, высыпала вся команда. Чтобы не мешать, стояли наверху, на шлюпочной палубе. Тралмастер принес полиэтиленовый пакет, в котором лежали буханка хлеба и бутылка вина. Матросы приподняли сетку кутка, и тралмастер полез в трал, как медведь. Путаясь руками и ногами в сетке, он положил пакет в куток, стал вылезать и совсем застрял. Под общий хохот матросов его с трудом вытащили из трала. Морской закон зато был соблюден. Угощение для Нептуна и рыб в трале.

— Как дети, подкупить царя хотят! — сказал Чернега Матвею.

А через два часа загудели лебедки, потянулись вае-170 ра, загрохотали по палубе кухтыли и выполз по слипу

мешок, туго набитый блестящей скумбрией с синеватой спинкой.

— Вот это почин, — сказал рыбмастер Васильевич. — Ну, ребята, засучай рукава, все, как учили, нечего на палубе торчать. А ты, Матвей, чего в майке, одевайся теплее, в трюма холод пошел.

На палубе добытки мелкали смуглыми спинами, бегали начальники в шортах, странно было появиться здесь закутанным по-зимнему. Матвей, в телогрейке, в резиновых сапогах, в берете (шапку-ушанку он надеть постеснялся), бочком прошел по коридору, быстро спустился к лазу и по длинному трапу полез в трюм, закрыв за собой обитую войлоком лючину.

Сначала после жары, царившей на палубе, было даже приятно, парок шел от дыхания, температура — минус двадцать четыре.

Трюм состоял из двух отделений, верхнее называлось твиндеком, у переборки были выгородки, которые назывались курятниками, от них-то и шел холод — там в батареях испарялся аммиак, и вентиляторы несли холодный воздух по трюму. Трюм был огромный, высокий, и слова здесь звучали гулко. Матвей побегал, чтобы согреться, покричал в черное отверстие люка, из которого свисал лоток:

— Эге-гей, даешь рыбу! Эге-гей!

Через полчаса у Матвея стали замерзать кончики ушей, и ногам в сапогах, несмотря на толстые суконные портянки, было холодно. Пришлось идти искать валенки и шапку-ушанку. Под фуфайку он натянул вязаный свитер, который почти насильно заставила взять с собой мать. Шею обмотал шарфом. Когда Матвей шел по коридору в таком облачении, буфетчица Тоня прыснула и крикнула вдогонку:

— Дед Мороз-синий нос!

Через час по лотку загрохотал первый короб с рыбой. Матвей прозевал, и короб чуть не развалился, 171

упав с лотка. Потом, когда коробов набралось побольше, он сделал из них нечто вроде стола, на который съезжали по лотку новые ящики. Короб вмещал три брикета и весил чуть больше тридцати килограммов. Носить сначала было легко, можно одной рукой, можно бегом, даже лучше, когда есть работа. Матвей согрелся, вспотел. Короба выстраивались рядами вдоль переборки, этикетки на них были ярко-красные, и написано на них было «Скумбрия», а потом пошли с зеленой этикеткой — «Карась потрошенный без головы». Каждый сорт Матвей укладывал отдельно, как велел рыбмастер.

В этот день рыба шла хорошо, и Матвей сосчитал, что за смену он перенес тонн пятнадцать. Он так устал, что не пошел на обед, а сразу забрался на койку и заснул.

И потянулись дни на промысле, трудно было отличить Матвею один день от другого и еще труднее понять, когда день, а когда ночь. Работали в бригадах поочередно, восемь через восемь, заступаешь в четыре часа утра и работаешь до обеда, потом спишь до восьми вечера, а потом до четырех утра работаешь. За это платили переработку, вообще заработок ожидали большой... Сосед, что-то подсчитав, сказал Матвею: «Ну, Матвей, мы уже с тобой по пятьсот рублей заработали». Матвей только рот раскрыл. Пятьсот рублей за полтора месяца. Такие деньги, просто не верится. И он вспомнил, как в их село приезжал дядя Саша, который выучился на штурмана и плавал на судах. Как угощал он всю деревню и сколько подарков родным привез.

— Так-то, трюмный, дела, — сказал сосед. — Не надоело короба швырять?

— Не, — сказал Матвей, — скучновато только одному.

— Скучно, — засмеялся сосед. — У нас трюмные

— Зато силу накачаю, будь здоров, — сказал Матвей и согнул руку в локте.

— И грыжу можно накачать, — сказал сосед, посмотрев на Матвея, но тот уже спал.

Засыпал Матвей сразу, даже не коснувшись подушки, стоило только на койку залезть. Часто по утрам снилось ему родное село, будто лежал он в клевере, смотрел на ясное голубое небо, а рядом — Наташка из их класса мурлыкала что-то себе под нос. Он протягивал к ней руки, она все убегала куда-то, а один раз как закричит: «Ой, Мотя, щекотно, ой, щекотно боюсь». Или виделась школа на взгорье за рекой, винтовая лестница, ведущая в спортзал, и учитель физкультуры Михаил Михалыч, и как поддерживает он худеньких девочек, вцепившихся в кольца, и как разъезжаются в стороны скользящие кожаные круги колец. А Наташка идет по бревну, как будто парит, и улыбается ему, Матвею.

И по утрам, когда он еще полуспал-полудремал в сладких воспоминаниях, ожидая команду по спикеру о начале вахты, Матвей как бы возвращался домой, плыл по узкой прозрачной речке, вдоль которой тянулись белые хаты села, и тело его отдыхало и забывало усталость вчерашнего дня.

«Нет, — думал Матвей, — если рассказать, где я сейчас и как это далеко, никто не поверит».

Казалось, совсем недавно был выпускной вечер, совсем недавно решили с другом Виктором вместе поступать в мореходку. Даже скорее это Виктор первым так решил, был он всегда заводилой. Еще в седьмом классе смастерил детекторный приемник, да и учился будь здоров, любую задачу — с ходу, не то что Матвей, который хоть и стремился всегда узнать больше, но был рассеян, да и учителям надоедал вопросами.

А в восьмом классе накопили денег и купили настоящий приемник и слушали по ночам, и мечтали пой- 173

мать сигнал бедствия, чтобы помочь кому-нибудь в беде. Мечтали выучиться на радистов. Потом Виктор не решился, и Матвей один поехал к дяде Саше, который перевелся из Мурманска в Клайпеду. Но как ни велик был авторитет дяди Саши, в отделе кадров сказали: «У нас радистов полно, а тебя учить надо. Сначала на курсы тебя направлять, а курсы кончишь — в ноябре в армию призовут. Вот после армии можно было бы взять».

— Да, брат, не выходит ничего, — сказал дядя Саша, — давай-ка сходи в рейс матросом, надо тебе с морем познакомиться; что если вы друг друга не влюбите? Все мы, брат, матросами начинали — иначе не положено. Нет такого капитана, чтобы матросом в море не ходил. Море сначала человека на прочность должно испытать.

В начале второго месяца море устроило испытание. Подули неожиданно сильные ветры, и началась качка, беспрестанная, утомительная качка. Горизонт то взлетал вверх, то опускался вниз. Белые буруны дыбились по свинцовой поверхности.

Судно шлепалось носом по волне, гудело. Стонали переборки. Соседние суда проваливались вниз и вдруг возникали из воды, словно поплавки. Спать тяжело, койку наклоняло, болела голова. Ходить с непривычки по судну тоже было нелегко, приходилось все время цепляться за поручни. Но наверху, на палубе, не так утомительно, видно, куда сейчас судно кренится, можно приготовиться, а в трюме становилось туго, только по времени можно определить, к какой переборке бросит. Когда швыряло вниз, короб становился легким, как пушинка, вверх — и Матвей с трудом удерживал его. Хотелось бросить все к чертовой матери, выбраться наверх, подышать свежим воздухом. Матвей часто падал, набил синяки. Все внутри переворачивало, и

В эти дни думать было некогда — лишь бы выдержать, и Матвей дождался, наконец, того утра, когда проснулся в тишине и койку не качало. Он вскочил, умылся и выбежал на палубу.

Величественный простор океана окружил траулер, медленно всплывало солнце, сонная зеркальная поверхность воды была залита красными бликами. Судно лежало в дрейфе, не стучали главные двигатели, не визжали лебедки. И Матвей понял — наступил отдых, вчера он заложил последний короб, в трюме места уже не было. Рыба грудой лежала прямо на палубе, накрытая желтым брезентом.

Отдых, которому так обрадовался Матвей, почему-то не вызвал ни у кого оживления. Соседние суда проходили мимо с тралом, а здесь нужно ждать базу, чтобы выгрузить замороженную рыбу. Базы не было, и никто не знал, когда она подойдет.

— Крупный прогар получается, так мы и на пиво не заработаем, — сказал технолог.

— Да уж куда крупнее быть прогару, — подтвердил рыбмастер Васильевич, — это ж надо, самая рыба, сама в трал прет, а в трюмах хвост не втиснешь, все до отказа под завязку!

— Строить пароходы надо с умом, раз баз нету, трюма больше делать, что ли, а то план-то каждый день набегаёт, кто нам этот простой учтет, — сказал технолог и махнул рукой.

Матвей за эти дни ожил, облазил все судно, но чаще всего его тянуло в радиорубку, где на двери было написано: «Посторонним вход воспрещен».

Матвей подружился с гидроакустиком Димой, толстым неуклюжим парнем. Другие обработчики отсыпались или смотрели в салоне фильмы подряд по нескольку раз, а Матвей все бродил, все выспрашивал. Сначала Дима отвечал охотно, а потом сказал:

— Ты, парень, своими вопросами можешь человека психом сделать.

Но прогонять Матвея не стал. Дима не любил лазать на мачту, чинить антенны, у него кружилась голова, а Матвей делал все охотно и с радостью.

Капитан увидел его в рубке, исподлобья глянул в его сторону, сказал недовольно:

— Это что у нас, новый навигатор? Что за правнук Петра?

— Это трюмный, Виктор Евстигнеевич, — сказал Дима, — в ученики вот записался, очень хочет радистом стать.

— Понятно, — сказал капитан, — это тот самый протачок, что лазит за вас на мачту? Смотрите, Воронков, эту эксплуатацию прекращайте.

— И никто меня вовсе не эксплуатирует, — вмешался Матвей.

— Слышу чей-то незнакомый голос, — сказал капитан и вышел из рубки.

— Ты его не бойся,—сказал Дима, — он пошутить любит, а так мужик ничего. У него орден есть, в прошлом году на промысле так молотил, что будь здоров!

Днем после обеда гидроакустик спал, и Матвей уходил в цех, в машину. Он помогал второму механику шлифовать втулки, таскал ведрами масло для гидравлики, возился с настройкой весов. Скоро он перезнакомился со всеми.

— Помощничек, привет! — кричали ему.

— Заходи, друг, работа есть!

— Матвей, пошли лебедку разбирать...

Счастливые дни Матвея и несчастливые дни всей

команды длились недолго, подошла из Риги быстроходная база «Буря» и начала принимать рыбу. Все, что уложил Матвей со своим сменщиком за месяц, надо 176 было перегрузить за два дня. Трюмы открыли, туда

полезли матросы, кидали коробки, укладывали на площадку, кричали лебедчику:

— Вира! Ты что, заснул там, начальник?

На плавбазе «Буря» привезли письма и газеты. Матвей тоже получил письмо, писала младшая сестра Ольга: «...А еще мама говорит, что сама хотела бы пойти с тобой в море на твоём судне, хоть поварихой, что она готовила бы тебе, а то, наверное, ты похудел здорово, и говорит, что не нужен этот твой заработок, лишь бы возвращался скорей живой и здоровый. А я нынче на сенокосе в «Заречном» работала, и в день по три рубля вышло. И Наташка все про тебя расспрашивала, как тебе в море писать, и все не верит, что письмо в море тебе на корабль привезут...»

После дней, проведенных в ожидании базы, работа в трюме показала Матвею бессмысленной. Он ходил с коробами нехотя, швырял их как попало и злился сам на себя за то, что согласился пойти в трюмные. «Здесь хоть помри, — думал он, — никто не узнает, пока короба не завалят лоток, и все время один, что я, не человек, что ли? За месяц только раз рыбмастер спустился и то поговорили пять минут и бежать — холодно».

Ему вспомнилась песня, которую он слышал по судовой трансляции: «Надоел мороз одиночества...» — пела тонким голосом певица в той песне. Здорово это она — «мороз одиночества»! Хоть бы трансляцию сюда порвели, что ли. В век электроники таскать короба! На месте инженеров давно такое устройство выдумать можно, что любого трюмного заменит, только управляй из рубки, нажал на кнопку — лапа ящик схватила, подняла на транспортер-укладчик, чего проще! Так нет, им лень думать, так и медведь может работать, не думая, вот и таскай, на селе у нас и то механизмы. Впрочем, черт с ним, ящики не тяжелые. Только почему один, все время один? Ни у кого ничего не спро-

сишь, ничего не узнаешь, рейс пройдет, а что научился делать, что понял? Десять шагов с ящиком, десять бегом назад, карася — налево, зубана — направо, филе дальше, а в самый угол «на экспорт». Матвей не замечал, как начинал разговаривать сам с собой, потом с рыбой, замороженной в брикетах. Часов у него не было, и он не знал, когда кончится смена, чувствовал примерно, но точно угадать редко удавалось. В трюме время застывало, казалось неподвижным. Смена могла продлиться быстро, могла тянуться утомительно долго. Сменщик Матвея матрос Власов часто опаздывал — был уже человек в годах и старался подольше отдохнуть.

— Матрос Тимчук,—кричал он в лаз, — на прогревание!

Когда Матвей вылезал, Власов не сразу спускался в трюм, полчаса он сидел у лючины, пока ящики еще могли двигаться и не образовывался затор.

Матвей переодевался, и Власов говорил:

— Вот, Мотя, благодарить ты меня должен ежедневно, если не захочу тебя сменить, не приду — и все! Замерзнешь ты, так что я твой спаситель и на берегу ты должен поить меня три дня и три ночи.

— А если я вас не приду сменить? — ответил Матвей, — что, дядя Леня, будете делать?

— Я, брат, время чую, сам вылезу, я уже двадцать лет в море, у меня внутри хронометр.

Матвей с трудом стаскивал валенки, сворачивал одежду в узел и не спеша брел наверх, ему было приятно ступать босиком по теплым доскам палубного настила, и он с завистью смотрел на добытчиков, которые чинили трал и громко переговаривались друг с другом.

Как-то после ужина Матвей не выдержал, пришел
178 в каюту к рыбмастеру и сказал:

— Не могу я больше, Васильевич, тоска меня съела, не могу я больше в трюме!

— Вы что же это? Сговорились? Не могу да не могу, да кого я, милый человек, в трюм поставлю? Ты у меня в бригаде самый сильный. Кольку, что ли? Так его коробкой раздавит. Ты брось это, Тимчук, ты брось баловать, как говорится: взялся за гуж, не говори, что не дюж. Запарился, что ли?

— Да нет, Васильевич, — сказал Матвей, — силы во мне есть, во мне много силы, я не устаю, мне просто тоскливо, целый день в трюме один да один. Тошно мне одному.

— Ну это ты брось, это ты что сопли распустил, или книг начитался, наше дело работать и плевать, есть с кем поговорить или нет, нам за работу деньги платят. Ну давай иди, иди, нечего хныкать, еще поспать надо успеть, давай Тимчук, выкинь дурь из головы. Ерунда-то осталось — четыре месяца!

И рыбмастер лег на койку, натянул одеяло до самого носа и закрыл глаза, давая понять, что разговор окончен.

Судно двинулось к югу, стало еще жарче, духота размаривала, люди ходили, как вареные, в каютах включалось до предела кондиционирование, наслаждались холодом, по вечерам, в томительные тропические ночи выходили на бак, смотрели на незнакомые звезды, такие яркие и крупные.

— Ну вот, Тимчук, — сказал рыбмастер, когда вечером после ужина они стояли на баке, — бежать ты хочешь из трюма, а тебе все завидуют, курорт там у тебя.

— Не в этом дело, Васильевич, с ума сойду один, — сказал Матвей.

— Ну опять ты за свое, ты же комсомолец?

— Комсомолец.

— Ну вот, а порученное дело бросить хочешь, другое дело — был бы ты несознательный.

Матвей решил терпеть еще, сколько возможно. Когда ходил с ящиками, думал о локаторах, вспоминал стихи, брал с собой в трюм инструкции и радиосхемы, чтобы читать в свободные минуты. Последнее время он еще больше сдружился с гидроакустиком Димой. Дима даже стал приглашать его к себе в каюту, читал письма от жены, она у него была геолог и писала обо всем очень подробно, но главное то, что Дима научил его настраивать эхолот и сказал, что если не гидроакустик, то уж радист из него выйдет знатный.

В один из дней Матвей увидел, как в трюм, осторожно переставляя ноги, спускается толстый закутанный человек. Матвей бросил короб и подошел к трапу. Когда человек спустился, он узнал его. Это был инженер из лаборатории по научной организации труда.

Он появился на судне недавно, привезли его на шлюпке с другого траулера. Увидеть его можно было везде, всюду мелькал его толстый живот, вываливающийся из шортов, ноги у него были тонкие, и непонятно было, как он держится на них в качку. Когда Матвей спросил у ребят, что это за человек и что он делает, ему сказали: «А помогает, кому делать нечего, это из НОТ».

— А что такое НОТ? — спросил он.

И, когда узнал, не понял, решил, что надо будет с толстяком поговорить, порасспросить его, не может такого быть, чтобы человек ничего не делал.

— Приветствую вас, молодой человек, в царстве холода! — произнес толстяк и протянул Матвею руку. Это было что-то новое, за руку на судне не здоровались, если восемьдесят раз в день руку подавать — надоест.

— Да, молодой человек, надо познакомиться с вашей работой.

Инженер говорил долго, отвечал на все вопросы охотно, от него Матвей узнал, что хочет инженер, чтобы в трюме можно было уложить больше рыбы.

— Понимаете, — сказал гость, — если коробку укладывать на ребро или на основание — большая разница. Вы имеете какую-то высоту трюма, положим, три метра, коробка по ширине — двести восемьдесят миллиметров, а по высоте — двести шестьдесят, поделите три метра на эти размеры и вы узнаете, как вам лучше класть коробку, чтобы по высоте было больше рядов, а если вы сэкономите ряд по всему судну — это тонн пятнадцать.

Инженер вынул метр и стал мерить коробки, Матвей сосчитал ряды. «Как это мне в голову не пришло, — подумал он, — ведь сколько стояли, базу ждали, а если бы раскладывал я с толком, то еще место было бы и можно было работать».

— А тут в углу кницы здоровые мешают, вот если бы их срезать.

Инженер уже начал замерзать и топал ногами.

— Послушайте, а если рыбинсы убрать, смотрите, — сказал Матвей.

— Холодновато, — сказал инженер. Матвею не хотелось, чтобы он уходил.

— Руки очень мерзнут, — сказал инженер.

— Так вот перчатки мои возьмите, я привык.

Но инженер уже пытался к трапу и плохо слышал, что говорил Матвей.

— Вы оденьтесь потеплее и приходите, — сказал Матвей.

— Обязательно, молодой человек, — сказал инженер уже у трапа.

Но ни в этот день, ни в другой он не пришел. Матвей взял у механиков рулетку, промерил все высоты,

делил в уме четырехзначные цифры. И все ждал, когда же снова придет инженер, чтобы показать ему, как в трюме уложить короба, чтобы влезло как можно больше.

Через десять дней, так и не дождавшись инженера, Матвей нашел его в каюте. Инженер лежал в одних трусах, скинув простыню.

Он приоткрыл глаза, увидел Матвея, привстал и сказал:

— Ну проходите, проходите, молодой человек. А я вот приболел, чертова печень, как говорится сам себя надул, врачей обманул на отходе. Вот захотелось все руками пощупать, а сам вторую неделю мучаюсь.

— Что же вы так, — сказал Матвей, — у нас доктор толковый, враз вылечил бы!

— Эх, доктор, доктор. — Инженер вздохнул, накинул рубашку и спросил: — Ну, а у тебя как?

Матвей показал ему свои расчеты. Инженер оживился, взял карандаш, логарифмическую линейку, проверил, похлопал Матвея по плечу:

— Давай, давай, друг, дерзай, это знаешь как пригодится, это экономия, тысячи рублей экономии. Ты и в других трюмах промерь. Вот молодец, вот что значит, мой друг, научно организовать труд!

Теперь Матвей спускался в трюм с блокнотом, рулеткой и логарифмической линейкой. Он рассказывал о расчетах Васильевичу.

— Ну-ну, — сказал Васильевич, — это правильно, теперь не будешь проситься из трюма. А вообще-то, ты поосторожней с этим инженером, знаю я их, намерят, намерят, а потом бах — нормы увеличат. У нас, помню, лет пять назад тоже один тип такой ходил, так тот все с хронометром бегал, а потом радиодиаграмма пришла, по «разделанной» план увеличить на сто тонн, так мы его когда на базу переправляли в сетке, лебед-

182 чик сетку поднял, а назад не опускает, кричит ему:

— Нормы восстановишь старые? А то за борт смайнаю!

Минут десять он его в воздухе держал. Тот кричит: «Жаловаться буду!»

— Не понимаю я, Васильевич, — сказал Матвей, — это же для пользы дела все.

— Для пользы оно, конечно, но и свой карман беречь надо, так что смотри.

Вечером Матвей пошел к инженеру и сказал:

— Давайте мои записи, ребята говорят, что потом нормы измените, не хочу я.

Инженер усадил его в кресло, достал большую банку виноградного сока, угостил, стал объяснять:

— Ну пойми, какие здесь нормы, это для вас же, больше груз возьмете, больше заработаете, не слушай ты никого, парень, а тебе премию дадут за все эти расчеты, на техническом совете выступишь. Я вот вроде уже в себя прихожу, у доктора аллохол достал — вроде помогает, так что скоро вместе будем замерять.

До конца рейса остался месяц, время шло рывками, от груза до груза, от дней удачи, когда трал вытягивался вдоль всей палубы и свисал со слипа тугой, набитый рыбой, до дней пролова, когда вытаскивали почти пустой мешок.

— Ну вот, заработали мы уже по два куска, пора нам и домой, Мотя, — говорил сосед по каюте. — Дашь, наверное, разгон на берегу, все девки на селе твои будут.

— Я мамаше хату куплю, — сказал Матвей, — мне деньги сейчас не особо и нужны, в армию после рейса мне, там на радиста выучусь, вернусь — пойду в море радистом.

— Твой-то инженер уже удрал на базу, надоело ему спать, в трюм небось не спускался, а твоими руками все сделал. Не пойму я тебя, Матвей, вроде ты и не чокнутый, а за других все делаешь, парень что

надо, а без понятия. Отмолотил бы и — на койку, каждому своя работа дана, суетишься ты много. Молодой еще!

— Больной он был, инженер тот, он еле держался, не хотел только говорить, — сказал Матвей, — зря вы так!

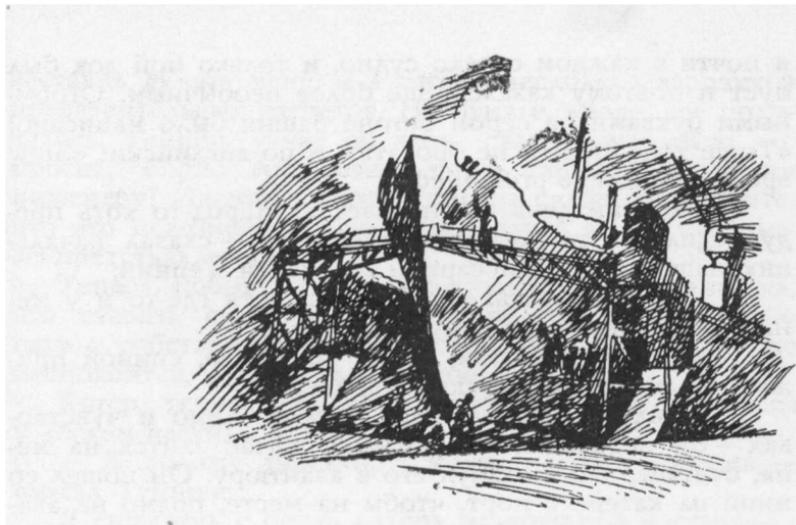
Матвею расхотелось говорить со своим соседом, он смотрел на волны, на проходящие мимо суда и думал о том, как будет он радистом, как лихо будет отвечать: «На приеме Тимчук, как поняли?» А сосед его пусть куски считает, думает, что я глупый, а я мог бы и в институт поступить, да мамку жалко. Я и без института все узнаю, в армии научат, радистом стану.

Остался месяц до конца рейса, скоро уже надо было сниматься с промысла, добивали последний груз, когда на судно пришла радиограмма: «Капитану Кригеру тчк предложению инженера НОТ Курашева трюмного Тимчука обязываю уложить последний груз трюма шестьсот тонн зпт принцип рядов в первом семь на ребро три на основание...», дальше в радиограмме давались все расчеты, которые делал Матвей.

Эту радиограмму показал Матвею технолог. Он пригласил Матвея к себе в каюту и долго молча рассматривал его. Потом выпил стакан сока, пригладил редкие волосы на затылке и сказал:

— Ну-ну, Тимчук! Даешь ты, парень. Здорово придумал! Эх, раньше бы нам такую мысль, сколько бы еще рыбы взяли! Парень ты с головой, хочешь на рыб-мастера выучиться? Рекомендовать буду по приходу!

После разговора с технологом Матвей вышел на палубу, ему не хотелось спускаться к себе в каюту. Редкие крупные звезды вздрагивали в вышине. Белая бурлящая тропка, оставляемая винтом, терялась в темноте, и вдали море методично стирало ее, и волны вдали тоже не были видны, они сливались друг с другом и уходили за горизонт.

ПЯТЫЙ ДОК

Катер приближался к докам. Резкий поворот — холодные мелкие брызги сыпануло в лицо, накренило палубу, и мы вошли в морские ворота завода. Здесь залив образовал круглую бухту, похожую на озеро; вдоль берегов этого «озера» одна над другой, полукругом, как ряды амфитеатра, нависали красные крыши цехов. Все было окутано дымом, и ухал, как живой, копер — это забивали сваи у двенадцатого причала. А сразу за этим причалом в воде — прямоугольники доков, и среди них самый большой, серой глыбой выделяющийся на их фоне, мой пятый док. Отсюда, с залива, доки были похожи на перевернутые буквы «п»,

и почти в каждом стояло судно, и только мой док был пуст и поэтому казался еще более необычным. Огромными буквами на сером бетоне башни было написано: «Тише ход. Якорей не бросать», и по английски: «Slow speed. Anchorage prohibited».

— Рабочий день заканчивается! Народ-то хоть предупредили, а то разбегутся, ищи их! — сказал начальник нашего цеха Виссарион Иванович Тепнин.

— Должны ждать! — ответил я, хотя где-то и у меня было сомнение: а вдруг уже ушли.

Тепнин стоял рядом, почти вплотную, спиной прижался к надстройке, руки — на леерах.

Я видел его сморщенное, усталое лицо и чувствовал — он недоволен поездкой и сейчас злится на меня, считает, что я втянул его в авантюру. Он пошел со мной на катере в порт, чтобы на месте, прямо на аварийном траулере, убедиться: поднять в док этот траулер невозможно, слишком много для этого препятствий.

Траулер «Загорск» притащили в порт буксиры два дня назад, судно едва держалось на плаву. Оно попало в шторм и село на мель у Фарер. Днище было пропорото, бортовые кили оборваны, и попытки откачать воду из танков ни к чему не привели. Траулер срочно надо было поднимать и ремонтировать, но затянуть его в док с оборванными, торчащими киями и отсеками, полными воды, было невыполнимо. Утром, перед тем как нам уйти на траулер, главный инженер встретил меня у переходных мостков и сказал: «Надеюсь на вас, у вас есть инженерные знания; необходимый опыт вы приобрели и, думаю, справитесь с этой задачей».

Для каждого он умел находить такие слова, чтобы одной фразой привести человека в движение, задеть самолюбие, и всегда добивался своего. Тепнину он не 186 сказал ничего, понимал, что тот откажется сразу; он

заставил думать меня, и я сделал несколько вариантов предварительных расчетов. На бумаге, вроде, все получалось. Тепнин, узнав об этом, сказал мне: «Кто вас просил, Борис Андреевич, давать гарантии главному инженеру? Идите в порт и там, на судне, вы увидите, что это невозможно. Зачем вы взялись за то, что плохо представляете?»

Теперь, побывав на траулере, наверное, и он понял, что ставить судно необходимо, не тонуть же «Загорску» у собственных берегов. Во всяком случае он уже беспокоится, остались ли рабочие.

Катер ткнулся носом в кринолин дока, прижался к доскам настила.

— Я доложу директору, ждите нашего решения, — сказал Тепнин.

Я спрыгнул с борта катера на дощатый настил.

На широкой палубе дока валялась свежая стружка и в шахматном порядке возвышались клетки, выложенные из брусьев. Это плотники уже почти закончили стапель для «Загорска» — пока мы спорили в порту, здесь уже началась подготовка к докованию. Мой помощник, Владимир Иванович, ходил между клеток с рулеткой и что-то записывал, в блокнот. Его сухоощавая фигура мелькала среди брусьев.

— Вот, Андреевич, считай, кончили, — сказал он, — так что ждем команду. Не такие суда вытягивали из воды, и с «Загорском» верняк справимся.

— Грузиться надо метров на восемь, на предел, — сказал я.

— Ну и что, иллюминаторы задраим, воды примем, сколько влезет. Что нам переживать? Войдет как миленький. Пустыки!

Я пошел в каюту, чтобы еще раз сделать необходимые расчеты. Я чувствовал неловкость: мне бы сначала убедить Тепнина, показать ему распределение давлений, чтобы он сказал «да». А получилось, что я выско-

чил вперед. Решает в конечном счете он... У него больше опыта, он начальник цеха, а я просто исполнитель. Зачем нарываться на неприятность? Мало ли что говорит главный инженер, есть начальник цеха — ему последнее слово.

Часов в пять позвонил Тепнин и сказал:

— Собирайте вашу команду, срочно будем ставить «Загорск». Приказ директора. Теперь у вас будет время пожалеть о некоторых обещаниях, данных поспешно.

Он был неправ — времени уже не было.

Я надел телогрейку и пошел в пульт собирать ребят. Мимо дока цепочкой уходили домой люди из других цехов, одетые, в плащах, в шляпах; они уже смыли с рук ржавчину и краску, а нам предстояло работать часов до трех ночи, в лучшем случае.

В надстройке у пульта собралась наша команда. Говорили все сразу. Особенно недоволен был боцман.

— Что им приспичило? Ведь каждый раз так! Все время авралим. Меня жена скоро из дома выгонит, — ворчал он.

— Вот попробуй вечером такое судно подними, половина матросов давно разбежалась, — поддержал его моторист.

— Нечего митинговать. Раз судно аварийное — надо ставить, — сказал парторг Виктор Сигов, — только вот жаль, Павел наш в отпуске, а сейчас в отсеках люди во как нужны — опускать будем до предела.

— Надоело все это до чертиков, — сказал электрик Рудик.

— Ладно, помолчи, — оборвал я, — приказ есть приказ, грузить будем по иллюминаторы, надо их все как следует задраить. У пробоин на судне свисают борто-

дется к правой башне. Пусть отдадут швартовы, пора начинать!

Я объяснил суть постановки и то, как придется брать тросами и как вести. На душе у меня было не очень-то спокойно: все-таки через час начнет темнеть, да и команда неполная.

Я позвонил Тепнину, хотел попросить еще людей с буксиров, но Тепнина уже не было. Конечно, он где-нибудь здесь, на заводе, но не хочет вмешиваться и появится на пирсе лишь к утру, когда мы уже выйдем из воды.

Чертовы доки — вечный аврал! Все, кто кончал со мной институт, давно расплзлись по конструкторским бюро, а у меня вот уже четвертый год изо дня в день одно и то же.

Я вышел на палубу башни и отсюда, сверху, посмотрел, как начали отдавать швартовы.

Залив был почти пустыней, лишь изредка по фарватеру проходили суда, повторяя извилистый порядок бакенов. На доке включили прожекторы, машинисты заняли свои места в насосных отделениях.

В тишине вечера мы медленно погружали док, журчала, всплескивала вода, входя в ниши и черной пеленой покрывая палубу; уходили в воду доковые клетки, трещали, всплывая, закрепленные тросами доски, док медленно погружался. Через час окончательно стемнело. Мы приняли воду полностью: островами, длинными и ровными, торчали из воды башни. Дальше док не шел, мы почти сидели на грунте. Все-таки яма для нашего дока маловата...

— Ну вот, Андреевич, нормально в машинах, — сказал мой помощник. — Течи — нигде, ни в одном отсеке, только в компрессорной чуть сочится. Ну это так, пустяки.

Для него все — пустяки. Я попросил боцмана проследить, чтобы наготове были цемент и распоры.

и вот появились буксиры. Еще задолго до этого мы слышали их гудки и пыхтенье. Сразу вслед за ними поползла по фарватеру плоская тень «Загорска», стирая огни деревень на противоположном берегу.

Носовой буксир вошел в пересечение наших проекторов. Беспомощно полз «Загорск» на поводу у буксира, узкий флаг лоцмана повис на мачте. На судне было темно, и казалось, что команда покинула его.

Я подошел к микрофону и крикнул:

— Эй, на судне, готовьте бросательный!

Носовой буксир прекратил работу, серая громада судна двинулась на нас по инерции, где-то позади нее надрывно загудел кормовой буксир. Этот гудок означал: «Одерживаю». Несколько коротких всхлипов носового буксира — и тот замедлил ход.

— Что они там заснули, дятели? — крикнул мне боцман. — Конца подать не могут!

Но вот, наконец, хлопок, как будто пастух ударил бичом, и в воздухе мелькнула выброска — пеньковый тонкий трос с грузом.

— Берегись! — крикнули с судна.

Теперь уже можно было различить матросов на баке.

Вдоль башен ждали наши рабочие. Тихо, слышно было даже в динамиках, как стучат корабельные часы в нашем пульте управления. Сейчас самое главное — вовремя одержать судно, не давать ему навалиться на башню.

— Закрепили?

— Закрепили, — ответили сразу несколько голосов с верхней палубы судна.

Пора начинать выборку. Почему замешкался боцман на той, противоположной башне дока?

— В чем дело, Валя? — крикнул я в микрофон.

— Сейчас, — ответил он хриплым голосом.

Ему не нужно микрофона — просто крикнул вполсилы. Ему все приходится делать вполсилы: ребром ладони он забивает гвозди в сосновый брус.

Я все же нервничаю: главное впереди. Загудел, как шмель, мотор шпиль — начали.

— Валя, пожалуйста, осторожней! Ни в коем случае не наваливай на свой борт, только одерживай.

Мне все время не дают покоя эти кили, торчащие с правого борта «Загорска», они могут свернуть нам клетки. Только бы не поднялся ветер, сейчас нужно вести судно очень точно.

Командует мой помощник, он покрикивает на матросов, особенно его раздражает неповоротливый толстяк Воронов. Я подбежал к ним. Воронов запутался с тросом, тяжело дышал. Втроем мы накинули несколько петель на барабан.

Наконец мы ввели судно, резкий всплеск — это отдали буксирный трос. Носовой буксир развернулся почти на месте и скользнул под тросами между бортом судна и углом доковой башни. Молодец, капитан, отлично проскочил!

Буксир загудел на прощание и растворился в ночи, только где-то за судном еще видны снопы искр его дымовой трубы.

«Загорск» вошел в пространство между доковыми башнями, заскрипели катки швартовых бочек, сдавливаемые бортом судна. Матросы начали опускать мягкие плетеные кранцы. Пятна света от наших прожекторов осветили обшивку «Загорска», помятую и проржавевшую в далеких рейсах, лица матросов, капитана на крыле рубки и долговязого лоцмана в кожаном пальто.

Я пошел в пульт управления, надо было проверить, все ли готово у электриков.

Окна пульта открыты, и по гудению шпильей, по скрипу тросов, по голосам я продолжаю ощущать путь судна. У пульта сидит наш парторг Виктор.

— Ну и боцман, удивляет меня, опять поленился завести дополнительный трос. Ведь это же не просто обычное докование! Здесь, кажется, вот как начеку надо быть! Ну распустился совсем.

— Валя, — спросил я по микрофону, — со среднего завел уже?

— Завожу, — крикнул он.

— «Завожу»! — возмутился Виктор. — Наверное, и не думал!

На судне перенесли трос на корму, передавали его через надстройки.

— Поджимайте к борту, сколько можно говорить! — закричал мой помощник.

Я побежал, перепрыгивая через тросы, туда, где был натянут тонкий стекльня: надо довести судно до него, потом отжать. Прожекторы поймали отвес в перекрестье.

Чтобы лучше увидеть, как движется судно, я встал на переходном мостике. Теперь боцман дал слабинку, мы выводили судно по центру. Виктор из пульта замахал руками, мол, хватит. Терпение. Еще какие-то полметра. Стоп.

Тросы вытянулись. Я видел, какого труда стоило удерживать их. Кряхтел Петров, обеими руками вцепился во вьюшку Воронов, только боцман стоял не напрягаясь, придерживая трос ногой, для страховки он просунул во вьюшку кусок доски. Я подозревал своего помощника, спросил, не было ли где стуков или треска, нет ли течи, и попросил его командовать в носу. Когда я вернулся в пульт, электрики уже включили щит, на котором загорелись зеленые и желтые лампочки. Можно начинать подъем.

Я повернул переключатели, и на всем стометровом пространстве дока начали вращение приводы клинкетов. О том, что они открылись, сообщили лампочки: 192 погасли зеленые, загорелись красные. Щит был похож

на огромное электропианино. Я взглянул на часы, было ровно два часа ночи.

— Дай закурить, — попросил я Виктора. Мне, как всегда, не хватало пачки, и мои пробеги усеяны на палубе окурками «Беломора».

— Побираешься, — сказал Виктор, всунул мне в зубы сигарету, щелкнул пистолетом-зажигалкой.

Я задымил над приборами, вглядываясь в дрожащие стрелки. Виктор выключил свет, чтобы лучше было видно пространство за окнами, где в черной воде втиснулось в док обтекаемое тело судна.

— Ну вот, — сказал мой помощник, входя в пульт, — мельтешили, суетились, все ерунда! Корму прихватило без звука. Не такие суда поднимали, а это что — пусяки.

Он сел за столик и начал с Виктором разговор о картошке, о том, пора или не пора ее сажать и у кого лучше огород.

Медленно шел подъем, кончилась сигарета, заразительно зевнул Виктор. Я вдруг почувствовал, что здорово устал, особенно ноги сдали. Сейчас бы прилечь, вытянуться.

— Холодает-таки, — сказал мой помощник, прикрывая окна.

И вдруг истошный вопль: «Кренимся!» Это закричали на судне.

— Кренится! — крикнул боцман.

Я уже сам увидел, как плоский борт «Загорска» косо надвигался на окна пульта. Неужели все-таки этот торчащий поломанный киль уперся в клетку? Если так, надо срочно погружаться и все начинать сначала, иначе продавит палубу дока. Казалось, что крен достиг предела и ничем уже не остановишь падение, и вот-вот обнаружится хрупкость стекол пульта и малая прочность бетонных башен дока, которые немед- 193

ленно начнут разваливаться. Вот оно — наказание за самонадеянность. Только без паники.

— Сообщите крен, капитан, — стараюсь говорить как можно спокойнее.

— Крен десять градусов.

— Десять градусов — ерунда, — сказал мой помощник, — у нас до двадцати «Полесск» доходил, и то ничего.

— Борис Андреевич, что вы медлите, — крикнул Виктор, — надо срочно грузить док!

— Чего раскудахтался, пустяки, а он орет, — сказал мой помощник.

Все у него пустяки, он видел вещи пострашнее, которые наше поколение представляет смутно: в сорок втором его чуть не расстреляли, в сорок третьем он бежал из концлагеря — после такого можно не нервничать по пустякам.

Да, главное — сохранять спокойствие и не суетиться, люди ждут моего решения. За эти три года они привыкли верить мне так же, как и я им. Нельзя было трусостью подрывать доверие. Прошло несколько долгих секунд. Мы продолжали подъем. Судно начало выравниваться. Сначала незаметно для глаза, потом резкий рывок на другой борт, несколько колебаний, и вот, кажется, все замерло. Так и есть.

— Крен ноль! — крикнул капитан судна.

— Я же говорил, ерунда, а вы — «погружать, погружать»... — сказал помощник.

Он вышел на палубу, я услышал, как он рассказывает матросам, что только он не хотел погружать, а знал «верняком», что все обойдется. Старик хочет подчеркнуть, что он здесь голова и если бы не он — провозились бы до утра. Что ж, пожалуй, он прав.

Вода медленно освобождает борта судна, темная

194 полоса — ее след — все время увеличивается. В свете

прожекторов на участках, вышедших из воды, видны плантации причудливых ракушек. Они еще дышат пористой массой; если ночью их не смыть и не счистить, завтра маляры поломают все щетки у турбинок. Надо будет не забыть дать задание дежурным.

Осталось полчаса простого подъема, у тросов делать нечего, в пульт пришли рабочие палубной команды — поговорить, погреться. Боцман в грязной робе уселся на пол, заснул в углу на вахтенных журналах Загадский — молодой парень с длинными волосами.

— Кимарит, студент лохматый, — сказал мой помощник, — они тут за моей спиной все академии позаканчивали, на работе спят, дома учатся. Им что? Разве они за производство душой болеют... У нас вон, почитай, студентов полдока! Все ученые, а что случится — ко мне.

Очень хочется спать, я только сейчас ощутил, как устал. Хорошо хоть прохладно, летом я сильнее потею, не напасешься рубашек — разлезаются; летом, конечно, труднее.

В пульте все молчали, только мой помощник ворчал, но речь его была привычна, и почти никто не прислушивался к его словам.

— Жалуются, поесть не хватает, чуть что — денег одолжи, а кругом земля пустует! Пожалуйста, паши! Нет, он, лохматый, придет домой, жену под ручку — и загорать на озеро. Конечно, так жить трудно, а ему лишь бы джинсы с этикеткой да свитер заграничный. Вот у меня еще картошки навалом, капусты, огурцов, помидоров, мне что в магазине — хлеб да сахар купить. А такие, как они, и бегают с места на место. Надо честь свою рабочую блюсти, а они ищут, где легче! Хитроваты все!

Спокойствие нарушает голос Питилимова, он говорит по микрофону из шпилевой противоположной башни дока.

— Борис Андреевич, докладывает Питилимов! Вы меня хорошо слышите? Это я, Питилимов!

— Да, хорошо! Что случилось?

Боцман прыснул, засмеялся Петров, все ждали привычных нелепостей. Прикрыв микрофон ладонью, я спросил у помощника:

— Кто это догадался пустить Питилимова в шпилевую к микрофону?

— Я, когда уходил, закрыл ее и связь отключил, — сказал боцман.

— Борис Андреевич, — продолжал Питилимов, — я бревно отталкиваю, оно попало на кабель и чуть высокою сторону не отключило. Вы слышите меня?

Смех в пульте смолк. Не хватает нам остаться без питания.

— Как бы его там током не долбануло... — сказал мой помощник. — Пойду посмотрю.

— Вы слышите меня, это я, Питилимов, — снова раздалось из динамика.

— Вы молодец, Питилимов, наблюдайте внимательно дальше, — ответил я.

Через несколько минут возвратился Владимир Иванович, махнул рукой, заворчал:

— Бревно, бревно... Щепку какую-то зацепили, я там трансляцию совсем вырубил.

Не знаю, что делать мне с этим Питилимовым. Он электрик, низенький, с лысой бугристой головой, выдумщик и враль бесподобный. Обычно его место в пульте, но здесь он всем мешает, над ним смеются, подковыривают его, но он не замечает. Чтобы оградить его от насмешек, я при доковании посылаю его на противоположный борт дежурить у щита, но, к сожалению, он не выдерживает одиночества, добирается до микрофона и начинает регулярно сообщать по трансляции

196 все, что видит. Это вызывает бурные взрывы хохота,

а так как динамики слышны хорошо на берегу, то ё рабчее время у дока собирается целая толпа.

Я вышел из пульта на палубу. С «Загорска» уже начали отдавать тросы, они теперь лишние — никакой силой не разъединишь судно с доком; весом в две тысячи тонн «Загорск» нажал на клетки и присосался к ним.

Вода отступила, показались внизу доски и стапель-палуба. Те, у кого хорошие резиновые сапоги, начали пробираться вниз. Я тоже не выдержал.

— Посмотри здесь, — попросил я помощника и спустился по трапу, стараясь не задеть поручни, покрытые илом и мазутом.

Внизу осталось совсем немного воды, я перекинул доску и прошел по ней под днище судна. Было совсем темно, я ощупал кильблоки и убедился, что зазора нет и судно село отлично.

Я пробирался, согнувшись в три погибели, под днищем от клетки к клетке. Грязные холодные капли проникали за шиворот, вода стекала по палубе, журчала в нишах. Насосы выбрасывали ее остатки из дока, они уже работали с надрывом, хватая воздух.

Вот и пробоина — вода хлещет из нее, кили искорверканы, изогнуты, но прошли хорошо, ничего не задела, нам повезло.

— Корюшка, ребята, кидайте сюда ведра! — слышу я зычный голос боцмана. Действительно, как я сразу не заметил: на палубе полно корюшки — глупый косяк зашел в док. Я зачерпнул полную горсть скользких трепыхающихся рыбешек, они пахнут свежими огурцами. Рыбешка хрустит под ногами — так ее много. В темноте бродят люди, набирают полные ведра, кастрюли. Слышатся крики:

— Сюда, сюда!

— Давайте доски, загородим ниши.

— Вася, куда ты там пропал? У меня уже ведро полное!

Смолкли насосы, на левой башне зазвонил кран — это повезли трап на «Загорск».

— Майнай помалу, Клава! — крикнул боцман краповищице. — Помалу!

Я прошел в корму. Лопасты винта «Загорска» исковерканы, одна наполовину обломана, руль висит буквально на ниточке. Как они еще умудрились дойти сюда...

У винта стоял капитан «Загорска», смотрел и охал.

— Надо отметить такое дело, — сказал он, — пошли, докмейстер, у меня уже стол накрыт.

— Не могу, — сказал я.

— Ну, это не по-морскому.

— Людей надо развезти домой, ошвартоваться...

В дежурную машину — полукрытый газик — с трудом уместилась вся команда.

Мы мчались по ночному городу. Изредка дробь кулаков сотрясала кабину, тогда шофер тормозил, и один из нас соскакивал у своего дома.

Город молчал, во всех окнах был погашен свет.

— До завтра! — крикнул я, спрыгнув на повороте у парка.

Я прошел в густой темноте через парк по шуршащей листве, мимо аттракционов, качелей и заколоченного летнего кинотеатра. Узкий серп луны скользил за тонкими стволами, видны были редкие звезды, впереди светило единственное окно — окно моего дома.

— Наконец-то, с ума можно сойти! — встретила меня жена. — Уже четыре часа, я просто места себе не нахожу! Что за работа у тебя, и как не надоеет такое!

— Понимаешь, — ответил я, стаскивая промокшие ботинки, — днем у нас не получается, у производства

— Я этого не понимаю, — продолжала она, — перешел бы в институт, как Марчевский или Харин, тебя ведь тоже звали, и перспектива там, и спокойнее.

— Вот спустим «Загорск», и перейду, — пообещал я, разделся и, едва коснувшись подушки, заснул как убитый.

Первый день после докования, как всегда, самый напряженный, люди не успели выспаться, а работы по горло. Надо и пар на судно подать, и воду, и леса вокруг судна построить, чтобы можно было малярам чистить и красить подводную часть, и организовать работу на шпилях, чтобы помочь снять винт и руль; и кран в первый день нарасхват — всем все подай, и все в первую очередь, все срочно.

Конечно, за вчерашнюю работу вроде положено было бы взять отгул, выспаться хорошенько, но на доках все знают — придет время, все наладится, отдохнем, а в первый день надо на совесть поработать и обеспечить фронт работ другим цехам.

Для докмейстера этот первый день самый трудный. Начальство, разные комиссии, дефектовщики, строители — все требуют чего-то своего, и со всеми надо переговорить, всем доложить, всех успокоить.

Пока шел от проходной к пирсу, я обдумывал, что и как сделать, и все ругал себя, что не сумел проснуться хотя бы на полчаса раньше. Был бы тогда запас времени до прихода начальства, возможность все спокойно осмотреть и проверить: как судно село, не нужно ли где клетки подклинить и килевую подбить.

Издали с переходных мостиков судно в доке напоминало стального кита: круглые развалы бортов, сморщенное от ракушек днище. Прежде чем подняться к себе, я прошел вдоль дока и осмотрел клетки. Работа была чистой — судно стояло точно по центру.

На доке, в дежурке, полно народа — дымят, набираются тепла перед тем, как начать работу. Слушают Питилимова, тот рассказывает о счастливых днях своей жизни на Кавказе, о сказочном доке в Батуме, где он когда-то побывал в командировке по обмену опытом.

— Разве в Батуми делают леса на доке? И не думают. Там специальная бригада плотников есть! Не верите? Человек сорок! Они и леса делают, и док подмечают. Там дежурят не как у нас — один человек, а по десять на вахту! А у докмейстера там будка — будь здоров! Он на палубу-то выходит может раз в месяц, не больше...

Я давно заметил, что в каждом питилимовском рассказе о необычном батумском доке со временем возникают все новые и новые подробности. Вот и сейчас Питилимов под общий хохот сообщает, что там на доке выдают бесплатную форму.

Все уже давно знают его рассказы и о том, как он командовал десантом, и как обучал новобранцев, и как руками поймал лису.

Правда, человек он очень добросовестный, всегда остается на доке позже всех. Если что-либо вышло из строя, по собственной инициативе может провозиться всю ночь, и главной наградой для него будет то, что утром он похвастается: вот исправил, теперь все в порядке. И когда его пошлешь отдыхать, устало махнет рукой и скажет: «Тут еще работа есть, нельзя мне уйти». И если бы при своей добросовестности он еще хоть что-нибудь умел делать, то цены б ему не было. Но он вечно все перепутает, и больше всего я боюсь, как бы он не влез под напряжение.

Рассказ Питилимова прерывает телефонный звонок, я беру трубку и слышу голос Тепнина. Молча слушаю 200 шаю его и думаю: «Где же вы были ночью, Виссарион

Иванович? Знаю, ведь тоже не спали, боялись, как бы чего не случилось, а вот сейчас, под утро, собираетесь домой, чтобы лишних вопросов не выслушивать».

Конечно, ничего такого я не сказал, но он будто подслушал мои мысли:

— Знаете, устал я за ночь, дома еще не был. Вы уж тут покомандуйте сами, но смотрите, чтобы задержки не было с лесами, всех гоните на леса, а то они пользуются вашей мягкотелостью, отсиживаются, а ведь это из-за вашей затеи нас леса заставили делать, так что выкручивайтесь, Борис Андреевич.

— Люди устали.

— Ничего, потом отдохнут.

Мне хотелось сказать в ответ что-нибудь дерзкое и напомнить, как боялся он «Загорска», но он старше меня, кругом люди, я промолчал и положил трубку.

Было без пяти восемь.

— Ну что ж, парни, — сказал я, — пора начинать. Поработаем сегодня хорошенько, и чем быстрее все сделаем, тем легче потом будет. Надо братья за леса, выставить их сегодня хотя бы в корме. Пусть мотористы выделяют трех человек, и от электриков — двух. Плотников дают, но только четыре человека, надо будет поработать.

— Все из-за этой чертовой механизации, — буркнул боцман, — выдумали себе на голову.

Это тоже камешек в мой огород.

— Ничего, — сказал Владимир Иванович, — наладим машины, сами будем только сверху поглядывать.

— Пока вы наладите, а теперь вкалывай, — не унимался боцман.

— Валентин, вы должны народ организовать, а не вставать в позу, — заметил Виктор Сигов, — никакой сознательности.

— Пошли с нами вниз, поносим доски на горбу, — сказал боцман Сигову, поднялся с пола, надел рукавицы и крикнул: — А ну давай из дежурки, курить с утра вредно!

Я понимал: сейчас они все думают, что им придется делать леса из-за меня. Ну что ж, я пожинаю плоды своей рационализации.

Мне всегда бывало не по себе, когда я смотрел, как работают в доках плотники, сколачивают из досок громоздкие леса, окружая корабль настилами, как таскают шестиметровые штаги, подают наверх доски. Досок приходилось подвозить машин пять — не меньше, а перед спуском судна надо разобрать настилы, и все это в спешке, в последние часы. Разбирать настил аккуратно некогда, и вот затянут его тросом, рванут шпилем — леса падают, как карточные домики, разлетаются с треском и хрустом. Плотники — люди привычные, делают свою работу весело, с шуточками да прибаутками, а мы, когда приходится им помочь, с непривычки еле двигаемся. Я как-то потаскал штаги, так потом целый день руки дрожали.

Помню, именно в этот день меня поддел Сидорчук — однорукий бригадир плотников.

— Вот, Андреевич, век атома, механизация простая, нажал на кнопку, взвалил на плечо и попер — аж спина мокрая. Вы в институте, может, что проходили. Я вот слышал — есть леса металлические, башенные... вроде разные уже придумали?

И начальник наш Тепнин сказал на диспетчерской:

— Неужели ничего придумать нельзя, чтобы такой идиотский труд устранить?!

И вот придумали мы. Вернее, не мы, а один парень из Таллина. Рассказал нам об этом наш строитель. Побывал он в Таллине в командировке, узнал там про са-
202 моходные леса и чертежи с собой взял, и, когда услы-

хал, что мы начали подобные леса у себя делать, пришел ко мне, выложил чертежи на стол и сказал:

— Вот, Андреевич, штучка, я тебе доложу. Леса на колесах. Никаких тебе забот, только руль верти. Давай вместе предложение напишем. Такие леса сделаем — закачаешься. Материал любой достану. По рукам?

И кончилась наша спокойная жизнь, всем доком принялись мы за самоходные леса: кто редуктор притащит, кто уголок, кто передачу, кто руль.

В гараже на нас косо поглядывать начали. Необходимы нам были старые машины, списанные. Дописали мы тогда третьим автором в рационализаторское предложение начальника гаража, и он сразу три списанных грузовика нам дал.

И вот через месяц у нас на стапеле дока уже стояла самоходная башня, на остов машины были наварены металлические раздвижные площадки, которые вынимались со страшным скрипом, вместо привода вставлялась воздушная турбинка — и наша огромная телега, тархтя и громяхая, медленно двигалась по бетонной палубе. Это было сооружение, не уступающее троянскому коню. На доке собралось полно людей. Рабочие уселись на брусьях клеток, обсуждали наше детище, давали советы.

Боцман в нужный момент подталкивал машину плечом, и она двигалась дальше. Сияющий и гордый, сидел за рулем Владимир Иванович. Плотники бросили работу на соседнем доке и пришли посмотреть на чудо, несущее им освобождение. Сидорчук прыгал от восторга.

Наконец настал торжественный день, мы подняли в док плавбазу «Александр Матросов». На планерке я сказал:

— Мы отказываемся от постройки лесов по правому борту, правый борт будут обслуживать самоходные леса!

— Молодец, Андреевич, молодец, — сказал Тепнин, — я давно говорил: стоит только хорошенько подумать, и все будет в порядке.

А утром на док пришли маляры. Моросил мелкий непрерывающий дождь. Маляры сбились в кучу, спрятались от дождя в доковой нише, наладили свои турбинки, потом позвали меня. Я спустился вниз.

— А где же леса? — спросил мастер маляров Васильев. — А?

— Теперь не надо лесов, — ответил я. — Смотри, видишь эту машину? Садитесь, на нее, влезайте на площадки и езжайте вдоль судна, куда хотите, ясно?

Васильев вышел из ниши, посмотрел на машину, обошел ее со всех сторон и сел за руль; я включил турбинку, и машина двинулась.

Поначалу малярам это понравилось, они влезли на самоходку и начали ездить вдоль борта судна. Я научил их управлять машиной и ушел. Через два часа шум турбинок подозрительно смолк.

Я спустился вниз. Около судна галдели маляры в куртках, заляпанных краской, с лицами, покрытыми ржавчиной; черные, как негры, они скалили белые зубы и проклинали самоходные леса.

— Чтобы у того рот на пятке вырос, кто их придумал, чтобы ему — как есть, так разуваться! — кричал рыжий маляр в белой косынке.

— Кишки с ними надорвешь! — поддерживал его другой.

Когда я подошел, они на минуту замолкли, а потом обрушились на меня.

На деревянных лесах они передвигались свободно, а теперь им приходилось возиться с нашей машиной: одному сидеть на руле, другому включать воздух, а они сдельщики, им каждая минута дорога.

— Ладно, — сказала я, — на передвижение машины и 204 подключение я дам своих людей, доковых.

На диспетчерском совещании Тепнин сказал мне:

— Не имела баба хлопот, купила поросю, проявила инициативу!

И вот сегодня опять эти леса. Я уже устал от упреков, но мой помощник не унывает, он упрямо продолжает таскать из гаража детали для второй самоходки.

Я успел побывать на «Загорске». Подключили на судно пар. Пришел Шкворев, его назначили на это судно строителем. Мы спустились вниз, чтобы организовать работу. Ребята наши заканчивали леса в корме, с криками поднимали они здоровенные штаги. Я бы хотел превратиться в человека-невидимку, когда мы проходили мимо них, но, увы, боцман заметил меня и закричал:

— Где плотники? Сидорчук где? Спит, наверное, на втором доке, вы их пошевелите, Андреевич!

— Давайте с одного борта все-таки самоходку пустим, — сказал я Шквореву.

— Что ты, ни в коем случае — сорвем работы! Я не могу это разрешить.

— Но ведь вы же соавтор, как вы можете так, это же наше общее детище.

— Ну, вы меня не впутывайте — у меня сроки сжатые, всего неделя.

— Ох, и иуда же ты, Шкворев, — не выдержал я.

— Чудак, — ухмыльнулся он, — чего мельтешишься, деньги за рацпредложение мы получили, чего же тебе еще надо! Сдай самоходку в металлолом — и порядок!

Чтобы не наговорить грубостей, я ушел от Шкворева под днище судна, видеть я больше не мог своего соавтора.

А вечером бригадир плотников Сидорчук не поздоровался со мной. Я окликнул его, он потоптался на месте, сунул единственную свою руку в карман, сплюнул сквозь зубы и сказал:

— Эх ты, новатор!

Я не понял сначала, какая муха его укусила, но, когда он сказал, что из-за моих лесов сокращают плотников, я готов был провалиться сквозь землю.

— Вот так, — сказал он, — заварили кашу, куда я теперь людей дену? Ведь живые люди! И ребята все как на подбор!

После работы говорили обо всем с Владимиром Ивановичем и Виктором. Сигов был настроен бодро.

— Вы, Андреевич, только носа не вешайте! Одного леса экономию дадим — на целый год хватит! Машины эти надо делать, и на всех наплевать, а своего добиться. Иначе грош нам цена! Тепнина я возьму на себя, чтоб он палки в колеса не совал.

— Пойду я, — сказал мой помощник, — закреплю нашу самоходку цепью, да дежурных надо встретить...

Док — это сложное сооружение, и на нем все время должен кто-нибудь находиться. Поставили мы судно, разъехались по домам, а какой-нибудь клинкет закрыли неплотно, пойдет потихоньку вода, начнет док крепиться, судно может завалиться. Да мало ли что может случиться — всего не предусмотреть. К тому же и в ночную смену часто бригады работают, особенно перед сдачей судна. Поэтому самых опытных механиков мы ставим на дежурство. Хотя раньше другой был порядок, а вернее, порядка не было. Раньше на доке оставляли на ночь по одному дежурному, но однажды я узнал, что электрики, уходя с работы, вынимают вставки питания пульта. Выходит, что при аварии даже воду не откачать. Меня тогда это поразило. «И давно так?» — спросил я у своего помощника. «Да нет, Андреевич, лет пять, но оно, видишь, дежурные балуют. Вот был у нас один парень, хотел доказать, что все умеет, и давай ночью доковаться, клинкеты пооткрывал, тренируется, чтоб, значит, потом показать, какой 206 он умный. А утром приходим — док раком стоит,

хорошо — пустой, без корабля». — «Выходит, мы дежурных зря держим!» — возмутился я. «Как зря, — ответил он, — в случае чего вызовут нас, а сами они все равно никуда не годятся. Возьми, кто у нас в ночь? Пенсионеры! Я сто раз говорил, надо, чтоб сильные механики дежурили и электрик».

В тот же день мы переделали график дежурства, и работать нам стало спокойнее. Дежурные за ночь многое успевали. Взять хотя бы очистку судна: по свежему наросту, сразу после докования водой под давлением так обрабатывают борта, что и чистить почти не придется.

Вот и на «Загорске» хорошо потрудились дежурные ночью, но ракушки остались, особенно в корме. Второй день весь ушел на зачистку.

К обеду мы закончили леса, и док наполнился жужжанием турбинок. Столбы оранжевой пыли от счищаемой ржавчины поднимались над доком, солнце казалось сквозь их пелену маленьким и тусклым.

Весь день меня преследовал шум. Никуда от него не денешься. Даже при плотно завинченном иллюминаторе внутрь каюты проникает треск сварки и грохот кувалд, а когда сверху по палубе идет кран, все ходит ходуном. Да и в каюте долго не просидишь. Докмейстер нужен то тут, то там — бежишь вверх, потом вниз, под днище, опять наверх, вниз, в моторное отделение, и так весь день.

К вечеру поднялся ветер, док раскачивало и то отжимало от пирса, то с силой надвигало на палы; вода, врываясь в ниши, смешивалась с пылью и превращалась в липкую жижу. Меня позвали на пирс. Там стояли наш начальник Тепнин и бывший начальник, теперь заместитель главного инженера, Курагин. Мне не хотелось спускаться вниз, а им — подниматься на док. Мы обьяснились жестами.

Курагин, казавшийся рядом с Тепниным особенно большим, пытался перекричать вой турбинок.

— Воздуха, воздуха мало! — кричал он. — Дай давление, компрессор запускай! — Он вращал рукой, как будто заводил машину.

Тепнина совсем не было слышно.

— Дядя Федя еще не пришел, не пришел! Некому на компрессоре стоять, некому! — пытался объяснить я.

Тепнин показал руками, как набирают номер телефона, и я пошел в пульт ждать звонка.

Дядя Федя, дежурный по доку, уже сидел на диване и чистил мерную линейку. Он, как обычно, пришел на час раньше. У него короткая челка, как у мальчика, и глубоко спрятанные голубые глаза, а лицо сморщенное, острые скулы обтянуты желтой кожей. Он никогда не сидит без дела. Вот и сейчас, не отрываясь от работы, курит крепкие «армейские» сигареты, даже дым от которых кружит голову.

Всех рабочих старше пятидесяти, если их уважают, у нас называют дядями: дядя Ваня, дядя Саша, дядя Федя. Только Пастухова зовут «Шмагой», потому что он такой же шалапут, каким был в молодости. По вечерам, когда засыпает наш поселок, Пастухов с затрепанной гармошкой на плече появляется у магазина. Я выхожу на балкон и вижу, как он шатается, как тяжесть гармошки сгибает его, а он своим хриплым голосом помогает осипшим мехам. Его не называют «дядя Саша», и он часто жалуется Федору Петровичу: «Ну скажи, почему я «Шмага»?»

Дядя Федя без дела сидеть не может, вечно что-нибудь чистит, собирает, подвинчивает. Он не любит, чтобы каждый так запросто звал его дядя Федя, и тот, кто хочет, чтобы он что-то сделал, обращается к нему не иначе, как «Федор Петрович».

Он выглядит старше своих лет, и даже короткая 208 челка не молодит его. Оттого, что он все принимает

близко к сердцу, морщины не оставили на его лице гладких мест.

— Здравствуйте, Федор Петрович, — говорю я. — Что, решили замеры сделать?

— Да, надо проверить, — отвечает он, — не очень-то я доверяю Пастухову, большой фантазер он.

— Компрессор придется погонять. Судно и во вторую смену чистить будут.

— Да, вечером давление падает, — соглашается он и вынимает из сумки приготовленную на ночь еду в целлофановых пакетиках.

С дядей Федей у меня связана история с «турецкими заказами» и первый неприятный разговор с Курагиным. «Турецкими заказами» на доке называли изготовление и ремонт всяких мелочей: у нас ремонтировали замки, утюги, навивали спирали, исправляли телефоны, динамики, газовые колонки, выпиливали ключи. Но после того как дядя Федя взбунтовался, «турецкие заказы» резко сократились. И теперь, даже если мне самому потребуется сделать ключ, я остаюсь после работы, зажимаю в тисках заготовку и вожу напильником, набивая мозоли, которые у меня не успевают сходить. Дело в том, что рассеянность моей жены может сравниться только с рассеянностью гения, и ключи она теряет очень часто.

— У тебя полно специалистов по ключам, — говорит она в ответ на мои укоры, — ползавода делает ключи. Тебе ничего не стоит, вон дядя Федя может сделать ключ за пять минут.

Жена права, дядя Федя — большой мастер, у него всегда есть масса заготовок, целый набор надфилей, и если он сделает ключ, то его уже подгонять не придется, — войдет в замок, как в масло.

— Оставь, — говорю я Зине, — ключи у нас каждый делает сам, даже Курагин.

И мне вспоминается холодное осеннее утро, когда крановщица передала мне ключи с никелированным брелком и клочок бумаги, где рукой Тепнина было написано: «Изготовить в срочном порядке, поручите дяде Феде». Я позвал Федора Петровича и показал записку. Тот молча взял у меня ключи и ушел. «В конце концов, надоело», — возмутился Виктор Сигов. «Тут на два дня работы», — сказал Владимир Иванович. А вечером дядя Федя сказал мне: «Потерял я ключи, стар стал, вот и выронил за борт».

Дядя Федя переделся и пошел в компрессорную. Уже в каюте я услышал, как затарахтел компрессор, а по шкале манометра увидел, что давление поднялось до четырех килограммов. Когда позвонил Тепнин, я доложил:

— Давление в норме.

— Кстати, — сказал Тепнин, — я подготовил приказ об увольнении вашей крановщицы.

«Почему об увольнении?» — подумал я. Рапорт на крановщицу я подал совсем недавно и просил просто перевести ее на другой док.

На доке у нас два крана, две смены и, значит, четыре крановщицы. Моряки говорят, что женщина на судне приносит несчастье. Док хотя не самоходное, но все-таки судно. А у нас пять женщин (пятая — уборщица, жена Виктора Сигова). Но чего стоит одна Зося! Работать она умеет, и ее не надо уговаривать задержаться, если нужен кран. Но случается, кран необходим позарез, а она как сквозь землю провалилась. Приходится обегать весь док и судно, пока не отыщут Зосю с пилкой для ногтей в какой-нибудь каюте и не водворят на кран. А там у нее филиал рекламного бюро — фотографии из фильмов, плакаты, картинки из журналов мод. Зосе восемнадцать лет, она самая общительная из крановщиц. Моряки с ремонтируемых судов подол-
210 гу смотрят ей вслед. Она знает об этом. И забирается

она на кран по вертикальному трапу медленно, как бы нехотя.

Месяц назад, когда я подписывал ведомость на распределение премий, Тепнин приписал в нее и Зосю.

— Нельзя ей давать, Виссарион Иванович, — сказал Сигов.

Я поддержал.

Но Тепнин не стал слушать наших доводов.

— Напрасно вы женщин обижаете, — сказал он.

— Плюньте, — сказал Владимир Иванович. — Если она премию получит, ее другие крановщицы с дока выживут.

Он оказался прав. После выдачи премии ко мне прибежала главная наша крановщица, невозмутимая Тоня Крюкова, и говорит:

— Убедитесь сами, кто как работает! Ее по всему доку ищут, а она в душевой прохладается.

Тут я не выдержал:

— Постыдитесь, Крюкова, это же ваш товарищ по работе! Кран у нее в порядке, работать она умеет и работает безотказно.

— Вот-вот, умеет, безотказно! — возмутилась Крюкова. — Курагин ее вечно выгораживал, и вы туда же!

Я вышел из каюты, прошел мимо жилых отсеков к раздевалке и остановился перед душевой. Дверь была приоткрыта, и я увидел Зосю. Закинув руки за спину, она застегивала бюстгальтер, мокрые рыжие ее волосы расплзлись по крепким загорелым плечам.

— Нашли время мыться, где ваше рабочее место?! — закричал я, не сразу сообразив, что нелепо говорить с полураздетой женщиной о дисциплине.

Вернувшись в каюту, я написал Тепнину рапорт с требованием немедленно перевести Зосю с дока. Владимир Иванович сидел рядом, листал журналы по техосмотру кранов и говорил, что, конечно, терпеть такое безобразие нельзя, но вряд ли что у нас получится.

Я ворвался в кабинет Тепнина. Тепнин говорил сразу по двум телефонам. Я сунул ему на стол рапорт, и он, продолжая что-то говорить, принялся читать. Сначала он успокоил телефоны, пообещав, что все будет улажено, потом еще раз перечитал рапорт и сказал:

— Надо человека перевоспитывать. Работать с людьми надо, ясно?

— Почему вы ее боитесь наказывать!

— Не кипятитесь, Борис Андреевич, не советую.

Когда я вернулся на док, мой помощник сказал:

— Я так и знал, нет хуже, как иметь дело с бабами, горе они наше. Я бы лично так сделал: мужику зарплату добавил, а баб всех сократил, пусть дома сидят, по хозяйству смотрят, и дома будет порядок, и тут шума меньше.

...И вот теперь, оказывается, приказ на увольнение Зоси готов, и мне, честно говоря, не по себе. И совсем непонятно, почему Тепнин, недавно записавший Зосю в ведомость на премию, вспомнил вдруг о моем рапорте? Этого только не хватало, чтобы из-за меня уволили человека.

«Загорску» предстояло надолго застрять в доке. Надо было сменить часть обшивки в носу, залатать пробоины, к тому же гребной винт свезли на реставрацию в механический цех, а в блоке двигателя обнаружили трещину. Для нас, доковиков, наступили сравнительно легкие дни. Единственное, что нам портило жизнь, это западные ветры, которые у нас называются прижимными, потому что они поджимают доки к берегу. Эти ветры приносят городу дожди, а нам — целые флотилии бревен, которые бесконечным потоком плывут к заводу от целлюлозно-бумажного комбината. Бревна заполняют пространства между доками и судами, около них скапливается мазут, пожарная охрана запрещает свар-

Сегодня, когда я шел на завод в общей цепочке людей через большое поле с белыми цистернами по краям, я тщательно смотрел на длинную трубу в надежде на отжимной ветер, но дым из трубы по-прежнему тянулся к востоку.

Утоптаннные тропинки пересекали уже зазеленевшее поле. Утром людской поток на них не прекращается — идут люди из рабочих поселков. Поселок, в котором я живу, называется Кульчино, это странное название не зафиксировано ни в одном справочнике, но, если спросите, где Кульчино находится, у нас в городе каждый разъяснит, как найти дорогу в поселок.

Дома в Кульчино двухэтажные, с шиферными и черепичными крышами, и столько зелени, что они буквально утопают в ней, а сейчас, когда расцвела вишня, весь поселок наш в белоснежном наряде.

Мне, как молодому специалисту, дали здесь комнату и уже третий год обещают квартиру в городе, а я обещаю жене, что вот-вот мы переедем, хотя сам не очень рвусь в городской шум и сутолоку, и, если бы мне дали отдельную квартиру в поселке, не отказался бы. Но жена устала ждать.

— Что ж, если не дадут, скорее решимся уехать отсюда! А то можно подумать, что твои доки медом намазаны, что ты оторваться от них не можешь.

Утром я увидел, что бревен, по сравнению со вчерашним, не убавилось. Вдоль пирса бродили ночные дежурные с длинными баграми и проталкивали бревна; на всю мощь работал катер, упираясь носом в пирс; скользкие бревна устремлялись в поток, рожденный винтами, но как только катер прекращал работу, бревна тянуло назад.

Я сказал моему помощнику:

— Владимир Иванович, надо выделить четырех человек отгонять бревна, смотрите, сколько скопилось 213

между ними мазута, придет пожарник — скандала не миновать.

— Что, Андреевич, у нас своей работы мало? — ответил он. — У нас ее по горло — котлы Регистру надо сдавать, системы прохудились совсем... Куда это годится? Что мы на бревнах работаем...

Он отнекивался долго, потом выделил все-таки четырех парней из машинной команды и сказал им длинную яркую речь:

— Если по-хозяйски, то здесь так чисто можно сделать, купаться будете. Чего ухмыляетесь? Я помню, мы в этом заливе купались, ныряли прямо с дока, а сейчас попробуй нырни — век не отмоешься! И куда только смотрит директор бумажного комбината! О чем думает капитан порта? Можно поставить боны? Можно. За то, что топливо сливают, штрафовать нещадно. Государственное добро между пальцев течет! На месте директора я бы их так пропесочил — они бы на задницу сесть боялись, а то каждый, кому не лень, старается ночью мазут спустить. Без штанов таких надо оставлять! Да дай мне бригаду, я за два часа эти бревна выловлю и куда надо доставлю — только заплати.

— Правильно, — сказал я. — Вот и будешь начальником по очистке акватории.

И он ушел впереди четырех парней с длинными баграми, напоминающими копыя, а я решил сверить доковый чертеж для плавбазы «Заполярье» с теоретическим.

В каюте я плотно завинтил иллюминатор: жужжание турбинок, треск сварки и грохот кувалд — все стало глуше.

Я развернул чертежи, взял циркуль и стал всматриваться в плавные обводы миделевого шпангоута: все сходилось, не хватало только размеров четвертой кормовой клетки. Можно было бы посадить судно и без нее, но осадка у «Заполярья» большая, а доковая яма

У меня самая большая каюта, здесь я собираю совещания, делаю разборы докований; есть диван, где можно ночью вздремнуть, если ждешь судно, есть кульман — можно чертить; на полке — куча учебников и справочников, все под рукой. Получу ли я в другом месте такие условия — не знаю.

Ко мне часто приходят друзья. Андрей, из технического отдела, обычно сидит и курит молча, я не беспокою его расспросами, я знаю, что даже в эти минуты отдыха он что-либо обдумывает.

Мы приехали сюда после окончания института втроем — Андрей, я и Котов. Раньше, когда Котов работал в нашем цехе, в ОТК, они с Андреем часто и подолгу спорили здесь, у меня в каюте. Потом Котов уехал в Таллин. И сейчас мы с Андреем очень остро чувствуем, как нам не хватает его.

Мне захотелось убедиться, правильно ли я сделал расчет, и я поговорил с Андреем по телефону, но у него, видимо, полно дел, и он пообещал прийти завтра.

От работы оторвал звонок Тепнина.

— Непорядок с бревнами! — раздраженно сказал Тепнин. — Сам директор меня отчитал. Особенно из-за вашего дока! Срочно примите меры.

— Я послал помощника и выделил людей.

— Вы должны лично заняться этим.

— Я не для этого здесь.

— Много рассуждаете, — сказал он и положил трубку.

Я прошел на пирс.

Метрах в десяти за доком двигались две шлюпки, в одной сидел мой помощник, в другой — боцман. Они волокли сеть. Сначала я подумал, что они ловят рыбу, но потом понял, что они окружают сетью бревна и оттаскивают их на тот берег. Когда они вернулись, я тоже влез в шлюпку и совершил путешествие на противо- 215

положный берег. Сеть была выдумкой Владимира Ивановича.

Мой помощник прошел суровую школу жизни. Образования у него нет, до войны он едва успел окончить курсы трактористов, как пришлось взяться за винтовку. Пятнадцатилетним пацаном ушел в партизаны и там прославился как ловкий и незаменимый разведчик. Его схватили в родной деревне по доносу полиция, и, приговоренный к расстрелу, он провел страшную ночь в подвале комендатуры, а под утро нашел силы выломать решетку и, протиснув свое истощенное тело между сломанных прутьев, бежал. Обо всем этом я мало знаю, потому что Владимир Иванович не любит мрачных воспоминаний. Охотнее он рассказывает о наступлении в Пруссии, о том, как им однажды досталась цистерна спирта и еще как после легкого ранения его оставили в тылу комендантом небольшого хутора, на котором жили одни женщины.

...С бревнами мы покончили — перемазались все основательно, но зато около доков стало много чище.

— Теперь еще боны заградительные поставим. Надо будет дежурным сказать, чтобы они сделали, и тогда полный порядок, — сказал боцман.

— На сегодня хватит, пошли в душ, — предложил Владимир Иванович.

Душ — это его гордость, три раза переделывал он нашу душевую, пока не добился идеального решения.

— Пошли, — соглашаюсь я, — не идти же в таком виде домой!

После парилки сидим у меня в каюте.

В иллюминатор видны свежевыкрашенные суда, залив, и слышно, как кричат чайки.

Мой помощник садится рядом и, хотя не курит, берет у меня сигарету.

216 — Нет, что ни говори, а душ у нас лучше, чем на

первом доке, — говорит он. — Теперь нам пожарные соревнования выиграть, и в этом месяце мы всех обскачем...

Мы сидим, как обычно, долго и спокойно; каждый рассуждает или думает о своем, спешить никуда не хочется.

— Андреевич, тебя к телефону! Тепнин.

— Совещание сегодня у главного инженера, сходи туда, у меня дел по горло. Посиди там как представитель цеха и заодно захвати у меня приказ на увольнение крановщицы, подпишешь у Курагина...

В просторных коридорах управления по блестящему паркету сновали озабоченные люди и исчезали за многочисленными дверями с табличками «Главный механик», «Главный диспетчер», «Главный энергетик», «Главный технолог».

В приемной главного инженера сидел Цивильский — капитан строящегося у нас буксира, фуражка с кокардой лежала у него на коленях, желтые полоски шевронов окольцовывали рукав.

— С легким паром, Боря, — сказал он.

— Привет, Толя, как буксир?

— Скоро будем бороздить просторы, — сказал он.

Подтянутый, с тонкими чертами лица и приятной улыбкой, он выглядит эффектно, и говорить с ним всегда легко, но часы показывают ровно семнадцать. Подхваченный людским потоком, я очутился в кабинете в углу второго ряда, за спиной начальника стапеля, и стал разглядывать сидящих вдоль длинного стола и развешанные по стенам портреты великих кораблестроителей.

Совещание вел Курагин.

— Главная задача, — говорил он, — китобойные суда. Мы должны уяснить, что срыв сроков их ремонта недопустим...

Я вспомнил, как мы помучились в прошлом году, когда ставили в док сразу четыре китобойца. Красивые суда: крейсерский нос, гарпунная пушка, и ничего лишнего на палубе. Недавно китобойная флотилия вернулась в порт, палили пушки, белый дым окутывал суда, они шли кильватерной колонной к причалам, где их ждали оркестры и многочисленные делегации. Наши рабочие высыпали на пирс, забрались на краны, на крыши цехов. Хотел бы и я хоть раз сходить в рейс за китами!

— Главный диспетчер здесь? — спросил Курагин. — Что у вас на «Сормово»? Мы доложили, что оно сдано, вы понимаете, что это значит?!

Курагин всегда очень напорист и в любом деле инициативу берет на себя. На собраниях он выступает первым, говорит четко, выделяя каждое слово, но сегодня в его фразах чувствовалась какая-то нервозность.

— Почему вал поставлен без сертификата? Так нельзя, товарищи, вы лучше меня знаете!

Когда я приехал из Ленинграда после окончания института, Курагин работал начальником докового цеха. В первый день работы я добирался до завода на трамвае, перепутал остановки и попал под проливной дождь, вода текла с моей шляпы на пальто и ковровую дорожку. Я, наверное, был очень смешон. Но Курагин встретил меня по-дружески. Мы оказались выпускниками одного института. Курагин был всего на два года старше меня, но выглядел он тяжеловатым и солидным. Голова у него как-то сразу переходила в туловище, над висками светились залысины. Он лазил в отсеки, бегал по докам, никогда не сидел на месте и все-таки толстел и толстел, как монах, откармливаемый Ламе Гудзаком. Курагин обучал меня азам производства и до поры до

— Я предупреждал строителя: прежде чем собирать гребное устройство, согласуйте все с Регистром. Не надо спешить, вас никто не подгоняет.

Меня бесит его привычка «переводить стрелку». Однажды я поспорил с ним, доказывая, что не надо торопиться с доком для плавбазы «Луч». И когда мы выставили клетки и погрузили док, оказалось, что надо было ставить «Достоевского». Курагин стоял на пирсе, невозмутимо улыбался и что-то объяснял главному инженеру. Увидев меня, он сказал: «А вот и виновник! Борис Андреевич, как же вы, ведь я сто раз вам говорил — не надо спешить. — И уже обращаясь к главному: — Молодые, их надо учить, неопытность, лезут не в свое дело...» Но, в принципе, его задору, его напористости любой может позавидовать. Не раз его назначали на самые сложные участки — «кидали на прорыв», и везде он своего добивался: суда сдавал в срок, оборудование чудом доставал и главное — людей умел увлечь делом.

Эти способности Курагина оценены, он — заместитель главного инженера и действительно необходимый для завода человек.

После диспетчера докладывали начальники цехов, и каждый утверждал, что его цех сделал все, что нужно, но вот подвел другой. Каждый по-своему был прав, но я так и не понял, из-за кого же «Сормово» все еще стоит на заводе.

Дверь в кабинете приоткрылась, и секретарь директора Анна Сергеевна сказала:

— Извините, товарищ Курагин. Вас просил к себе Андрей Иванович.

— Все ясно, товарищи? — спросил Курагин. — Спасибо, вы свободны.

У выхода из кабинета Курагин догнал меня и неожиданно мягко сказал:

— Ну как там, Борис Андреевич, без меня? Нор- 219

мально? Вот видите, с «Загорском» наши расчеты оправдались, не правда ли? Все прошло как по маслу? На днях вы получите землечерпалку. Если что нужно, обращайтесь прямо ко мне. У вас должен быть порядок. Кстати, вы захватили с собой приказ на увольнение крановщицы?

— Погорячились у нас в цеху, — сказал я. — Думаю, приказ ни к чему.

Вечер был теплый, «час пик» уже прошел, и ровно в семь полупустой автобус подвез меня к дому.

Зина стояла у окна в моем любимом сиреновом платье, черные волосы забраны на затылок. Сейчас она была точно такой, как в тот вечер в институте, когда я заметил ее у белой колонны и долго смотрел, очарованный, не умея и не смея начать разговор.

В комнате пахло маникюрным лаком, на стуле висел мой отутюженный выходной костюм. Я сразу вспомнил, что мы собирались в театр, но теперь даже на такси было бы не успеть.

— Извини, — сказал я, — тут неожиданно совещание...

— Мог бы позвонить мне на работу. — Она отвернулась к окну.

На подоконнике сидел соседский котенок, огненно-рыжий и пушистый. Она взяла его на руки.

— Весна, — сказал я, — пора бы и окно открывать.

— Попробуй открыть, если оно заклеено. Так я и знала, что мы никуда не пойдем!

Я взял со стола подставку для утюга, выбил шпингалеты и резко отворил окно. Бумажные ленты и клочья ваты упали на подоконник.

Я собрал мусор с подоконника, отнес его на кухню и вымыл руки. Зина села на диван и отпустила ко-

— Ты не знаешь, как трудно дозвониться через коммутатор, — сказал я и стал перебирать журналы, сложенные на тумбочке.

— То, что ты испортил вечер, тебя несколько не волнует, сидишь и читаешь как ни в чем не бывало. Весь в мазуте, хоть бы переоделся. Господи, и когда все это кончится, — сказала она. — Я не понимаю, почему мы торчим в этой клетушке, которую тебе подсунили вместо квартиры. Телевизор прямо на столе, между столом и диваном не пройти, все время на что-нибудь натыкаешься. Вот Сергей пишет, что построил двухкомнатную квартиру, а у него сначала даже прописки не было! В Ленинграде мы тоже могли бы вступить в кооператив. Я несколько не удивлюсь, если Сергей защитит диссертацию (учились вы одинаково), но теперь он руководит сектором и зовет тебя к себе, почему ты не отвечаешь? Он ходит на выставки и в театры. А у меня одна работа: нормы, расценки, нормы, расценки. На нашей машиносчетной станции допотопная техника... — Зина закрыла лицо ладонями. — Ну какой это город? Просто поселок вокруг завода. И вот, на тебе, направили сюда — поехал, дали комнату — доволен.

Я молчал и думал, что Зина вот-вот заплачет.

— Свари кофе и успокойся, — сказал я, — все будет, как ты хочешь, я сегодня же отвечу Сергею.

— Это ты говоришь просто, чтобы отвязаться от меня.

— Я говорю серьезно. Мне тоже все надоело до чертиков!

Зина удивленно посмотрела на меня и неуверенно сказала:

— Ты серьезно? У тебя очень усталый вид. — Она взяла у меня журнал и отложила его в сторону. — Ты что-то скрываешь от меня. Что с тобой происходит?

Ну вот, подумал я, теперь она не отступится, пока 221

не узнает все. И рассказал ей о разговоре с Курагиным и своем злосчастном рапорте. Рассказал ей главное, что смущало меня в этой истории: то, как Кулагин покровительствовал Зосе и как теперь неожиданно решил убрать ее с завода моими руками.

— Сам виноват, — вздохнула Зина, — твой Курагин вертит, как хочет, я бы ему прямо так и сказала. Тебе надо обо всем поговорить с Павлом и Виктором.

Она вытерла глаза и ушла на кухню.

...С верхней палубы дока было хорошо видно, как маляры красят «Загорск», от Валиковых кистей на борту лоснятся полосы красного сурика, становясь гладкими, они вспыхивают на солнце и тут же тускнеют. Голоса и треск воздушных молотков эхом повторяются между доковыми башнями. Пахнет ацетоном и резиной.

— Надо бы на первый док позвонить... Были там пожарники уже или нет? — сказал мой помощник.

— Да вряд ли они приедут сегодня, — успокоил я его, и он ушел на склад за сальниковой набивкой.

Я оказался не прав — он как будто чувствовал, что настал день проверки. Буквально через полчаса после его ухода к доку, громко трезвоня, подъехали пять ярко-красных машин и зеленый газик. Из газика выскочил мой друг, начальник пожарной охраны Адик Скрипченко, и резким тенором с приятной картавинкой стал выкрикивать команды. Пожарники опустили шланги в воду, подняли лестницы на машинах и начали поливать водой башни дока. Мутные потоки воды сбегали с цементных бортов. Блестели мощные струи, рассыпались, рождая радугу. Потом пожарники в сверкающих металлических касках быстро засемили по лестницам и начали перепрыгивать на верхнюю палубу дока.

Адик вбежал в пульт, с серьезным видом снял телефонную трубку и сообщил:

— На пятом доке пожар! Горит судно, траулер «Загорск». Очаг в носовом трюме. Срочно!

Это он по заранее намеченному плану вызывал городских пожарников. В пульт вошел Питилимов. Мы почти одновременно посмотрели на часы. Ровно через две минуты еще пять машин подъехали к доку.

— Не могли они за это время доехать из города, — сказал Питилимов. — Они наверняка у заводских ворот в полной изготовке стояли. А с начальством у них связь по радио, сигнал условный. А случись настоящий пожар — через сколько времени они приедут, это еще как сказать. Верно, Андреевич?

Мы с Адиком не стали возражать Питилимову. Я засмотрелся на слаженную работу пожарников. Здорово у них все получалось: сильные молодые ребята, спокойный взгляд из-под красных касок, играючи тащат шланги, расшвыривают баграми доски!

Городские пожарники тоже перебрались на палубу дока, готовят лестницы, подтаскивают брандспойты.

— А теперь проверим готовность доковиков! — резко прокричал Адик. — Даю вводную: пожар во втором насосном отделении!

В нашем пульте висит на переборке расписание действий по пожарной тревоге. Четко определено в нем, что должен делать каждый: один звонит в пожарную охрану по 01, другой включает насос, третий растягивает шланги, четвертый работает с огнетушителями и так далее. Но сейчас в пульте нас только двое из доковой команды: я и Питилимов.

— Брось ты, Адик, эти шутки, — говорю я.

Но Адик сохраняет серьезный вид, подмигивает мне и показывает в сторону окон. Я взглянул туда и увидел пожилого майора, начальника городской пожарной охраны, который с довольной улыбкой читал противопожарные надписи на большом красном щите, сооруженном моим помощником у входа в дежурку.

— Пожар! — громко выкрикнул я и включил сирену.
— Насос задействуй, — подсказал Адик.

Потом мы с Питилимовым выскочили на палубу и стали растаскивать шланги. Не заладилось у нас сразу: роторные гайки ни в какую не хотели соединяться, брезентовые шланги спутались, перекрутились. Но это было полбеды. Внезапно заработал насос, шланги мгновенно вырвало у нас из рук, а майор и Адик не успели отбежать в сторону и попали под самую струю. Окатило их с головы до ног. Наконечник вырвало из шланга, вылетел он, как снаряд, хорошо, что никого не задел. Шланги извивались по бетонной палубе, как змеи. Адик был неумолим и поставил нам «плохо» по подготовке.

Когда об этом узнал мой помощник, прибежавший на док, он долго не мог успокоиться. Особо его разозлило, что я взял новые шланги, те, что были намотаны на катушки. Оказывается, их никогда не снимали и берегли на случай настоящего пожара, а для учебных тревог специально был приготовлен изношенный пожарный рукав, который, кстати, был заранее растянута вдоль борта, и соединять его вовсе не надо было: включил насос — и порядок.

Успокоился Владимир Иванович только в заключительный день смотра. В этот день, в обед, на доке никого, кроме дежурного, не было. Я сразу догадался — наши парни тренируются. Другие команды, стремящиеся победить наш док на тушении домиков, так и делают, да ни один день, а целый месяц. Их командиры устраивают участникам соревнований разминки, пробежки, прыжки в высоту через планку, ходят они и по бревну, лазают по шведским стенкам в заводском спортзале — доводят себя до седьмого пота, и все равно им далеко до нашей команды. Сегодня, чувствуя свою вину, я тоже решил посмотреть на тренировку и пошел

224 вдоль пирса туда, где в прошлом году проходили сорев-

нования. Еще издали на пустыре, у белых домиков, сколоченных из свежеструганных досок, я увидел их: моего помощника, боцмана, Петрова, Питилимова. Они стояли вокруг кучи песка, и мой помощник что-то чертил на земле. Меня они не замечали. Владимир Иванович взял рулетку и вместе с Питилимовым промерил расстояние от домиков до навеса, от которого обычно стартуют участники.

— Валентин прав, — сказал он, закончив измерения, — надо обязательно выбрать крайнюю дорожку.

домик этот крайний, сырой еще, не сразу схватится, — заметил Петров.

— Можно его еще водичкой сейчас намочить, — предложил Питилимов.

— Выдумаешь тоже, это нечестно, — прервал его боцман.

Они опять собрались в кружок, склонились друг к другу, как заговорщики, договаривались, что будет делать каждый из них. Я отошел за домики и уже оттуда наблюдал, как бурно они спорят, как что-то упорно доказывает мой помощник, энергично размахивая руками.

А вечером, после работы, сводный оркестр пожарников города играл марши на заводском пустыре, и нестройные ряды рабочих добровольных пожарных дружин равнялись на Адика Скрипченко. Адик поднес к губам мегафон и поздравил всех с началом самого главного заключительного этапа смотра.

Болельщиков было хоть отбавляй: люди сидели на заводской ограде, на крыше недостроенного цеха, парнишки из ПТУ залезли даже на деревья.

— Ну и бездельников у нас, — сказал сидевший рядом со мной на ящике Виктор Сигов.

Я очень надеялся на победу наших ребят, ведь я фактически подвел всех, и теперь только победа могла спасти нас.

Наши были в последнем забеге. Все произошло в

одно мгновение. Адик, наверное, даже не успел включить секундомер. Мой помощник растянул шланги, сразу же дали воду, мелькнул у домика Питилимов, поливал затухающий домик из огнетушителя Петров. Бурлящая белая пена буквально затопила домик.

— Ура! — закричал Сигов, не выдержал и бросился к домику поздравлять победителей.

На следующий день с утра только и было разговоров о соревнованиях, нам в общем зачете досталось второе место, за это тоже премировали, и все были довольны. Я понял, что прощен, мой помощник улыбался, и когда я послал его с бригадой помочь ремонтникам снять с «Загорска» винт, он не ворчал и не отнекивался — согласился сразу.

Когда я спустился на стапель-палубу дока и прошел к «Загорску», там уже застропили перо руля, и оно повисло на тросах. Казалось, что парит над доком крыло огромного самолета, а сейчас его должны взять краном и опустить на заранее приготовленные брусья. Командовал всей этой работой наш боцман Валентин. Он стоял в отдалении, на дощатом кринолине, и был похож на дирижера — не хватало только фрака. Владимир Иванович наверху объяснял Зосе, как вывести стрелу крана, чтобы не задеть рештований. У шпилей мотористы ждали команд Валентина.

Снять перо и винт дело нелегкое, бывает, что никакими съемниками и домкратами с места не сдвинуть, применяют даже взрывчатку. А по взрывчатке мой помощник — главный специалист: сказывается партизанская школа.

А сегодня не пошел винт, перо руля легко сдернули, а винт ни в какую, искривился болт, и ничем его не взять. Владимир Иванович спустился по трапу вниз. Бисер пота на лбу. Там наверху на башне солнышко по-весеннему пригревает, а здесь под кормой судна сыро, в тени холодновато даже. Посоветовались все вме-

сте, решили мы этот проклятый болт срезать, потом новый по образцу выточить. Хватились, кислорода — полно, а вот ацетилена — ни одного баллона. Оказывается, на всем заводе с утра ацетилен кончился, а мы свой запасной вчера израсходовали. Я позвонил в цех, Тепнина не было — ушел на совещание. Позвонил Курагину, сказали, что тот на наклонный стапель уехал.

— Вот форменное безобразие! — возмутился мой помощник. — Сдельщики наверняка скандал поднимут! И что наши снабженцы спят! Куда они смотрят! В других цехах не такие простофили: пронюхали, что ацетилен кончается, набрали себе запасу будь здоров!

А вы, Андреевич, всегда раздать все готовы... Вчера Белову насос отдали, баллоны ацетиленовые тоже на первый док неделю назад просто за спасибо откатили. Вот теперь и расхлебываемся!

— Ладно, хватит, — сказал я, — будет ацетилен!

Возле дока, на пирсе стояли машины, ждали очереди на выгрузку. Шоферы сидели на катушках из-под троса, курили, что-то громко обсуждали. Хорошо бы уговорить кого-нибудь съездить на склад... Я уже собрался подойти к ним, когда увидел, что мимо дока едет на красном автокаре Шура, жена моего помощника. И она меня заметила, затормозила, улыбается. У ней лицо обычно суровое, не подступись, а когда улыбнется — сразу преображается.

— Андреевич! Садись — прокачу!

Я тотчас воспользовался ее приглашением: привезти баллон на автокаре — милое дело. Теперь самая малость осталась — найти баллон на складе.

Мы развернулись и выехали на главное шоссе завода. Завод у нас, как город, здесь и улицы есть, и парки, и даже два фонтана — не хуже тех, что на городской площади у драмтеатра. У наших, пожалуй, напор даже сильнее.

— Что грустный, Андреевич? — Шура лихо вела ав- 227

токарь, волосы с рыжеватым отливом растрепало ветром, желтая куртка распахнулась.

Я рассказал ей про заминку с ацетиленом.

— Ерунда какая! — заметила она. — Володю не могли послать что ли? Вы бы на него прикрикнули — он бы этот баллон из-под земли достал!

— Да нет же их, на всем заводе, говорят, нет... Я уже в другие цеха звонил и в ПРБ!

— Едем на центральный склад, — предложила Шура.

— Я ведь об этом и хотел вас попросить! Выручайте!

Въехали мы, я прошел к помещению, где баллоны хранятся. Приоткрылось окошко, а в нем строгое женское лицо, глаза маленькие, широкие скулы.

— Нет баллонов! Надоели сегодня! Всем вдруг ацетилен понадобился! Русским языком объясняю, со вчерашнего дня нет! — И хлоп створкой окошка.

Я снова постучал, стал требовать — никакой реакции. Пошел к начальнику снабжения, там разговор по-вежливей: извиняются, поясняют, что их вины нет, что баллоны должны к вечеру привезти, что машины давно за ними поехали, а я ведь Тепнину твердо обещал, что перо руля и винт сегодня снимем и отвезем на обработку в механический цех. Возвратился я снова к заветному окошку. Шура сзади за рукав меня дернула, мол отойди, и вид у нее заговорщика. Подвела она меня к дальним стеллажам, а там целых два баллона с ацетиленом за ветошью припрятаны. Приподнял я один — полный!

Мы положили баллон на автокар, и я снова постучал в окошко.

— Ну что еще нужно! Психованный какой-то! — кладовщица уставилась на меня.

— Выписывайте баллон по-быстрому! — крикнул я.

228 А за то, что работы срываете, вы ответите!

Она увидела, что баллон уже на каре лежит, вся покраснела.

— Да, как вы смеете! Это же неприкосновенный запас! Это же только по-личному распоряжению Курагина выдается! Сгружайте назад!

— Будет вам личное распоряжение Курагина, успокойтесь, — сказал я и уже Шуре: — Поехали!

На пирсе у дока драгоценный баллон подняли наши рабочие и, не ожидая крана, быстро понесли в корму «Загорска».

— Ну, Андреевич, вы и разворотливый стали, — одобрительно сказал Владимир Иванович, — во всем заводе ацетилена — ни грамма, а тут — баллон полный!

— Если бы не жена ваша, вряд ли что-нибудь у меня получилось.

И я рассказал ему, как Шура заметила баллон и помогла мне.

— Она у меня такая!.. — с гордостью протянул мой помощник. — А когда поженились тихая вроде была, слова сказать боялась. Да, у нас на селе все девки такие — как в силу войдут, тут им не перечь! Все одно, верняком не прав будешь!

Я вернулся к себе в каюту, настроение у меня было отличное, все шло как надо. Правда, перебои эти со снабжением порядком надоели. Мы заявку дали — извольте обеспечить. Но как говорит Курагин: «Хотите бездельничать, загубить порученную вам работу, свалите все на снабжение, ждите манны небесной, есть желание заработок рабочим обеспечить — доставайте, где угодно! Это ваше дело!»

С утра беспрестанно звонит телефон.

— Передайте Сигову, чтобы в двенадцать пришел в партком.

— Алло, Сигов? Нет. Передайте ему, что надо срочно дать сведения о передовиках.

Последний звонок был с соседнего дока:

— Алло, Виктор? А, это вы, Андреевич... У нас нет постоянного тока, пусть позвонит.

Я включил трансляцию и позвал Сигова. Нет у нас на доках человека, который бы разобрался лучше него в запутанных электросхемах. Для меня все эти сплетения — абстракция, электротехнику нам в институте давали как-то вскользь, а у него двадцать лет практики. С этого года Сигов — парторг цеха; выбрали его единогласно, и спуску он никому не дает.

Перед самым обедом Сигов зашел в мою каюту.

— Что, искали?

— Не я, тут тебе со всех сторон звонки.

— А я в райкоме с твоим капитаном разобрался.

— С каким?

— С Цивильским. Как мы не разглядели вовремя этого человека, не пойму. Представляешь, у него даже нет штурманского диплома, а вот умудрился в двух местах зарплату получать — он ведь еще и в портнадзоре числится! Иногда ни за что увольняем, а вот такого проходимца держали в цехе. Вон крановщицу — уволить и все!

— Откуда ты знаешь?

— Да вот, Тепнин рассказал. Это, конечно, работа Курагина, она ему как бельмо на глазу, чтобы меньше разговоров было — подальше ее от завода.

— Я взял назад свой рапорт.

— Ну и правильно сделал, есть у нее, конечно, нарушения — сами разберемся, молодая еще, многого не понимает. И очень жаль, что Павел наш в отпуске. Он бы ребят расшевелил сразу.

Обедать мы с Виктором пошли в центральную столовую. Двухэтажное круглое здание столовой могло вместить в обеденный перерыв ползавода. Кругами в 230 лась в большом зале очередь, было шумно. Передние,

те, кто добрался до возвышения у раздаточной, вооружились подносами. Начищенные подносы блестели и напоминали щиты. Наших, доковских, не было видно, мы встали в хвост очереди и здесь продолжали разговор.

— Думаешь, мы правильно живем?—сказал Сигов.— Каждый честен для себя и считает, что на этом можно ставить точку. А это не все. Настоящая честность — когда дерешься за нее, когда идешь против непорядков, независимо от чина и ранга. Вон Тепнин, всем хорош, а когда плохо, кто разбирается? Ты да я. А он ни при чем. Думаешь, люди его уважают? Иногда и пожестче надо быть — не страшно, а ты и с уборщицей на «вы»...

Уборщицей на доке работает его жена Таисия Ивановна. Когда он устроил ее к нам, мы узнали, какого цвета стены в каютах и как могут блестеть раковины и кафельные полы.

В свободное время Таисия забирается на кран, и Клава учит ее поднимать грузы и двигать стрелу. Сигов не хотел, чтобы думали, будто из-за него ей разрешают лазать на кран, и однажды сказал: «Непорядок допускаешь, у нее своя работа есть...»

Мы продвинулись к первому окну. Очередь шла шумно, как обычно, пристраивались друг к другу знакомые, рабочие из одной бригады, из одного цеха, ныряли под поручни, отделяющие очередь от зала, и становились в ряды. Со всех сторон кричали, пытались вытащить нарушителя, но зачастую это было бесполезно. Две кассирши бесперебойно стучали по клавишам.

— Ходят слухи, Андреевич, что собрался ты уходить от нас. Я понимаю, инженеры на доках долго не держатся, но нужны они здесь, обязательно нужны, — сказал Виктор.

— Это ложные слухи, — ответил я, удивившись, от- 231

куда он знает про мои планы, неясные еще и мне самому.

— Не стоит уходить, конечно. Тут мы решили собрать цеховое собрание. Я думаю, все станет ясно, пусть люди выскажут все, что думают. И нужно, чтобы ты выступил, ты человек грамотный, разбираешься. Такой руководитель, как Тепнин, свое отжил. Человек он неплохой, но не клеится у него. Что у нас с заявками делается? Где они застревают, почему нет вовремя нужных материалов, как премии делятся? Обо всем этом надо рассказать. Я думаю, и Курагину не поздоровится.

— Да, было бы неплохо поговорить обо всем на чистоту, — согласился я.

Когда мы взяли обед и спускались вниз с подносами, я чуть не столкнулся с Андреем. Он, оказывается, стоял в противоположной очереди, и подошли мы к кассе одновременно. Мы втроем сели за один стол, и разговор у нас уже стал общим. Андрея я всегда рад видеть, но сейчас мне хотелось бы остаться один на один с Виктором.

Андрей был, как всегда, оживлен, ел он быстро, ложка так и мелькала в его руках, и в то же время успевал говорить. За какие-то десять минут он посвятил нас в расчеты остойчивости китобойцев, рассказал о проекте нового стапеля и о предстоящей перепланировке цехов.

— Хорошо конструкторам, — сказал я, — расчет есть, если он сделан точно, никаких сомнений.

— Андреевичу и на доках расчетов хватает, — сказал Сигов.

После обеда Тепнин вызвал докмейстеров к себе и прочел акт проверки по технике безопасности.

— Так вот, в целом у нас терпимо, — сказал Теп-

нин, — замечания мелкие, акт всего на двух страницах но забывать технику безопасности мы не должны. Прежде всего — человек! Технику погубим — ерунда. Док потонет — вытащим, вызовем эпроновцев, заплатим и вытащим. Но человек — его надо беречь. Прежде всего — человек и его жизнь...

Тепнин любит повторять эти слова. Мне вспомнилось, как в прошлом году перевернулся плотик, с которого красили борт судна, и утонул маляр; три дня его не могли найти водолазы, и все три дня его жена сидела на пирсе и смотрела на воду. Тепнин осунулся и помрачнел, он очень переживал — плотники принадлежали нам. Он приказал срочно покрасить старые спасательные круги и закрепить их на леерах, яркими бело-красными пятнами вписались они в серые громады доков. Мы раздали по каютам оранжевые спасательные жилеты, отремонтировали поручни на трапах, заново испытали тросы и убрали с доков все лишнее.

И еще я вспомнил, как потом, после спуска на воду нового сухогруза, мы собрались у Тепнина, немного выпили, и он, захмелев, сказал, что он родился в рубашке и что ему всегда везет: «Меня так просто не возьмешь, другого давно бы схарчили, а я доказал, что плотик был оснащен и забалластирован». — «Не стоит так говорить, Виссарион Иванович», — заметил кто-то. Мы выпили еще и молча закурили, было уже поздно, когда Тепнин сказал: «Странный обычай — разбивать при спуске бутылку шампанского, лучше бы ее сюда».

После совещания я остался у Тепнина. Рапорт и неподписанный приказ лежали у меня в кармане. Рабочий день кончился.

— Подвигаем? — спросил Тепнин, вынул из стола шахматы и расставил на доске тяжелые полированные фигурки.

— Давайте, — ответил я.

Неудобно было отказываться, и я подумал, что так будет даже лучше: за игрой мы и поговорим.

Я никак не мог сосредоточиться. Пешки Тепнина захватили центр. Партия затянулась.

— Где сегодня Сигов? — как бы нехотя спросил Тепнин. — Опять в райкоме? Что-то говорят, он собрание затевает.

— Люди ждут собрания, чтобы поговорить начистоту. — Я встал из-за стола.

— И вы собираетесь выступить? — спросил он. — Это, конечно, работа Сигова, он и вас против меня настроил. У него всегда начальники виноваты. Кто командует, тот и виноват, но ведь кому-то нужно командовать.

— Сигов — честный мужик и прямой, он никогда не виляет и никого не боится. Во всяком случае, он мне на многое открыл глаза, — сказал я, — он и Павел!

— Ты хочешь сказать, что я виляю? — Он сощурил глаза и сбоку, наклонив голову, внимательно, посмотрел на меня. — Что запоешь ты, когда тебе будет столько же, сколько мне? А впрочем, ваша жизнь легче, вот ты уже инженер, долго здесь сидеть не будешь — не работают больше пяти лет инженеры в доках, уходят. И ты уйдешь. Зачем же тебе быть заодно с Сиговым? Учти, если Курагин узнает это, он тебе быстро свернет шею, хотя... Я его помню: когда он начинал, тоже тихоньким был, таким же, как ты, вежливым, обходительным...

— Почему вы так зависите от Курагина, Виссарион Иванович? Ведь в этой истории с Зосей вы все делаете, лишь бы угодить Курагину. Рабочие все понимают прекрасно, и то, как вы убегаете, когда докование идет, они замечают.

— Чей же ход? — спросил Тепнин, и я никак не мог вспомнить, кому же теперь ходить. Вся позиция каза-

лась мне какой-то незнакомой. Или я машинально сделал несколько ходов, или просто сдвинул слона на клетку вперед.

Зазвонил телефон. Тепнин взял трубку, ответил, поднялся от шахматной доски, весь как-то подобрался, лицо его мгновенно преобразилось — я понял, что он говорит с директором.

— Да, Андрей Иванович. Да, слушаю вас. Я знаю, что подойдет «Ильмень». Будем ставить в третий док. Я специально не уйду с работы, мы сидим здесь с док-мейстером и обсуждаем меры. Да, конечно, можете не беспокоиться. Всего доброго.

Тепнин снова сел за стол и повторил свой вопрос:

— Чей ход? — На лице его еще сохранилась улыбка.

— Мне не хочется доигрывать эту партию, мы ведь с вами обсуждаем меры, так вы, кажется, сказали.

— А что мне надо было сказать — играем в шахматы?

Я встал, взял плащ:

— Учтите, я не собираюсь молчать и прикрывать ваши отходы.

— Мальчишка! — бросил он вслед.

Я понимал, что после этого разговора работать нам вместе будет невозможно, кто-то из нас должен будет уйти. Но мне уходить нельзя, никак нельзя, потому что за моей спиной вся доковая команда.

Следующая неделя прошла спокойно. Сдали представителям Регистра сборку винта, заканчивали работы на «Загорске». Собрание так и не состоялось — ждали, когда вернется из отпуска профорг цеха Павел Катышев, да и Тепнин все время ссылался на занятость. Меня он старался не замечать совсем и на док не заходил.

Ветры стихли, маслянистая поверхность залива была как зеркало и лишь изредка вздрагивала, потревоженная проходящими буксирами.

В пятницу дали аванс, и я предложил жене съездить в центр, пройтись и заодно заглянуть к Павлу, который вернулся из отпуска.

— Обязательно надо зайти, ты с ним поговоришь обо всем. Павел — человек обстоятельный, он понимает, что к чему, — согласилась Зина.

Еще недавно Павел работал в отделе кадров. Сидел он в просторной светлой комнате за большим столом, а за его спиной высился шкаф с множеством зеленых ящиков, в которых хранились учетные карточки. Ему наскучило переписывать эти карточки, вносить в них изменения, руки его требовали работы, и он, в пятьдесят лет окончив курсы дизелистов, пришел к нам. С непривычки у него не получалось, и мой помощник сказал тогда: «Шлют к нам разных — кто из охраны, кто инвалид, кто в отставке, кто просто писарь — работай с ними! Бегаешь сам, бегаешь, все без толку, а их разве научишь! Курсы пооканчивали, а их курсы не спасут, у них гаечный ключ из рук вываливается!»

Но Павел как-то быстро нашел себя. Он любил все делать добросовестно, аккуратно: копался в моторном отделении безвылазно, вычистил все и покрасил так, что ходить туда в грязных сапогах стало неудобно. Поручни у него в отсеке заблестели, как солдатские бляхи, переборки выкрасил «слоновой костью», над дизелем повесил плакаты и рисунки по технике безопасности. Все буквально засияло. Через месяц Павла по рекомендации Тепнина выбрали проформгом цеха. И тут он тоже сразу навел порядок, все у него было учтено, все записано. И говорил он прямо в лицо все, что думал, причем, не шумел, как иные, а произносил слова спокойно, с достоинством. Как-то я зашел к Тепнину, а там ему Павел нотацию читает. Я удивился, а когда Павел ушел, Тепнин, спросил меня: «Ты думаешь, он 23G прав?» и, не дожидаясь ответа, сказал: «Где только

выкопали? Может, ему оклад повесить, сменным механиком сделать, будет тогда за место держаться и меньше говорить, а?» «Он настоящий профорг, такой давно нужен был на доках», — ответил я...

К нашему удивлению, у Павла сидела целая компания доковых командиров. Я забормотал что-то насчет того, что мы очень торопимся и нам никак нельзя остаться, что мы глубоко извиняемся, мы заскочили только на минутку, но нас и слушать никто не захотел.

Большой стол, покрытый белой скатертью, был уставлен тарелками, вазами и графинчиками. Жена Павла, дородная и энергичная, принялась ухаживать за нами. Нас усадили за стол и налили по бокалу. Пить мне совсем не хотелось, но отказываться тоже было неприлично.

— Я думал только у нас на поселке сегодня весело, — сказал я.

— А что, в городе рыжие, что ли! — возразил Павел.

За столом сидели Виктор Сигов, мой помощник с женой и сыном, который, как я знал, учился в Ленинграде и приехал на каникулы, молоденькая девушка с широкими раскосыми глазами — дочь Павла, мастер малярного цеха Васильев и еще какой-то парень — штурман дальнего плавания, сосед Павла. Со всех сторон нам подкладывали закуску: соленые огурцы, красный перец, селедку, какие-то винегреты, рыбу.

Виктор наклонился ко мне, сказал тихо:

— Что же жену прятал от нас, просто восточную царицу добыл себе, это да!

Зина услышала, зарделась вся. Засмушалась. Я подмигнул ей.

Квартира у Павла обставлена полированной мебелью, в правом от нас углу — пианино; все вычищено, блестит, на стенах нет обычных фотографий, а висит лишь картина, изображающая лафет и бравого офице- 237

ра с сигаркой. Художник точно передал черты Павла и здорово изобразил поле сражения, еще дымящееся и уже успокоившееся на недолгий срок.

Дочь Павла включила магнитофон, но Виктор попросил сделать потише. Говорили все сразу, перебивали друг друга, оживленно спорили.

— Это хорошо, Андреевич, что сегодня заглянули к нам, — сказал Павел.

— Вместе, не на работе, там не в счет, когда после докования, а так, по-человечески, — поддержал его мой помощник, — надо сегодня отметить нам, что все другие доки обскакали, правильно я говорю, Павел? Давайте за это! Наше первое место, тут уж никуда не деться! «Загорск» аварийный поставили, как в аптеке, раз; душ у нас лучший и пожарная команда лучшая! Правда, нас Андреевич перед пожарниками чуть не подвел, ну, да это пустяки.

— Ничего! Андреевич докмейстером стал, будет и пожарником! Научат! — сказал Виктор.

— Чем ты их подвел? — шепотом спросила Зина.

— Было дело, пришли док проверять, никого не было, а я стал шланги соединять — и наконецник из рук вырвался, всех окатило. Был майор из города, так и того тоже, — объяснил я.

— Вот вы говорите: первое место, первое место, — не успокаивался Виктор, — скажите, есть у нас законный порядок, достойны ли мы, а?

— Это правильно ты говоришь, — поддержал Павел, — мы все на кого-то валим, а сами? Если что не так, мы ведь — сила все вместе. А привыкли молчать: моя, мол, хата с краю! Вот будет собрание, надо нам все прямо высказать!

— Да, бросьте вы! — прервала жена Павла. — Давайте споем, что ли! — И она затянула: «Есть на Вол-

Голос у нее был звонкий, раскатистый. Подпевали дружно, от души.

Я сидел, смотрел на разгоряченные лица моих доковиков, слушал их и думал о том, что прошли годы моего ученичества, когда все опекали меня, и мне нужно быть другим, более твердым, и о том, что я нарушаю сейчас заповедь Курагина — «не пей с подчиненными» — и что, наверное, из меня никогда не получится настоящий руководитель, потому что все для меня хорошо и я слишком мягкотел, как говорит мой помощник. Здесь ко мне обращаются за советом пожилые люди, и я должен ругать их за упущения, наказывать, отстаивать их, защищать, — имею ли я на это право?

...Мы ушли почти незаметно, распрощались с Павлом и выбежали на улицу. Уже темнело, и над улицей зажглись трубки неоновых ламп, светились впереди рекламы нового кинотеатра.

— Наконец-то мы вырвались, — сказала жена.

— Тебе скучно? — спросил я.

— Нет, но за столом говорили только о работе, только о своих доках.

— А если жизнь в этой работе? Они на доках десятки лет. Сразу после войны — Сигов и Владимир Иванович, — сказал я.

Мы подошли к автобусной остановке.

— Расскажи, что это у вас за пожарные соревнования? — сказала Зина, когда мы с трудом втиснулись в переполненный автобус.

Автобус трясло по булыжной мостовой, на задней площадке кто-то громко пел, я спиной упирался в стойку. Я обнял Зину, она показалась мне маленькой и в полумраке похожей на девочку. Совсем и не восточная царица, но мне-то она дороже всех цариц, вместе взятых.

На следующий день вечером я лежал на кушетке и полудремал. За окном бушевал ветер, баллов на десять, и даже в поселке, под прикрытием домов, гнулись и кряхтели деревья.

Еще вчера нам выдали штормовое предупреждение — маленький листок с красной полоской наискось. Перед уходом с работы я проверил все концы и кранцы, а наш боцман долго и неохотно заводил дополнительные швартовы на дальнем мористом пале.

Ночью какое-то неясное предчувствие мешало мне заснуть. Когда за окном зафырчала машина, а в дверь постучали, я встретил дежурного по заводу одетым и, не спрашивая ни о чем, осторожно, чтобы не разбудить жену, закрыл дверь и пошел за ним.

В кузове грузовика среди малознакомых рабочих седьмого дока я увидел Владимира Ивановича и сел рядом с ним. Машина рванула сразу, было холодно, и вой ветра мешал говорить. Толком никто ничего не знал, но говорили, что вода в заливе поднялась метра на два и тросы лопаются, как нитки, корабли швыряет о причалы, и директор дал команду собрать всех людей и быть начеку.

— Ничего страшного, Андреевич, — кричит мой помощник, — слабина у наших тросов всегда есть... Думаете, их Валька обтягивает? Делает вид только.

— А кто у нас дежурит?

— Питилимов.

— Я же не разрешал его ставить! — кричу я.

...Темные невидимые волны врывались на стапель-палубу, док то поднимало, оттаскивая от палов, то швыряло к ним, и, когда его прижимало ветром вплотную, воздушные баллоны визжали, сдавливаясь в плоскость. По бортам горели прожекторы, ветер со свистом рвался между башен. Внизу, сгибаясь под непомерно тяжелым тросом, тащился Питилимов. Мы подбежали 240 к нему. Он сбросил трос с плеча и сказал:

— У нас полный порядок, все тросы целы, а этот — запасной, так, на всякий случай.

— Почему нас вызвали? — крикнул я, наклоняясь прямо к его уху.

— Ветер, вода подниматься стала, я только позвонил диспетчеру, — объяснял сбивчиво Питилимов, — слышу — бах! Потом еще два раза как стрельнет — это у Шмаги на седьмом доке тросы рваться начали. Ну и вот я всех обзвонил, главному инженеру домой, машины организовал.

Как всегда, непонятно было, чему из его слов можно верить, ясно одно: на седьмом доке положение тяжелое, недаром в машине сидели люди этого дока. Конечно, седьмой стоит не у самого берега, он держится на тросах посередине так называемой угольной ямы. Сам док очень широкий, парусность у него большая, и вряд ли он выдержал ветровую нагрузку.

Все это я осознал, когда мы с Владимиром Ивановичем бежали вдоль пирса, спотыкаясь о брусья и цепи, натываясь на многочисленные сходни и тросы, то и дело попадая в лужи и чертыхаясь.

Пока мы бежали, начался сильный дождь, почти ливень, и мы промокли насквозь. Но дождь означает спад ветра, дождь всегда умиряет его... И действительно, когда мы подбежали к берегу угольной ямы, ветер стих.

На берегу толпилось много народа, и я сразу различил маленькую фигурку Тепнина, докмейстера седьмого дока Белова и нашего боцмана Валентина. Все смотрели на темнеющую вдали громаду седьмого дока, махали руками, что-то кричали.

Я поздоровался с начальником цеха и встал между ним и боцманом.

— Вот черт, что же делать теперь?! — сказал Тепнин.

— Надо разобраться, как там у них положение.

— Чего тут разбираться! — вмешивается боцман. — 24)

Док на одном конце! Вы не смотрите, что ветер стих! Чуть рванет — и крышка! Нужен катер! Нужно пересадить людей на док и завести тросы!

Первый раз я вижу боцмана таким решительным — обычно он старается не перетрудиться, даже ходит с ленцой, медленно шаркая ногами.

— Виссарион Иванович правильно говорит! Нельзя туда сейчас посылать! Катер угробим и людей! Не пришвартоваться в такую погоду! — кричит Белов.

Он осунулся, промок и нервничает. Видно, что держится он здесь на пирсе из последних сил и все, что говорит начальник, принимает как приказ.

Без катера на док не перебраться — плавучий мостик сорвало и унесло, а Шмага, что он там один сделает? Туда бы нашего боцмана, он бы развернулся. Но где же катер? Ветер тем временем усиливается, дождь перестал, мы продрогли и по-прежнему продолжаем спорить. Сдерживаемый единственным тросом, док раскачивается, как огромный маятник. Завыла сирена, и мы видим два красных движущихся огонька: к берегу подошел пожарный катер. На носу стоит мой помощник. Пока мы спорили, он успел сбегать в пожарную часть и пригнал катер.

Мы бросаемся к катеру, а боцман кричит, чтобы садились только трое, нечего там всем делать. И в это время страшный треск раздается вдали. В воздухе что-то просвистело. Лопнул последний швартовный конец. Док развернуло ветром, стронуло и понесло к заливу. Сначала медленно, а потом все быстрее, набирая разгон, он движется в сторону судов, стоящих у выхода из угольной ямы.

На судах заметили, что док сносит в их сторону — ударила рында, заревели гудки, завизжала сирена пожарного катера. Мы, не сговариваясь, побежали по пирсу к судам. Справа движутся огни — это из порта

242 идут на выручку мощные буксиры.

...Когда я бежал по скользкой палубе первого судна, на которое мы забрались, споткнулся о комингс люка и упал, больно ударившись коленом. Сначала я не придал этому значения и, хромая, начал карабкаться на следующее судно, но там, присев у борта, уже не мог дальше двигаться. Я видел, как матросы и наши рабочие волокут бревна, спускают их с борта в тех местах, где возможно столкновение, как Белов раздобыл плетеные кранцы и тащит их по палубе, как сматывает с вьюшек тросы и Тепнин отчитывает кого-то. А дальше, за фальшбортом, заслоняя все, рос черный силуэт надвигающегося дока. Если сейчас не ослабить его удар, не задержать его, то все пропало — десятки судов переломает он на своем пути, скрутит мачты, погнет борта, сдавит надстройки. Все напряженно застыли у борта. Прекратили надрывный вой гудки и сирены. Стальное чудовище надвигалось. Остро кололо в коленке. Я приподнялся и подполз к борту. Док был метрах в двух. Между ним и судном темнела узкая фиолетовая полоска воды. Темные башни дока, закрывшие небо, и все вокруг, казалось, еще мгновение — и обрушатся на нас. И когда док был совсем рядом, боцман, забравшись на рубку судна, прыгнул на док. Все ахнули. Ему удалось зацепиться за леера доковой башни, и мы сразу же начали подавать на док тросы.

Остального я не видел. Но потом, когда док прошел вдоль других судов, на него удалось забраться еще трем матросам. Они закрепили концы, а люди на берегу быстро завели тросы на кнехты и, постепенно стравливая концы, сумели погасить инерцию движения.

...Часам к пяти утра все было в порядке, док пришвартовали у наклонного стапеля, люди ушли греться. Тепнин и мой помощник доволокли меня до конторы, и мы втроем выпили спирта, запив его теплой мутноватой водой. В майках и трусах сидели мы вокруг стола в кабинете Тепнина, развесив одежду по всем батаре- 243

ям. Тепнин захмелел и, подперев морщинистое лицо кулаками, заговорил беспрерывно, уставясь неподвижно в какую-то точку над дверью. И мне было как-то не по себе оттого, что я сижу здесь с ним, а он говорит со мной, как будто ничего не произошло между нами. А, быть может, он прав — все отодвинула эта ночь?

— Нет, посудите сами, — говорил Тепнин, — какого толку было лезть на док на катере — растерло бы в лепешку. А я правильно решил — надо бежать к судам, я рассчитал ветер. Главное — не растеряться и не рисковать людьми. Что док? Ну, потонет, ну, разобьется! А боцман орет: на катер! Хорошо, что не успели отойти. Слышали, как визгнул трос? Попал бы по башке — отсек. Но все-таки Валентин молодец!

— Да, — сказал мой помощник, — без Вальки бы гроб дело. Разворотливый мужик, если бы вас не было — добрался бы он на катере сразу!

— Если бы меня не было, — сказал Тепнин, — вы здесь понаделали бы делов. Такую кашу бы заварили! Поработайте без меня — узнаете! Кто цех на первое место вытянул? У меня в плановом свои, надо — снимут с плана, сколько захочу! Вы спросите, есть ли на заводе другой цех, где премию каждый месяц дают? Но теперь с меня хватит, пусть другие покажут, на что они способны, а мне уже есть место в тишине. Мне уже несподручно бегать под дождем ночью.

— Вы что же, уходите от нас, Виссарион Иванович? — спросил мой помощник.

Но Тепнин не слышал его. Разморенный спиртом, он уронил голову на стол и заснул.

Спустить судно с дока намного сложнее, чем поднять в док. И не потому, что эта тяжелая работа, требующая большого искусства, нет, здесь центровать не надо и точность не ахти какая, здесь «бумажные» трудности — сдаточные акты, каждый из которых должен

За день до спуска «Загорска» Тепнин был переведен в плановый отдел, а нового начальника еще не назначили, и поэтому мы не ждали ничьих приказаний, а ориентировались по обстановке.

На доке было особенно много людей. Ссорились мастера смежных цехов, ругались рабочие, нервничал капитан судна. Наконец сняты леса и судно оголилось, блестя свежавыкрашенными зелеными боками с белой полосой ватерлинии.

Ах, эти чертовы маляры! Опять нахалтурили. Прямо на миделе — большое ржавое пятно. Еще не совсем стемнело, и оно очень заметно. С трудом нашли бригадира маляров Васильева, который пытается доказать, что пятна нет. Не строить же леса заново! Доски все убраны по нишам и занайтованы. Васильев морщится, моргает глазами. Курагин насел на него. И тут появилась наша самоходная «телега». Мой помощник крутит ее баранку, как заправский шофер, человек шесть матросов подталкивают «телегу» сзади.

У Васильева на лбу выступил пот. Оказывается, маляры ушли домой. Васильев сам взял кисть, котелок и полез на верхнюю площадку «телеги».

Курагин засмеялся, потирая шею:

— А хороша «телега»! Надо бы таких побольше!

— Темнеет уже, — сказал мой помощник. — Не успеем мы сегодня столкнуть, да и люди устали, холодает.

Май — хоть шубу надевай.

— Все успеем, — бодро сказал Курагин, отстукивая каблуками чечетку. Его ногам в узких штиблетах жабко. — Ничего, вы покажете, что и без начальства в любое время докуетесь!

Ему никто не отвечает. Делать ему здесь совершенно нечего.

Мы поднялись на судно и битый час уговаривали капитана подписать акт, но он уперся, и ничем его не прошибить. По сути дела, он прав: ступица винта еще 245

не зацементирована, протекторы на руль не поставлены. Тепнина бы — тот уговорил!

И вот часов в одиннадцать на акте стоит последняя подпись. Капитан по инерции стряхивает авторучку, не зная, что с ней делать дальше.

Решили дробей не уходить. Переночуем на доке, а рано утром, когда не будет ветра, погрузим док. Я, мой помощник и Питилимов пошли в дежурку пить чай. У запасливого дяди Феди, как всегда сахар и заварка. В дежурке тепло, мы все продрогли и садимся к батареям.

— Добрые люди давно спят, — говорит мой помощник, разливая чай в алюминиевые кружки.

— А моя баба разве поверит, что я на доке, — говорит Питилимов, — ни в жизнь не поверит... Придется тебе, Андреевич, справку завтра писать.

И вот утро. Мы вышли из кают, поеживаясь от холода. Внизу бродит с дымящимся факелом дядя Федя — он разогревает бачки сжатого воздуха. Нас человек десять.

— Маловато, — говорит мой помощник.

— Ничего, — отвечает Павел, — справимся.

Мы разбудили людей на судне и отдали швартовы. Крановщица Зося закуталась в длинную шубу и пошла, чтобы снять трап с «Загорска».

Док погружается быстро. Свистит воздух, вырываясь из воздушных отверстий башен. Темные языки воды появились внизу, по углам дока, двигаются друг другу навстречу и сливаются где-то под килем судна.

— Не люблю, когда начальство меняется, не согласен я с этим, — говорит Владимир Иванович. — Если человек на одном месте сидит, он всерьез думает, как да что, а то здесь дров наломал, в другое место дуй лопать. Я пока здесь работаю, сколько их сменилось.

Люди, конечно, неплохие, и напрасно мы столько на 246 Тепнина валили. Сами мы многого не замечали, дол-

бать и долбать нас надо. И каждый знает, что от силы он здесь ну лет пять, так по нему — дальше пусть трава не растет. А, Андреевич?

Мне не до разговоров, надо сосредоточиться. Я перекрыл клинкеты левого борта. Вода равномерно охватывает корпус судна.

— А вы от нас не собираетесь? — спрашивает помощник.

— Куда? — отвечаю я. — Вообще-то и засиживаться человеку на одном месте вредно, все приедается, но куда я от вас денусь? Посмотри там, сколько метров?

Он высовывается в иллюминатор.

— Момент — и всплывет!

— Нос шевелится! — кричит Павел.

— Надо дернуть! В корме вода уже подошла к ватерлинии, а нос повело вправо!

Загудели шпили, тросы натянулись, судно качнулось, двинулось.

— Алло, капитан! Течи нет? — кричу я на судно.

— Все в порядке, — отвечает капитан и зевает.

Над заливом всходит красноватое солнце. Тихо.

Плывут затягиваемые водой бревна. У дальних палов чернеют корпуса буксиров. Судно, набирая ход, скользит вдоль башен дока.

— Не разгонять, не разгонять, одерживать! — кричу я в микрофон.

Нос судна прошел катки, теперь только успевай протянуть концы. Протяжно загудел буксир.

— Отдать концы!

Тросы с плеском упали в воду. Поблескивают иллюминаторы судна, оно медленно разворачивается перед доком, подставляя солнцу яркоокрашенные борта.

— Прощай, «Загорск»!частливого плавания! — на весь залив повторяют динамики голос Питилимова.

Начинается подъем дока.

СОДЕРЖАНИЕ

5	«АНТЕЙ» УХОДИТ НА РАССВЕТЕ
56	ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
168	ТРЮМНЫЙ
185	ПЯТЫЙ ДОК

Олег
Борисович
Глушкин

«АНТЕЙ»
УХОДИТ
НА РАССВЕТЕ

ПОВЕСТИ И РАССКАЗ

Редактор Г. Н. Пашинская.
Художник П. А. Малышко.
Худож. редактор С. И. Соболев.
Техн. редактор М. С. Гайдукова.
Корректор Н. С. Гайдученок.

Сдано в набор 25.04.79 г.
Подписано в печать 21.08.79 г.
Формат бумаги 70X108¹/₃₂-
Бумага тип. № 1. 70 г/м².
Уел. печ. л. 10,85. Уч.-изд. л. 10,94.
КУ 04650. Заказ 3733.
Тираж 15 000. Цена 85 к.

ИБ № 321

Калининградское книжное издательство,
236000, Калининград, Советский просп., 13.

Типография издательства «Калининградская правда»,
236000, Калининград, у л. Карла Маркса, 18.

85 К.

